

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 23,
№ 4 / 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

- Макеева С.Б.** Роль внутренней трудовой миграции в истории Дацинского нефтяного месторождения (1949–1978 годы)..... 5
- Трошина Т.И.** Трудовые отношения и конфликты на концессионных предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии в 1920-е годы..... 15

ЛИНГВИСТИКА

- Ахметгареева О.Ф.** Идеологический компонент военного дискурса..... 27
- Воякина Е.Ю.** Метафтонимические проекции в цифровом мультимодальном дискурсе..... 34
- Канеева А.С.** Характеристика компонентов лексико-семантического поля «ландшафтная архитектура» с учетом их места в терминосистеме (на материале английского языка)..... 44
- Загуменнов А.В.** Об оформлении комбинаций нозем посредством сложных слов: лингвоперсонологический аспект..... 53
- Ю Е.Д.** Рефлексия латиноамериканских социолектов в репрезентации культурно-общного языкового ареала..... 64
- Бакина А.Д., Федулёнок Т.Н.** Простые и сложные окказиональные преобразования библейских фразеологизмов в произведениях У. Шекспира..... 74

ФИЛОСОФИЯ

- Даренская В.Н.** Анализ экзистенциалов как антропологических категорий в позднесоветской философии..... 83
- Макулин А.В., Мирелли М.А.** Глобальные векторы и образы: «мягкой силы» в науке и образовании социально-эпистемологические аспекты..... 92

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 25.09.2023.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 15,54. Уч.-изд. л. 13,60.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8402.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2023

Теребихин Н.М. Северо-Восточный текст русской геоисторисофии, геопоэтики и сакральной географии.....	104
Афанасьева М.А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы.....	114
Юрьева А.В. Метафора «новизны» в современном архитектурном пространстве.....	123

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Федуленкова Т.Н. Проблемы парадигматических отношений в терминологии.....	133
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И. Первый российско-белорусский форум историков.....	140
Наши рецензенты.....	144
К сведению авторов.....	146

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P. V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 23,
No. 4 / 2023

CONTENTS

HISTORY

- Makeeva S.B.** The Role of Internal Labour Migration in the
History of the Daqing Oil Field (1949–1978)..... 5
- Troshina T.I.** Labour Relations and Conflicts at the Concessionary
Timber Enterprises of the Arkhangelsk Province in the 1920s..... 15

LINGUISTICS

- Akhmetgareeva O.F.** The Ideological Component of Military
Discourse..... 27
- Voyakina E.Yu.** Metaphonymic Projections in Digital
Multimodal Discourse..... 34
- Kaneeva A.S.** Characteristics of the Components of the Lexico-
Semantic Field of *Landscape Architecture*, Taking into Account
Their Place in the Terminological System (Based on the English
Language)..... 44
- Zagumennov A.V.** On the Formation of Noem Combinations by
Means of Compound Words: Linguopersonological Aspect..... 53
- Yu E.D.** Representation of Latin American Sociolects in a
Culturally Common Language Area..... 64
- Bakina A.D., Fedulenkova T.N.** Simple and Complex
Occasional Transformations of Biblical Phraseological Units in
W. Shakespeare's Works..... 74

PHILOSOPHY

- Darenskaya V.N.** Analysis of Existentials as Anthropological
Categories in Late Soviet Philosophy..... 83
- Makulin A.V., Mirelli M.A.** Global Vectors of Soft Power in
Science and Education: Socio-Epistemological Aspects..... 92

CONTENTS

Editor
M.G. Averina

Managing Editor
I.V. Kuznetsova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. Orel

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 25.09.2023.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 15.54
Acad. publ. sh. 13.60.
Circulation 1000 copies. Order no. 8402.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2023

Terebikhin N.M. The North-Eastern Text of Russian Geohistoriosophy, Geopoetics and Sacred Geography.....	104
Afanas'eva M.A. Digitalization of Religious Consciousness: Problems and Prospects.....	114
Yur'eva A.V. The Metaphor of Novelty in Modern Architectural Space.....	123

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Fedulenkova T.N. Problems of Paradigmatic Relations in Terminology	133
---	-----

ACADEMIC LIFE

Goldin V.I. The First Forum of Russian and Belarusian Historians...	140
Our Peer-Reviewers.....	144
Information for Authors.....	146

МАКЕЕВА Светлана Борисовна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом исторической и региональной демографии Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва). Автор 105 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411>

РОЛЬ ВНУТРЕННЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ИСТОРИИ ДАЦИНСКОГО НЕФТЯНОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ (1949–1978 годы)

В статье определена роль государственной политики Китая в использовании внутренней трудовой миграции для обеспечения ускоренных темпов социалистического строительства таких крупных промышленных объектов, как Дацинское нефтяное месторождение. История Китайской Народной Республики в период с 1949 по 1978 год богата примерами трудовой мобилизации военных, технических работников, молодежи для строительства и организации работы промышленных предприятий, расположенных в сложных климатических условиях. После открытия в 1959 году нефтяного месторождения Дацин в северо-восточной провинции Хэйлунцзян, туда было переселено свыше 40 тыс. военных, инженеров, рабочих-нефтяников. Китайские рабочие из восточных и западных провинций принимали активное участие в организации процесса разведки, бурения, добычи нефти, транспортной доставке, запуске водоснабжения, строительстве складского хозяйства. Трудовые мигранты быстро возводили новые и современные поселения в районе нефтяных месторождений в чрезвычайно суровых северных условиях. Дацинские работники стойко переживали все трудности и главным для них был лозунг «Работай усердно, преодолевай трудности, делай все возможное, чтобы бороться». Самоотверженный труд внутренних мигрантов был высоко оценен правительством страны и китайским обществом в целом. Более 5 тысяч заводов и предприятий по всему Китаю производили механические, электрические изделия и оборудование для Дацина, 200 научно-исследовательских и конструкторских подразделений обеспечивали техническую поддержку дацинских нефтяников. В 1960-е годы получила распространение хозяйственная кампания «Во всем учиться у Дацина» по передаче опыта строительства данного нефтяного месторождения в другие регионы Китая. Партийные и государственные деятели Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Дун Биу, Хэ Лун, Чэнь И неоднократно посещали Дацин,

---

*Адрес: 121069, Москва, пер. Борисоглебский, д. 13/3; e-mail: msbmag9581@yandex.ru

Для цитирования: Макеева С.Б. Роль внутренней трудовой миграции в истории Дацинского нефтяного месторождения (1949–1978 годы) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V282

чтобы проверить работу и оценить роль трудовых мигрантов из других провинций в деле развития нефтяной промышленности Северо-Восточного Китая.

Ключевые слова: нефтяная промышленность КНР, провинция Хэйлунцзян, Дацинское нефтяное месторождение, внутренняя трудовая миграция, Ли Сыгуан, Ван Цзиньси, Северо-Восток Китая.

После основания в 1949 году Китайской Народной Республики (КНР) вопросы организации народного хозяйства, развития промышленной региональной политики являлись самыми важными для правительства страны. В период с 1949 по 1978 год в КНР была принята и реализовывалась стратегия регионального выравнивающего и сбалансированного развития. Экономический рост ориентировался на цели и задачи построения высокоцентрализованной системы плановой экономики и был обусловлен национальной стратегией формирования регионов с развитой тяжелой промышленностью. В целях использования природно-географического, социально-экономического и промышленного потенциалов всего пространства КНР правительство во второй половине 1950-х годов начинает реализацию стратегии регионального сбалансированного развития. На территории Китая в 1958 году были созданы 7 зон экономического сотрудничества, которые включали в себя Северо-Восточный, Северный, Северо-Западный, Восточный, Центральный, Южный и Юго-Западный регионы [1, с. 201].

В историческом развитии Северо-Восточного региона с 1949 по 1978 год определяющим являлось государственное стимулирование промышленных отраслей народного хозяйства. Тяжелые последствия послевоенного времени, деформации в развитии региональной промышленности в ходе проведения кампании «Большого скачка» (1958–1960 год), подготовительные мероприятия к войне с 1964 года, годы «Культурной революции» оказали значительное влияние на формирование системы региональной промышленности КНР. Но именно в рассматриваемый период в ходе реализации первых пятилетних планов социально-экономического строительства народного хозяйства Китая

(1953–1957, 1958–1962, 1966–1970, 1971–1975, 1976–1980), создания региональных зон экономического сотрудничества, выполнения задач по «трехлинейному» региональному строительству при активной научно-технической и финансовой помощи Советского Союза были модернизированы такие отрасли региональной промышленности, как электроэнергетика, металлургия, производство строительных материалов, машиностроение и металлообработка, топливная и химическая промышленность. Особая роль в этом процессе отводилась работе по добыче нефти.

Промышленное освоение северо-восточной территории – одна из центральных тем при изучении развития провинции Хэйлунцзян в китайской историографии. Она нашла отражение в работах Ли Чжигина, Ми Давэя, Нин Мэнчэня, Сю Цзунляна [2–5]. В отечественной историографии проблема промышленного освоения провинции Хэйлунцзян затрагивается в трудах советских ученых Л.В. Новоселовой, Э.П. Пивоваровой и современных российских исследователей В.Л. Ларина, С.А. Иванова, И.В. Ставрова, И.Ю. Зуенко, Г.В. Кондратенко [6–9]. Целью данной статьи является определение роли внутренней трудовой миграции в истории города Дацин – центра нефтяной промышленности Северо-Восточного Китая в 1949–1978 годы. Для исследования были использованы методы общенаучного уровня, а именно общелогические: аналогия, анализ, синтез, индукция и дедукция, а также метод теоретического уровня – системный анализ, позволяющий рассмотреть историю промышленного развития как систему, в которой отдельное место отводилось трудовой миграции в строительстве городов – центров нефтяного производства. Изучение роли внутренней трудовой миграции в истории города Дацин имеет

несомненную актуальность, поскольку современное руководство КНР решает задачу привлечения трудовых ресурсов на Северо-Восток страны с целью возрождения старой промышленной базы. Актуальность данной темы также связана с ежегодным ростом уровня развития всеобъемлющего стратегического партнерства между Российской Федерацией и КНР. Рассмотрение истории энергетических центров в приграничной с Россией провинции Хэйлуцзян важно для поддержания российско-китайских экономических связей.

Разработка и использование нефти и природного газа выступали важным промышленным сектором производства энергии после основания КНР. Нефтяная промышленность Китая зародилась еще в середине XIX века. По состоянию на 1949 год добыча нефти в целом по КНР составляла 120 тыс. т в год, в стране функционировали 8 крупных нефтяных месторождений. В феврале 1952 года Мао Цзэдун призвал использовать силы Народно-освободительной армии Китая для поддержки строительства нефтяной промышленности. В августе 1952 года Центральный комитет Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) в целях развития нефтяной промышленности приказал преобразовать 57-ю дивизию Народно-освободительной армии Китая в 1-ю дивизию нефтяного машиностроения. Под руководством военачальников Чжан Фучжэня и Чжан Вэньбиня все военные бывшей 57-й дивизии начали принимать участие в развитии нефтяной промышленности, где приветствовались строгая дисциплина и высокая самоотверженность.

К концу 1952 года добыча сырой нефти в стране достигла 435 тыс. т, что в 3,6 раза больше, чем в 1949 году. В 1-ю пятилетку нефтяное месторождение Юймэнь было центром строительства китайской нефтяной промышленности. Богатый опыт, полученный при разработке и строительстве данного месторождения, послужил важным ориентиром для развития нефтяной промышленности страны в первое десятилетие после основания КНР. Как написал известный китайский поэт Ли Цзи: «У Советского Союза есть Баку, у Китая есть Юймэнь,

а где нефть, там и Юймэнь». В 1953 году во время беседы Мао Цзэдуна с министром геологии Ли Сыгуаном обсуждались важные вопросы по использованию нефти в различных отраслях народного хозяйства. Общегосударственная деятельность по поиску новых месторождений активизировалась с 1958 года. Мао Цзэдун в своих выступлениях говорил: «Для строительства необходима нефть». Дэн Сяопин 28 февраля 1958 года в ответ на доклад Министерства нефти отмечал, что граждане Китая «должны затратить много сил, изучить территорию Северо-Востока, чтобы найти новые нефтяные месторождения, и это будет очень хорошо» [10, с. 669].

Потребность китайского государства в открытии новых нефтяных месторождений нашла отражение в 1-м пятилетнем плане (1953–1957). С 1958 года Министерство геологии и Министерство нефти ориентировались на применение при проведении практических разведывательных работ теоретических достижений Ли Сыгуана в области геологии. Проходили разведывательные работы в Северо-Восточном и Северном Китае. Всего с 1955 по 1969 год было открыто 4 нефтяных месторождения в провинции Цинхай, Бохайском заливе, районе равнины Сунляо провинции Хэйлуцзян.

6 сентября 1959 года произошло знаменательное событие в промышленной истории Северо-Востока Китая – было открыто новое нефтяное месторождение. Дата открытия совпала с 10-й годовщиной празднования основания КНР, поэтому это нефтяное месторождение получило название «Дацин» (大庆), что в переводе означает «торжественное событие», «великое празднество».

13 февраля 1960 года Министерство нефти КНР предложило центральному правительству одобрить начало мероприятий по добыче полезных ископаемых. ЦК КПК и лично Мао Цзэдун поддержали инициативу Министерства нефти в данном направлении социалистического строительства. 20 февраля 1960 года китайское правительство издало документ о «начале битвы за Дацин» и преодолении отсталости в нефтяной промышленности. С 1960 года добыча

сырой нефти резко возросла. В процессе строительства города Дацин возникали различные трудности. С 1959 по 1961 год на Северо-Востоке Китая произошли стихийные бедствия, связанные с наводнением и заморозками. В сложившихся исторических условиях необходимо было развивать инфраструктуру и привлекать высокопрофессиональных специалистов и рабочих в данный район. Ведущую роль в развитии Дацинского месторождения сыграли советские специалисты. Когда в 1960 году китайско-советские отношения ухудшились они были резко отозваны из Дацина, также были разорваны договоры и контракты, прекратились поставки специальной техники. Данные исторические события негативно отразились на темпах обустройства Дацинского нефтяного месторождения.

Разработка этого месторождения и резкое увеличение добычи сырой нефти в первой половине 1960-х годов требовали одновременного развития нефтеперерабатывающей промышленности. Более 5 тыс. заводов и предприятий по всему Китаю производили механические, электрические изделия и оборудование для Дацина, 200 научно-исследовательских и конструкторских подразделений обеспечивали техническую поддержку дацинских нефтяников. Во время строительства Дацинского месторождения на Северо-Восток были командированы министр нефтяной промышленности Юй Цюли, заместители министра Ли Жэньцзюнь, Чжоу Вэньлун, Сунь Цзинвэнь и Кан Шивэнь, что обеспечивало строгий контроль за процессом строительства со стороны государственных ведомств. В этот период были расширены Шанхайский нефтеперерабатывающий завод и нефтяные заводы № 1, 2, 5 и 7, расположенные по всей стране [11]. Данные заводы были переведены с производства искусственной на переработку природной сырой нефти.

В мае 1960 года под руководством Юй Цюли и Кан Шивэня из Министерства нефтяной промышленности начинается привлечение китайских рабочих из различных провинций для участия в организации и строительстве Дацинского

месторождения. Тысячи человек за короткий срок были мобилизованы на Северо-Восток для строительства Дацина – одного из самых крупных нефтяных месторождений в Китае с подтвержденными запасами нефти в 2,67 млрд т. Китайские рабочие из восточных и западных провинций принимали активное участие в организации процесса разведки, бурения, добычи нефти, транспортной доставке, запуске водоснабжения, строительстве складского хозяйства. Всего было привлечено 40 тыс. сотрудников из 30 нефтяных заводов, шахт и колледжей. В Дацин переселилось свыше 10 тысяч рабочих-нефтяников из Шэньяня, Юймэня, Цзяняня (рис. 1). Перевезено более 70 тыс. т оборудования для буровых установок [12]. Был сформирован строгий производственный порядок. Параллельно проводилась большая научно-исследовательская работа по изучению процесса добычи нефти на 85 разведочных скважинах месторождения Дацин и решался ряд крупных технических проблем. Например, проблемы послышной разработки многопластовых месторождений, концентрации сырой нефти с высоким содержанием парафинов, высокой температуры замерзания и высокой вязкости нефти. С 1960 по 1963 год в развитие Дацинского месторождения было привлечено 710 млн юаней государственных инвестиций [13].

Рис. 1. Переселение трудовых мигрантов в район нефтяного месторождения Дацин, 1960 год

Fig. 1. Relocation of labour migrants to the Daqing Oil Field area, 1960

Стоит отметить, что в районе Дацин не было приемлемых условий для жизни. Десятки тысяч людей, в т. ч. инженеры и высокопрофессиональные технические работники, профессора из геологических университетов и врачи, переселялись на Северо-Восток Китая в будущий город Дацин. Для них не были организованы нормальные бытовые условия: не построены дома, не было кроватей, отсутствовала возможность приготовить пищу. Трудовым мигрантам приходилось устанавливать палатки и строить за несколько дней сборные дома. Для проживания рабочими были переоборудованы заброшенные коровники и конюшни. Некоторые люди не могли найти себе место для ночлега и, проработав весь день, спали под натянутым брезентом, чтобы прикрыть свои тела от ветра и дождя. В таких сложных условиях началась добыча сырой нефти на месторождении Дацин на рубеже 1950–1960-х годов.

Перед Министерством нефтяной промышленности стояла сложная задача – за несколько месяцев не только запустить на полную мощность работу Дацинского месторождения, но и создать комфортные условия для проживания трудовых мигрантов. Были привлечены дополнительные рабочие бригады из восточных и западных провинций Китая для строительства домов-землянок. Все рабочие, независимо от социального статуса и уровня образования, принимали участие в строительстве 300 тыс. м² жилых помещений, чтобы успеть к октябрю 1960 года построить дома [14]. Возникали трудности с обеспечением питанием трудовых мигрантов. Когда еды и овощей не хватало, они размораживали семена трав и выкапывали дикорастущие овощи, чтобы утолить голод. Вместе с трудовыми мигрантами приезжали их семьи, поэтому жены и дети работников решали бытовые проблемы, привлекались к освоению пустошей, разработке сельскохозяйственных угодий, разведению свиней.

Сложная ситуация наблюдалась и в нефтяном производстве Дацина. Развернуты сразу десятки крупных буровых установок, но оборудование не укомплектовано и не подобрано, количество автомобилей и кранов было недо-

статочным, дороги отсутствовали, не хватало оборудования для водо- и электроснабжения. Условия труда для мигрантов были очень тяжелыми (рис. 2). Дацинские работники стойко переживали все трудности и главным для них в тот сложный 1960 год был лозунг «Работай усердно, преодолевай трудности, делай все возможное, чтобы бороться». Мигрантам без специального оборудования приходилось разгружать из поездов десятки тысяч тонн оборудования и техники, тянуть груз на своих плечах, используя только роликовые приспособления. Например, крупную буровую установку массой от 50 до 60 т работники вручную тащили к нефтяному месторождению несколько километров. А после ее запуска требовалось переносить воду вручную из бассейна, т. к. водопровод не был построен.

Рис. 2. Участие трудовых мигрантов в строительстве Дацинского нефтяного месторождения, 1960 год

Fig. 2. Participation of labour migrants in the construction of the Daqing Oil Field, 1960

В истории строительства города Дацин как центра нефтяной промышленности Северо-Восточного Китая сыграла большую роль самоотверженная деятельность трудовых мигрантов. Особое значение отводилось трудолюбию, стойкости и дисциплине настоящих героев «Дацинской битвы». В историческом документе «Летопись Дацинского нефтяного месторождения» содержится описание подвига трудовых мигрантов, переселившихся из разных уголков Китая на Северо-Восток, чтобы добывать нефть. Значимое место отведено описанию

деятельности буровой бригады № 32118. Счастливые мужчины с улыбками на лицах в теплых зимних шапках и куртках ежедневно трудились в условиях лютого холода Северо-Востока (рис. 3). Среди героев «Дацинской битвы» стоит выделить подвиг «железного человека» Ван Цзиньси. Он родился 8 октября 1923 года в бедной крестьянской семье в городе Юймэнь провинции Ганьсу. 25 сентября 1949 года Ван Цзиньси получил техническое образование и стал одним из первых буровых рабочих в Ки-

Рис. 3. Рабочая бригада № 32118 Дацинского нефтяного месторождения, 1960 год

Fig. 3. Working team no. 32118 at the Daqing Oil Field, 1960

тае. Он принимал участие в промышленных соревнованиях по «качественному и быстрому бурению» в горах Цзянь и установил месячный рекорд «самые высокие результаты по бурению в стране» [12, с. 32]. В феврале 1960 года Ван Цзиньси возглавил буровую бригаду № 1205 и отправился с рабочими на Северо-Восток Китая [15]. Используя ломы, ролики и канаты, они доставили на буровые площадки Дацина оборудование всего за 4 дня. В апреле 1960 года при бурении второй скважины Дацинского месторождения внезапно произошел выброс. Ван Цзиньси решил заглушить скважину цементом, прыгнул в бассейн с цементным раствором и начал перемешивать его телом, несмотря на травму ноги. Ему удалось предотвратить аварию. Этот подвиг стал известен, и в историю Китая Ван Цзиньси вошел как «железный че-

ловек» [12, с. 33] (рис. 4). Героизм трудовых мигрантов высоко оценивался правительством. Героев «Дацинской битвы» ставили в пример при проведении социалистического строительства в других регионах Китая.

Рис. 4. Ван Цзиньси на буровой установке (второй слева)

Fig. 4. Wang Jinxi on a drilling rig (second from the left)

Мао Цзэдун лично поддерживал деятельность Министерства нефтяной промышленности по строительству города Дацин. 7 января 1964 года он, выслушав доклад о состоянии промышленности и транспорта в стране, поручил газете «Жэньминь жибао» подготовить серию статей о достижениях китайского государства в развитии нефтяной промышленности на примере успешного запуска Дацинского месторождения. 9 февраля 1964 года Мао Цзэдун встретился с иностранными гостями и рассказал о прогрессе, достигнутом в битве за нефть в Дацине. Китайский лидер гордо отмечал: «Они использовали небольшие инвестиции, ограниченный период времени и все оборудование, которое они сделали сами, и совершили подвиг за три года, построив нефтяное месторождение с годовой добычей нефти в 6 млн т и большой нефтеперерабатывающий завод, и они оказались более передовые, чем Советский Союз» [4, с. 81]. В тот же день ЦК КПК издал исторический документ «Уведомление о передаче

отчета Министерства нефтяной промышленности о Дацинской нефтяной битве» [4, с. 103]. Все структурные ведомства Государственного совета КНР использовали этот отчет в своей деятельности в качестве образца самоотверженной работы по развитию народного хозяйства. 13 февраля 1964 года Мао Цзэдун выступил с призывом: «Мы должны развиваться дальше, поэтому мы должны учиться у Народной освободительной армии Китая и у Дацина» [4, с. 112]. С тех пор началось повсеместное изучение и применение на практике опыта промышленного строительства в Дацине. Это способствовало процессу индустриализации в КНР.

20 апреля 1964 года газета «Жэньминь жибао» подготовила несколько выпусков «Самоотверженный дух нефтяных промыслов Дацина, рабочие-нефтяники Дацина». Были напечатаны статьи, повествующие о самоотверженной борьбе трудовых мигрантов в деле развития нефтяной промышленности на Северо-Востоке Китая. Среди них стоит отметить такие публикации, как «Дух Дацина – это революционный дух пролетариата», «Люди Дацина – это люди из особых материалов и вооруженные революционным духом пролетариата», «Такой дух и такой человек – просто высокий пример, у которого мы можем учиться» [12, с. 129]. Впоследствии газета «Жэньминь жибао» опубликовала множество статей о нефтяном месторождении Дацин.

20 апреля 1964 года, говоря об использовании опыта Дацина на Шанхайской промышленной ярмарке, Глава Госсовета КНР Чжоу Эньлай отмечал: «Необходимо сочетать стремительный революционный порыв со строгой научной позицией и осуществлять технологические инновации и технологическую революцию. Необходимо учиться на опыте Дацина» [4, с. 57]. С 21 декабря 1964 по 4 января 1965 года в Пекине проходило заседание Всекитайского собрания народных представителей, на котором Чжоу Эньлай был представлен «Отчет о работе правительства». В нем государственный деятель обобщил результаты освоения Дацинского нефтяного месторождения, указав, что достижения дацинских рабочих выдающиеся и их опыт заслуживает детального изучения.

Большое количество известных деятелей культуры, искусства и журналистики, вдохновленные призывом Чжоу Эньлая, один за другим приезжали в Дацин, изучали жизнь китайских трудовых мигрантов и создавали произведения, восхваляющие созидательный труд китайского рабочего класса в социалистическом строительстве. Были созданы фильмы «Боевой гимн Дацина» и «Основать предприятие», драма «Восходящее солнце», песня «Дацинские семьи совершают революцию». С распространением данных произведений искусства по всему Китаю в 1960-е годы была запущена хозяйственная кампания под лозунгом «В промышленности учиться у Дацина». Партийные и государственные деятели Чжоу Эньлай, Чжу Дэ, Дун Биу, Хэ Лун, Чэнь И и другие неоднократно посещали месторождение, чтобы проверить работу и оценить роль трудовых мигрантов из других провинций в деле развития нефтяной промышленности Северо-Восточного Китая.

В годы «Культурной революции» (1966–1976) добыча нефти в Дацине продолжалась без проведения научных исследований, что ограничивало прогресс в промышленном развитии Северо-Востока КНР. На десятилетие была приостановлена хозяйственная кампания «В промышленности учиться у Дацина». Китайский политический деятель Чжоу Эньлай пытался защитить работников Дацина, сохранить представления о дацинском опыте промышленного развития. В 1967 году Чжоу Эньлай отмечал: «Нефтяное месторождение Дацин – это красный флаг на промышленном фронте нашей страны, выросший под влиянием великой мысли Мао Цзэдуна». В 1970 году Чжоу Эньлай в «Отчете о текущей основной ситуации на нефтяном месторождении Дацин» указывал, что нефтяное месторождение Дацин должно быть хорошо защищено, а его кадры необходимо уважать и беречь. Действия Чжоу Эньлая по защите Дацинского нефтяного месторождения обеспечили признание значимости работы трудовых мигрантов. В 1975 году Мао Цзэдун дал указания о необходимости вернуть в массовый прокат фильмы о Дацине, о начале кампании по усилению добычи нефти на дан-

ном месторождении. В чрезвычайно сложных условиях Дацинское нефтяное месторождение значительно увеличило добычу сырой нефти. В 1976 году она достигла 50,3 млн т, что сыграло важную роль в развитии китайской экономики. В исторический период с 20 апреля по 13 мая 1977 года прошла общегосударственная конференция «В промышленности учиться у Дацина». Опыт Дацина был определен как один из самых значительных. Премьер Госсовета Хуа Гофэн выступил на заседании с речью, в которой потребовал, чтобы в течение 5-й пятилетки (1976–1980) строились предприятия по образцу Дацинского нефтяного месторождения. С 1978 года Дацин развивался в условиях реализации политики «реформ и открытости».

Таким образом, после образования КНР Дацин из ничего превратился в мощную экономическую единицу, которая в определенный период истории превзошла провинциальную столицу Харбин. Дацин – типичный город вторичной промышленности. До начала разведки нефтяных ресурсов в 1959 году наиболее освоенным нефтяным участком в провинции Хэйлуцзян был город Аньда. С каждым годом после открытия крупных нефтяных месторождений все больше китайских исследователей изучали территорию страны в поисках новых скважин. Открытие Дацинского нефтяного месторождения в 1959 году положило конец нехватке нефти и сделало Дацин одним из самых известных мест

в истории промышленности Китая. Месторождение было введено в эксплуатацию в 1960 году. Оно состояло из 48 нефтяных и газовых скважин различных размеров, в т. ч. Саэрту, Синшуган, Ламадянь и Чаоянгоу, занимавших площадь около 6 тыс. км². С 1960 года месторождение достигло высокой и стабильной добычи более 50 млн т в течение 25 лет подряд. С 1960 по 1980 год нефтяная система стремительно расширялась благодаря большой политической поддержке и высокой стоимости добычи нефти. Центр нефтяной промышленности в рассматриваемый исторический период сосредоточился в Дацине. Открытие Дацинского месторождения повлияло на формирование сообщества трудовых мигрантов на Северо-Востоке, состоявшего из военнослужащих, промышленно-технических рабочих, инженеров и нефтяников, в котором было мало различий между богатыми и бедными. В основе объединения лежали общие условия жизни, общие цели участия в социалистическом строительстве страны. Трудовые мигранты составили основу социального развития города Дацин. Они сообща адаптировались к суровым природно-климатическим условиям, совместными усилиями добивались успехов в строительстве северо-восточной промышленной базы страны. Трудовые мигранты быстро возводили новые и современные поселения в районе нефтяных месторождений в чрезвычайно суровых северных условиях.

Список литературы

1. Макеева С.Б. Исторический опыт реализации стратегий пространственного регионального развития в КНР (1949–2019) // Восток (Oriens). 2020. № 4. С. 196–206. DOI: [10.31857/S086919080010846-7](https://doi.org/10.31857/S086919080010846-7)
2. 李治亭. 东北通史. 郑州, 2003. 670 页. [Чжэтин Л. Всеобщая история Северо-Восточного Китая. Чжэнчжоу, 2003. 670 с.]
3. 米大伟. 黑龙江历史附哈尔滨城市史. 哈尔滨, 2012. 236 页. [Давэй М. История провинции Хэйлуцзян и история города Харбин. Харбин, 2012. 236 с.]
4. 宁梦辰. 东北地方史. 沈阳, 2019. 493 页. [Мэнчэнь Н. Местная история Северо-Восточного Китая. Шэньян, 2019. 493 с.]
5. 徐宗亮. 黑龙江述略. 哈尔滨, 1985. 161 页. [Цзунлян С. Очерк Хэйлуцзяна. Харбин, 1985. 161 с.]
6. Новоселова Л.В. Капитальные вложения в народное хозяйство КНР, 1949–1979 гг. М.: Ин-т Дальнего Востока АН СССР, 1982. 200 с.

7. Пивоварова Э.П. Стратегия социально-экономического развития КНР на современном этапе. М.: ИЭМСС АН СССР, 1985. 86 с.
8. Ларин В.Л., Забровская Л.В., Белоглазов Г.П., Гридина Н.П., Каретина Г.С., Романова Г.Н., Рябченко Н.П., Смирнов Д.А., Петров А.И., Кондратенко Г.В., Рисухина О.Н. История Северо-Восточного Китая XVII–XX вв. Кн. 4. Северо-Восточный Китай в 1979–1999 гг. / гл. ред. В.Л. Ларин; отв. ред. Г.П. Белоглазов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2021. 452 с.
9. Иванов С.А., Ставров И.В., Зуенко И.Ю., Рисухина О.Н., Кондратенко Г.В. История Северо-Восточного Китая XVII–XXI вв.: в 5 кн. Кн. 5. Северо-Восточный Китай в период возрождения старопромышленной базы / гл. ред. В.Л. Ларин; отв. ред. И.В. Ставров, С.А. Иванов. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2018. 356 с.
10. 孙进己, 冯永谦. 东北历史地理. 哈尔滨, 2013. 826 页. [Цзиньцзи С., Юнцян Ф. История и география Северо-Восточного Китая. Харбин, 2013. 826 с.].
11. 孙进己, 冯永谦. 东北历史地理. 哈尔滨, 1989. 416 页. [Цзиньцзи С., Юнцян Ф. История и география Северо-Восточного Китая. Харбин, 1989. 416 с.].
12. 吴冠男. 黑龙江工业建设口述史(1949–1999). 北京, 2020. 280 页. Гуаньюн У. История Китая. История строительства Хэйлунцзяна (1949–1999). Пекин, 2020. 280 с.].
13. 吴传钧. 黑龙江省黑龙江及乌苏里江地区经济地理. 北京, 1957. 98 页. [Фуцзюнь У. Экономическая география территории рек Амур и Усури провинции Хэйлунцзян. Пекин, 1957. 98 с.].
14. 张向凌. 黑龙江四十年. 哈尔滨, 1986. 472 页. [Сянлин Чж. Сорок лет в Хэйлунцзяне. Харбин, 1986. 472 с.].
15. 石方. 黑龙江移民史. 北京, 2019. 596 页. [Фан Ш. История миграции в провинцию Хэйлунцзян. Пекин, 2019. 596 с.].

References

1. Makeeva S.B. Istoricheskiy opyt realizatsii strategiy prostranstvennogo regional'nogo razvitiya v KNR (1949–2019) [Historical Experience in the Implementation of Strategies for Spatial Regional Development in China (1949–2019)]. *Vostok (Oriens)*, 2020, no. 4, pp. 196–206. DOI: [10.31857/S086919080010846-7](https://doi.org/10.31857/S086919080010846-7)
2. Zhi-Ting L. *General History of Northeast China*. Zhengzhou, 2003. 670 p. (in Chinese).
3. Dawei M. *History of Heilongjiang Province and History of Harbin City*. Harbin, 2012. 236 p. (in Chinese).
4. Mengchen N. *Local History of Northeast China*. Shenyang, 2019. 493 p. (in Chinese).
5. Zongliang X. *A Study on Heilongjiang*. Harbin, 1985. 161 p. (in Chinese).
6. Novoselova L.V. *Kapital'nye vlozheniya v narodnoe khozyaystvo KNR, 1949–1979 gg.* [Capital Investment in China's National Economy, 1949–1979]. Moscow, 1982. 200 p.
7. Pivovarova E.P. *Strategiya sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya KNR na sovremennom etape* [Strategy of China's Socio-Economic Development at the Present Stage]. Moscow, 1985. 86 p.
8. Larin V.L., Zabrovskaya L.V., Beloglazov G.P., Gridina N.P., Karetina G.S., Romanova G.N., Ryabchenko N.P., Smirnov D.A., Petrov A.I., Kondratenko G.V., Risukhina O.N. *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XX vv. Kn. 4. Severo-Vostochnyy Kitay v 1979–1999 gg.* [History of Northeast China in the 17th – 20th Centuries. Book 4. Northeast China in 1979–1999]. Vladivostok, 2021. 452 p.
9. Ivanov S.A., Stavrov I.V., Zuenko I.Yu., Risukhina O.N., Kondratenko G.V. *Istoriya Severo-Vostochnogo Kitaya XVII–XXI vv. Kn. 5. Severo-Vostochnyy Kitay v period vrozhdeniya staropromyshlennoy bazy* [History of Northeast China in the 17th – 21st Centuries. Book 5. Northeast China During the Revival of the Old Industrial Facilities]. Vladivostok, 2018. 356 p.
10. Jinji S., Yongqian F. *History and Geography of Northeast China*. Harbin, 2013. 826 p. (in Chinese).
11. Jinji S., Yongqian F. *History and Geography of Northeast China*. Harbin, 1989. 416 p. (in Chinese).
12. Guannan W. *History of China. History of the Construction of Heilongjiang (1949–1999)*. Beijing, 2020. 280 p. (in Chinese).
13. Chuangjun W. *Economic Geography of the Amur and Ussuri River Regions of Heilongjiang Province*. Beijing, 1957. 98 p. (in Chinese).
14. Xiangling Z. *Forty Years in Heilongjiang*. Harbin, 1986. 472 p. (in Chinese).
15. Fan S. *History of Migration to Heilongjiang Province*. Beijing, 2019. 596 p. (in Chinese).

DOI: 10.37482/2687-1505-V282

Svetlana B. Makeeva Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences;
per. Borisoglebskiy 13/3, Moscow, 121069, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2953-0411> e-mail: msbmag9581@yandex.ru**THE ROLE OF INTERNAL LABOUR MIGRATION
IN THE HISTORY OF THE DAQING OIL FIELD (1949–1978)**

This paper determines the role of the Chinese state policy in using internal labour migration to ensure accelerated socialist construction of such large industrial facilities as the Daqing Oil Field. The history of the People's Republic of China from 1949 to 1978 is rich in examples of labour mobilization of military and technical workers as well as young people for the construction and organization of industrial enterprises in adverse climatic conditions. After the discovery of the Daqing Oil Field in the north-eastern province of Heilongjiang in 1959, more than 40,000 military men, engineers and oil workers were relocated to this facility. Chinese workers from the eastern and western provinces took an active part in organizing the process of exploration, drilling, oil extraction and transportation, as well as launching water supply and building storage facilities. Labour migrants were quick to establish new modern settlements in the oil field area under extremely harsh northern conditions. Daqing Oil Field workers steadfastly endured all the hardships, their main slogan being as follows: "Work hard, overcome difficulties, do your best to fight". The selfless work of internal migrants was highly appreciated by the Chinese government and the Chinese society as a whole. Over 5,000 factories and enterprises throughout China manufactured mechanical and electrical products as well as equipment for the Daqing Oil Field; 200 research and development departments provided technical support to its workers. In the 1960s, an economic campaign "Learn Everything from Daqing" was launched, aimed to share the experience of building this oil field with other regions of China. Party and government officials Zhou Enlai, Zhu De, Dong Biwu, He Long and Chen Yi had repeatedly visited Daqing to inspect the work and evaluate the role of labour migrants from other provinces in the development of the oil industry in Northeast China.

Keywords: oil industry of China, Heilongjiang Province, Daqing Oil Field, internal labour migration, Li Siguang, Wang Jinxi, Northeast China.

Поступила 06.05.2023

Принята 11.09.2023

Опубликована 18.09.2023

Received 6 May 2023

Accepted 11 September 2023

Published 18 September 2023

For citation: Makeeva S.B. The Role of Internal Labour Migration in the History of the Daqing Oil Field (1949–1978). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.37482/2687-1505-V282

УДК 94(47).084.3:67

DOI: 10.37482/2687-1505-V280

ТРОШИНА Татьяна Игоревна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова; профессор кафедры гуманитарных наук Северного государственного медицинского университета (г. Архангельск). Автор 204 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ И КОНФЛИКТЫ НА КОНЦЕССИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ ЛЕСНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ в 1920-е годы¹

В статье представлена проблема трудовых взаимоотношений на предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии, переданных советским правительством в концессию иностранным предпринимателям в 1920-е годы. Основу исследования составили архивные (концессионные договоры и отчеты, результаты обследования концессионных предприятий органами власти, стенограммы заседаний советских партийных и профсоюзных организаций, материалы заводских расценочных комиссий, следственных и судебных органов), а также опубликованные источники – прежде всего, синхронные (публикации в газетах и журналах). Акцентируется внимание на отношении к трудовым конфликтам со стороны органов власти. Лесные концессии имели большое международное значение для центрального правительства и экономическое – для местных властей. Поэтому, в сравнении с ситуацией на других концессионных предприятиях, они нередко оказывались на стороне «капиталистов». Со своей стороны концессионеры, заинтересованные в привлечении квалифицированной рабочей силы на предприятия и стремящиеся к нормализации отношений с населением и правительством территории, которая была передана им для эксплуатации лесных ресурсов, шли навстречу трудовым коллективам, тратя существенные средства на строительство жилья и объектов социального и культурного назначения в заводских поселках. Трудовые отношения и конфликты рассмотрены в статье на примере четырех категорий наемных работников: квалифицированные рабочие; чернорабочие на лесопильных заводах; крестьяне, занимавшиеся заготовкой леса и доставкой его к заводам (лесорубы и сплавики, объединенные в артели); административные и канцелярские служащие.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, ул. Смольный Буян, д. 7; e-mail: tatr-arh@mail.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-20061

Для цитирования: Трошина Т.И. Трудовые отношения и конфликты на концессионных предприятиях лесной промышленности Архангельской губернии в 1920-е годы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 15–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V280

Делается также вывод о специфике трудовых конфликтов, вызванных послереволюционными социальными ожиданиями населения.

Ключевые слова: лесная промышленность, иностранные концессии, Архангельская губерния, трудовые конфликты, советское социально-трудовое законодательство, нэп.

Рабочие конфликты на переданных иностранным компаниям в аренду или на концессионных условиях предприятиях – вопрос, хорошо раскрытый в исследованиях, посвященных реализации советской концессионной программы [1–4]. Это объясняется достаточно полной источниковой базой: взаимоотношения рабочих с «хозяевами» в период новой экономической политики (нэпа) внимательно отслеживались партийными, советскими и профсоюзными организациями и представлены в их отчетах. В современных публикациях эти конфликты, которые нередко были «управляемыми» (рабочие концессионных предприятий получали определенную поддержку со стороны советских властей при защите своих прав), рассматриваются в качестве эффективного орудия давления на концессионные предприятия, часто с целью их закрытия [5, 6]. Либо в аспекте претензий иностранных концессионеров [7], недовольных высокими ставками отчислений на социальное страхование, а нередко и вмешательством профсоюзов в их дела.

Мотивацией для обращения к этому вопросу для автора послужило то, что на материалах северных лесных концессий данная тема изучена недостаточно. Назовем лишь статью А.А. Киселева [8], в которой упоминается о «тяжелых условиях труда и быта» на концессионных предприятиях Европейского Севера, однако подробно трудовые конфликты рассматриваются только на предприятиях лесной концессии «Мологолес» в Петроградской губернии. Можем предположить, что Мологолес как «чистая» концессия (т. е. без участия советской стороны) более внимательно отслеживалась в

смысле защиты трудовых прав. Три другие лесные концессии – Русанглолес, Русголландлес и Руснорвеголес («Русско-норвежское общество лесной промышленности на Онеге») – были «смешанными», акционером в них выступало и советское правительство, которое представлял трест «Северолес», соответственно, и ожидаемые дивиденды должны были делиться поровну. Не в интересах государства допускать трудовые конфликты, которые негативно могли повлиять на производительность концессионных предприятий. Профсоюзным организациям было разъяснено, что эти предприятия относятся к «частным», но, согласно договорам с правительством, «профорганизациями поддерживаются наряду с государственными», и центральный орган Союза деревообделочников (профсоюз рабочих лесопильных заводов) «неоднократно указывал низовым ячейкам о недопустимости рвачества и использования своего положения в ущерб предприятиям», т. е. не рекомендовал особо рьяно подталкивать рабочих к забастовкам для улучшения своего материального положения. В результате профсоюз «никогда не занимал непримиримой позиции и шел [концессионерам] на уступки», поэтому и «серьезных конфликтов не было»².

Вместе с тем в архивных документах содержится разнообразная и нередко противоречивая (в зависимости от трактовки их авторов) информация о трудовых конфликтах на этих предприятиях. Они различались в зависимости от интересов социальной группы работников. Прежде всего, это квалифицированные рабочие – немногочисленные постоянные кадры на лесопильных заводах, имевших сезонный харак-

²Государственный архив Архангельской области. Отдел документов социально-политической истории (ГААО. ОДСПИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29.

тер работы; они были заинтересованы в высокой зарплате для удовлетворения потребностей своих семей, нормальных жилищных условиях и социальных гарантиях. Вторая группа – это сезонные рабочие, в основном крестьяне, которые нуждались только в стабильном временном заработке. Третья – крестьяне, работавшие на лесозаготовках и сплаве леса. Их интерес касался справедливых условий артельного найма. В особую категорию можно выделить канцелярских и административных служащих, которые, будучи также наемными, воспринимались другими категориями рабочих как хозяйские «прислужники»; к ним с особым вниманием «присматривались» как сами рабочие, так и заводские профсоюзные и партийные функционеры.

Сведений о настроениях рабочих всех перечисленных категорий в источниках достаточно много: они отражались в регулярных сводках Архангельского Государственного политического управления об экономическом и политическом состоянии губернии. Поводы для недовольства появлялись уже потому, что «разбуженное Революцией» сознание рабочих воспринимало возвращение к прежним капиталистическим отношениям как потерю завоеванных социальных прав. Это особо проявлялось в Архангельской губернии, где концессионерами были бывшие владельцы заводов, договоры с которыми «предусматривали по существу реституцию части прежней собственности», и в качестве взноса им засчитывали национализированное имущество (экспортную древесину)³. Русанглолесу в аренду был передан завод

№ 29 «Красный восход» (до национализации принадлежавший лесопромышленной фирме «Ш. Шалит», которая под названием «Лондонская и Северная торговая компания» стала основным акционером концессионного предприятия). Русголландлесу (основной акционер – также бывший владелец завода, голландская фирма «Альциус и К^о Наследники», выступавшая под названием «Анонимное общество лесной торговли») – завод № 23. Руснорвеголес (консорциум бывших владельцев «Бак и Вик», «Бак и Вагер», «Ф. Прютц и Ко», «Онежская лесная компания») получил пять онежских заводов, из которых, впрочем, работали только три⁴.

В разделе «Конфликты с концессионерами и досрочная ликвидация концессий» Сопроводительной записки управляющего делами Главного концессионного комитета от 10 февраля 1927 года выделены «конфликты, возникающие из нашей политики по труду и практики профсоюзов»⁵. Северные лесные концессии в этом отношении особых проблем не имели. Сложности, которые отражались и на взаимоотношениях с работниками, чаще вытекали из конъюнктуры мирового экспортного рынка. Английские и голландские инвесторы в конце концов финансировать свои концессии отказались, и предприятия постепенно были возвращены тресту «Северолес». Руснорвеголес продолжал держаться путем «почти перманентного выпрашивания всяких отсрочек, льгот и банковских кредитов... Домогаясь помощи либо уступок от правительства, концессионеры отлично учитывают не только экономическое, но и международное значение своих концессий для СССР»⁶. Действительно, власти

³Сопроводительная записка управляющего делами ГKK при СНК СССР Иванова в СНК СССР и отчет ГKK при СНК СССР за 1925/1926 г. 10 февраля 1927 г. // Иностраные концессии в СССР (1920–1930 гг.): документы и материалы. М., 2005. С. 211–275; Бутковский В. Иностраные концессии в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1928. С. 57; Зайцев Д.М. Северолес и лесные концессии. Проблема политики и практики лесных концессий в России // Северолес: ежемес. журн. Гос. об-ния лесн. пром-сти Сев.-Беломор. края. 1922. № 1. С. 8–12.

⁴ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 782. Л. 6.

⁵Сопроводительная записка управляющего делами...

⁶Там же.

нередко поддерживали концессионеров в этих вопросах, понимая, что прекращение их деятельности создаст трудности в наполнении центрального и местных бюджетов и приведет к безработице значительной части населения губернии.

Интересы советского правительства, местных властей, населения и иностранных концессионеров оказались настолько переплетены, что власти нередко сами способствовали тому, чтобы возникшее напряжение в отношениях не переросло в открытые конфликты. Так, возможность не допустить ухудшения положения рабочих на концессионных лесозаводах в связи с закрытием предприятий видели в увеличении заготовок леса, и концессионерам в этом отношении шли на различные уступки. Как констатировало губернское партийное руководство в докладной записке в Центральный комитет партии (ЦК)⁷, концессионеры добивались расширения лесорубочных участков с выходом к удобным сплавному районам; настаивали на отмене обязательства по сплошной вырубке леса, стремясь брать только пиловочную древесину. Приходилось поддерживать и другие их требования (включая снижение социальных расходов), поскольку те угрожали сокращением производства и даже «уходом» из страны.

Конфликты с рабочими были нежелательны как для местной советской и партийной власти, так и для арендаторов-концессионеров, многие из которых имели опыт общения с рабочими в предыдущие десятилетия, особо важный – в период Октябрьской революции [9], и были готовы к возможным сложностям. Продовольственная проблема, столь острая в начале 1920-х годов, им также была известна. Население Архангельской губернии, включая крестьян, и до революции нуждалось в привозном продовольствии, в т. ч. норвежской рыбе. Практиковавшиеся авансы продовольствием были выгодны крестьянам,

а в условиях постоянного обесценивания советских «дензнаков» устаивали и рабочих. Для новых хозяев предприятий экономически это было выгодно, поскольку существовавший товарный эквивалент денег обычно не соблюдался.

Вместе с тем в сводках о политическом состоянии фиксировались опасения населения в связи с возвращением бывших «хозяев» и передачей в концессию иностранцам северного леса, который на протяжении не одного десятилетия был предметом конфликта крестьян с государством [10]. Власти всех уровней объясняли суть концессионной политики, в частности, тем, что иностранные капиталисты будут строго подчиняться всем советским законам⁸.

Но в реальности было не совсем так. Типовым концессионным договором для «смешанных обществ» оговаривалось, что профсоюзы не имеют права вмешиваться в их хозяйственную деятельность. Администрация же, в нарушение советских законов, имела право увольнять работников «без уважительной причины», но с выплатой полагающейся компенсации⁹.

В качественной работе лесной промышленности было заинтересовано государство, поэтому и стремление концессионеров поднять дисциплину встречалось с пониманием. Руководитель Северолеса К.-Ю.Х. Данишевский признавал, что «во время гражданской войны мы отвыкли от деловой хозяйственной работы. Пошатнулась дисциплина труда», присутствовали «недоверие к хозяйственному аппарату... отсутствие коммерческой этики и норм для подрядчиков и поставщиков... отсутствие чувства долга при исполнении взятых на себя (любых) обязательств...»¹⁰. Представитель Северолеса в Руснорвеголесе М.И. Бечин, посетив предприятия за границей, признавал низкую трудовую дисциплину на архангельских заводах: «Шведские и норвежские рабочие проник-

⁷ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д.1242. Л. 2–45.

⁸ГААО. Ф. 230. Оп. 1. Д. 28. Л. 72, 113.

⁹Концессионный договор с Онежским лесопромышленным обществом «Руснорвеголес». М., 1923; ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29, 30; ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 9. Л. 57об.

¹⁰Данишевский К.-Ю.Х. Северлес. // Северлес... 1922. № 1. С. 2–4.

нуты каким-то чувством долга, обязанности к предприятию; если он получает определенное вознаграждение, то он стремится добросовестно его отработать»; «...у нас на заводах машина ждет рабочего, у них наоборот, человек ждет машину, еще за несколько минут он сидит, ждет когда (она) будет пущена»¹¹. Директор-распорядитель Руснорвеголеса Ф. Прютц тоже указывал на низкую трудовую дисциплину: официально существует 8 часовой рабочий день, однако «заводы часто начинали работу на 15, 30 минут позднее, и так же заканчивали...»¹².

Разбухшие в период военного коммунизма штаты стали большой проблемой при переходе к здоровому хозяйствованию. Необходимость понизить себестоимость продукции потребовала от концессионеров в первую очередь сокращения работников, из-за чего возникали достаточно острые конфликты с населением (которое в Онеге ««склонно было смотреть» на концессионеров с враждебностью как на “иностранцев капиталистов”, и это отношение не улучшилось, когда стали вводить более строгую дисциплину, уменьшать число рабочих, ставить управление и работу на здоровое коммерческое основание»¹³) и трудовыми коллективами. Право концессионеров увольнять рабочих без объяснения причин чрезвычайно «нервировало» рабочих, что было не в интересах администрации, считавшей, что «проще [с ними] договориться»¹⁴. Архангельские коммунисты и профсоюзные работники фиксировали «несоветские» формы взаимодействия капиталистов с рабочими. Отмечалась «особая стратегия руководителей предприятий», которые «ни за что не пойдут ни на какие уступки с партийным членом завкома, а... с бес-

партийным идут...». «Практикуются подачки» рабочим в виде авансов и наградных, подкуп и «спаивание» профсоюзных функционеров. Администрация подозревалась в шантаже, когда при сокращении штатов «торговалась», обещая принять «30 членов профсоюза» взамен возвращения уволенных решением профкома специалистов¹⁵.

Концессионеры объясняли свои действия интересами производства, рабочие – стремлением избавиться от активистов. По свидетельству заводских коммунистов, администрация голландских и английских концессионных заводов «делит рабочих на крикливых и тихонь. К первым никакой снисходительности, а для вторых – выдача авансов, [поддержка] по жилищному вопросу и т. п. “Крикливые” первыми попадают под сокращение...» При этом отмечалось, что на предприятиях норвежских концессионеров такая практика «совершенно отсутствует»¹⁶. Со временем и они «начинают более показывать свою самостоятельность» в отношениях с профсоюзами: «крупных конфликтов не наблюдается. Но мелкие недоразумения есть: стремление понижения выплат за отдельные работы; зачатки “благотворительности” – для церкви отпустили бесплатно дрова. Это создает недовольство... Рабочие начинают смотреть на администрацию как на приказчиков-капиталистов», при этом профсоюзные функционеры «пытаются объяснить рабочим, что они не правы»¹⁷.

По соглашению иностранные акционеры обязаны были определять коллективными договорами с профсоюзом условия труда, аналогичные таковым у треста «Северолес», которому подчинялись по многим вопросам. При этом концессионерам разрешалось платить своим

¹¹Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 3429. Оп. 3 Д. 1310 Л. 4–8.

¹²ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 160об.–166.

¹³Там же.

¹⁴ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 29.

¹⁵Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 46–53.

¹⁶ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 35–37.

¹⁷ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 60–62.

сотрудникам более высокую зарплату. Рабочие Руснорвеголеса требовали повышения на 40 %, концессионеры предлагали только 15 %; пришли к соглашению о 20 %¹⁸.

Стремясь не допускать конфликтов с рабочими, администрация концессионных предприятий много средств тратила на строительство жилых домов; старались не увольнять рабочих при сезонном закрытии предприятий (тем самым не теряя кадры и экономя на обязательной выплате выходного пособия). Советские хозяйственные органы в этом видели причину высокой себестоимости лесоматериалов, усугублявшую экономические сложности концессионных предприятий. Партийцы были согласны, считая, что «капиталисты» тем самым хотят «подкупить» рабочих.

Вылившийся в забастовку трудовой конфликт был один, и случился он на онежском заводе № 34. Уездный комитет партии в марте 1924 года отмечал «стремление рабочих добиться повышения зарплаты и облегчения труда... Группа обрезчиков под руководством некоторых личностей предъявила... требование повышения зарплаты и увеличения» вспомогательного персонала. Получив отказ администрации (объяснявшей экономию применением более совершенных станков), «рабочие не захотели ждать решения конфликтной комиссии и на работу не вышли». В результате остановилась работа всего завода¹⁹, но уже через два дня она возобновилась, не без помощи укома, выполнявшего установку ЦК и увидевшего «уклон» членов завкома, которые «ведут соглашательскую политику» и «не только не одернули рабочих», а поддержали их в борьбе с заводоуправлением²⁰.

После «разъяснения» со стороны партийных товарищей профсоюз «признал действия рабочих преждевременными и неправильными»²¹.

Основным поводом для недоразумений были вопросы сокращения штатов. Администрация стремилась повысить заработок квалифицированных специалистов за счет сокращения непроизводительных расходов. К таковым относились разбухшие штаты низкоквалифицированных рабочих и высокая шкала социального страхования: 22 % против 14 %, выплачиваемых Северолесом. По мнению Ф. Прютца, «сумма эта вне всякой пропорции с действительной стоимостью рабочего страхования в любой другой стране...»²². Удивляли концессионеров «непомерно большие расходы на рабочие клубы, фабзавкомы, культкомиссии и т. д.»²³. Уплатив по этим статьям 10 тыс. фунтов стерлингов, Ф. Прютц возмущался: «Было бы справедливее предложить рабочим создавать [клубы] за счет собственных взносов, как в большинстве стран мира»²⁴.

Расходы, действительно, были высокие и непривычные для западных капиталистов. Об их сокращении ходатайствовал перед правительством и трест «Северолес», и Главный концессионный комитет. Показательна калькуляция завода № 29 (Русанглолес), где перечислены все подобные расходы (на общую сумму более 44 тыс. фунтов): «Обслуживание поселка, содержание жилых зданий, бани, прачечной; [расходы на] санитарию... Компенсация рабочим и служащим (отпуска, выходное пособие, спецодежда); начисление на зарплату (соцстрахование), пеня за несвоевременную выплату [зарплаты]; расходы на фабзавком, культнужды, ВТУЗ или ФЗУ²⁵, содержание

¹⁸ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 53–59, 147.

¹⁹ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 102–104.

²⁰Там же. Д. 1018. Л. 52.

²¹Там же. Д. 1076. Л. 102–104.

²²ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 782. Л. 15.

²³ГААО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 21. Л. 75–77.

²⁴ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 160об.–166.

²⁵ВТУЗ – высшее техническое учебное заведение; ФЗУ – школа фабрично-заводского ученичества.

лечебного учреждения, содержание профорганизации и расчетно-контрольной комиссии; [взносы в] фонд рабочему изобретательству. Зарплата террармейцам, курсантам, [лицам] по выполнению общественных и государственных обязанностей...»²⁶.

Однако создание условий для рабочих было одним из пунктов концессионного договора. За первый год своей деятельности Русанглелес отчитывался об удвоении жилой площади для рабочих. Кроме жилья для семейных и одиноких, летних барачков для сезонных рабочих, в заводском поселке были устроены «клуб-театр с фойе», школа для детей, прачечная. В поселке при переданном Русголландлесу заводе построены здания для пекарни, бани, столовой и прачечной, устроены «народный дом с кинобудкой, спортивная площадка, две детские площадки, школа». Руснорвеголес, став фактически единственным работодателем в Онеге, «обошелся» только увеличением жилых помещений²⁷, что имело немалое значение для организации трудового процесса, поскольку заводы находились на удалении от поселений, и рабочие теряли много времени, добираясь туда, особенно в распутицу.

При этом рабочие и их профсоюзные представители привыкли мыслить категориями военного коммунизма и специфического понимания справедливости. Концессионеры возмущались, что при сокращении штатов завкомы предпочитают учитывать материальное и социальное положение работников, а не их профессионализм.

Конфликтная комиссия профсоюза при заводе № 23 (Русголландлес), рассматривая списки сокращенных сотрудников, подходила к вопросу с житейских позиций, без учета интересов предприятия. Предлагали сократить рабочих, которые «могут с успехом уехать в деревни и там прожить безболезненно», а на их

место поставить тех, кто «находится в тяжелом материальном положении». С этим категорически не могли согласиться ответственные за производство, стремившиеся сохранить в первую очередь квалифицированных специалистов²⁸.

Партийные органы были склонны рассматривать подобную «дифференциацию» как попытку расколоть рабочий класс изнутри. Но приходилось учитывать, что банкротство и уход концессионеров может оставить без работы тысячи жителей губернии – рабочих заводов и крестьян, занимавшихся заготовкой и сплавом леса к заводам; вместе с семьями – до 30 % населения губернии. Это понимали и концессионеры. Руснорвеголес декларировал «серьезную ответственность, которую Компания имеет по отношению к населению Онеги. Если работы останутся или уменьшатся, это будет означать голод тысячам семьям, которые так или иначе от нас зависят...»²⁹.

Власти нередко поддерживали «капиталистов» и в их конфликтах с крестьянами. Нанятая Русанглелесом артель лесорубов, получив аванс деньгами и продовольствием, сорвала заготовки. По словам адвоката, «большинство рабочих малоимущие и малограмотные, их обманул уполномоченный – хитрец и ловкач...». Губернский суд признал, что «артель была нанята на кабальных условиях», которые, однако, «перекрыты высоким заработком». Претензия артельщиков на оплату невыполненных работ была признана «обогащением» и отклонена³⁰.

Конфликты нередко возникали по поводам, которые, как и прежде, были вызваны обманом и мошенничеством со стороны представителей заводов, заключавших с крестьянскими артелями договоры. В период нэпа добавился еще один раздражающий крестьян фактор: нередко агентами предприятий оказывались прежние

²⁶ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 3об.

²⁷ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 782. Л. 15.

²⁸ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 150.

²⁹ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 150–151.

³⁰ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 319–320.

подрядчики, с которыми, казалось, во время революции расстались. Однако именно они, как знатоки переговоров с крестьянами, вновь явились в деревни и старались договариваться с прежними артельщиками (в глазах населения «кулачьём»), которые набирают людей «по знакомству и по родству». Руснорвеголес старался не нарушать советских законов, и при найме лесорубов и сплавщиков вел дела только с «комитетами крестьянской взаимопомощи»³¹, которые распределяли наряды «по справедливости».

Артельный наем был для концессионеров выгодным. В артелях состояли крестьяне, традиционно занимавшиеся лесным промыслом. Работая недалеко от своих деревень, они довольствовались в лесу временками; в качестве аванса и заработка готовы были получать продовольствие, а в условиях протоварного голода 1920-х годов – орудия труда, одежду, обувь. И все же конфликты, связанные с несоответствием традиционной формы артельной работы новым требованиям по охране труда, происходили довольно часто. Осенью 1926 года артель грузчиков подрядилась с Русанглолесом «до конца навигации». Выполнив порученную работу, артель ушла к другому работодателю, предложившему выгодные условия. По окончании срока контракта рабочие стали требовать выплаты «выходного пособия». Представитель Русанглолеса отказал, мотивируя тем, что предприятие и так потерпело убытки, потеряв в самую горячую пору рабочие руки, к тому же «коллективный договор распространяется исключительно на рабочих завода и отнюдь не распространяется» на нанятых артельно лесорубов и сплавщиков³².

Артель лесокатов (рабочих, выкатывающих на берег сплавленные по реке бревна) подрядилась с Русанглолесом за 107 рублей на рабочего

(при том, что средняя зарплата по стране была от 45 до 75 рублей); после выполнения работы администрация предложила новый подряд на лучших условиях. Рабочие, удовлетворенные полученным заработком, «отказались и ушли»; конечно, такое отношение не могло не удивить иностранцев³³.

Об условиях работы на лесозаготовках и сплаве мы имеем представление из различных источников, в частности из документов типа «технического задания», где до деталей проговаривались права и обязанности сторон. Другим видом источников являются следственные дела, когда по жалобам рабочих или работодателей (друг на друга) проводилось следствие, где тщательно опрашивались все стороны. Такие документы относятся уже к советскому времени, когда интересы работников были максимально защищены на уровне государственного закона. Судя по расчетным документам, рабочий получал аванс продовольствием (крупы, рыба, соль, сахар) и другими товарами (мыло, табак, папиросная бумага), при этом оплата осуществлялась не только за выполненную работу, но и – по среднему – за время, потраченное на дорогу, выходные и праздничные дни, а также полагались сверхурочные (свыше 8 рабочих часов)³⁴. Оговаривались условия охраны труда³⁵: на производственных участках обязательно должна быть аптечка; в случае травмы рабочего бесплатно доставляли в больницу и оплачивали лечение с сохранением среднего заработка. Заболевший в течение двух месяцев получал среднюю зарплату. Семье умершего рабочего выплачивалась компенсация. Подrostки, кормящие и беременные женщины к работе в лесу и на сплаве не допускались.

Эти условия, конечно, были обременительными для предприятий. Судя по имеющимся

³¹ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 35–37.

³²ГААО. Ф. 4425. Оп. 1. Д. 3. Л. 79, 82, 141.

³³Там же. Л. 86.

³⁴ГААО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 158. Л. 165об.–166.

³⁵ГААО. Ф. 4425. Л. 1. Д. 3. Л. 324–326.

источникам они практически не соблюдались, и власти вряд ли реагировали на нарушения в отношении крестьян. Важнее было настроение рабочих на заводах; опасность их закрытия из-за отсутствия сырья позволяла администрации торговаться по уменьшению социальной нагрузки. Так, Руснорвеголес «обусловил увеличение заготовок отказом... от 2-недельного выходного пособия увольняемым рабочим»³⁶, чего в конце концов ему удалось частично добиться в отношении компенсации лесорубам и сплавщикам, если увольнение было связано с их отказом выполнять условия договора³⁷.

А вот вопрос оплаты добросовестного труда решался концессионерами в положительном для рабочих ключе, что объяснялось остротой проблемы рабочих рук в малонаселенных северных губерниях. Но эта инициатива вступала в противоречие с новыми правилами. Попытки поднять расценки на труд лесорубов и сплавщиков воспринимались советскими органами как недобросовестная конкуренция³⁸, завоз рабочих из других регионов (если местные запрашивали «слишком большую цену» за свой труд) приводил к конфликту с уездными властями.

Что касается конфликтов концессионеров с наемными служащими, то сведений об этом довольно мало. Чаще положение административных и канцелярских работников вызывало недовольство у рабочих. Это в определенной степени стало «наследием» революционного времени, когда работа «в конторе» считалась легкой и должна была предоставляться только неспособным к физическому труду, например инвалидам войны. Отсюда убеждение, что все служащие «набраны преимущественно по знакомству»³⁹.

Политические сводки констатировали «бурное недовольство» рабочих распределением квартир («административно-техническому персоналу предоставляются лучшие квартиры за счет стеснения рабочих...») и сохранением «штата административно-конторского персонала за счет сокращения рабочих»⁴⁰.

Судя по документам (служебной переписке)⁴¹, недовольство более всего высказывали иностранные служащие, приехавшие в опасную и непредсказуемую послереволюционную Россию в надежде на высокие заработки. Иногда жалованием и «наградными» оставались недовольны советские граждане, занимавшие высокие посты на концессионных предприятиях. Разумеется, служащие, особенно инженеры и техники, находились в несравнимо лучшем положении, чем рабочие. В пояснении к Уставу Русанглолес гарантировались «премии, награды или пенсии всякой нанятой персоне как принятым по условиям компании, так и вдовам, детям или зависимым от таковых личностей»⁴².

Особо ценились опытные служащие, работавшие в северной лесной промышленности еще до революции. Директором-распорядителем Русголландлеса был О. Вагер, бывший управляющий архангельского завода голландского общества лесной торговли «Альциус и К^о преемники», которое продолжало платить ему жалование даже после национализации производства [11]. В 1926 году «ввиду выявленных убытков» собрание акционеров Руснорвеголеса постановило снизить на 20 % оклады управляющим Эж. Абрагамсену и А. Вагеру, пообещав, однако, компенсировать понесенный урон⁴³. Также

³⁶ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1076. Л. 277–302.

³⁷ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 158об.–166.

³⁸РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1 Д. 73. Л. 104, 105.

³⁹ГААО. ОДСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1242. Л. 35–37.

⁴⁰Там же. Д. 1018. Л. 7.

⁴¹ГААО. Ф. 554. Оп. 1. Д. 194.

⁴²ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 197. Л. 3об.

⁴³ГААО. Ф. р-71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 269.

решался вопрос в отношении других служащих, чья зарплата зависела от прибыли предприятий.

Старались концессионеры защищать и нужных им русских управленцев. Оказавшийся под следствием из-за конфликта с рабочими-лесорубами заведующий лесорайоном А.Е. Мысов обвинялся в «злоупотреблении служебным положением». Русанглолес пытался доказать, что Мысов служит на частном предприятии и под такую статью попасть не может. На защиту встало и правление Северолеса, характеризуя его как «человека старательного и прекрасно знающего местные условия», опасаясь, что «после его изоляции нам план... не выполнить...»⁴⁴. Но в отношении советских граждан народный суд обычно оказывался на стороне недовольных рабочих.

Приведенные в статье факты подтверждают выявленные комиссией по концессионной политике и представленные на политбюро ЦК РКП(б) 18 июня 1925 года причины неудач переданных иностранцам концессий, среди которых: «включение в концессионные дого-

воры требований, несоизмеримых с возможностями концессионных предприятий; недоверчивое, придирчивое, иногда враждебное отношение местных органов к концессионным предприятиям; большие накладные расходы на зарплату, включение в отдельных случаях в коллективные договоры других преувеличенных требований»⁴⁵. В отношении лесных концессий Архангельской губернии – одних из первых в Советской России, следует учитывать и важность заключенных договоров для государства, прежде всего внешнеполитическую – как определенный «прорыв» экономической и политической блокады, с использованием эгоистических интересов иностранных капиталистов. Этот опыт, даже не слишком удачный, был чрезвычайно важен для Советского государства. По мере возможности власти контролировали выполнение концессионерами их социальной функции, однако, исходя из интересов государства, приходилось в определенной степени жертвовать интересами местных производителей и даже правами трудящихся.

Список литературы

1. Загоруйко М.М., Юдина Т.В. Проблемы трудовых и социальных прав населения СССР на концессионных предприятиях в 1920-е годы. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2007. 54, [2] с.
2. Уразова С.А. Особенности работы профсоюзов на частных предприятиях в годы нэпа // Ист., филос., полит. и юрид. науки, культурология и искусствоведение. Вопр. теории и практики. 2012. № 6(20), ч. 1. С. 193–196.
3. Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы новой экономической политики: дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2010. 573 с.
4. Юдина Т.В. Социально-трудовые конфликты на концессионных предприятиях СССР в 1920-е гг. // Нов. ист. вестн. 2009. № 1(19). С. 45–53.
5. Красильников С.А. Кризисы власти и трудовые конфликты в период нэпа // ЭКО. 2021. № 4. С. 45–70. DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70)
6. Рассказимов А.А. Всеобщая забастовка 1930 г. в Сибири как средство ликвидации концессии «Лена Гольдфильде Лимитед» // Гуманит. науки в Сибири. 2018. Т. 25, № 4. С. 100–104. DOI: [10.15372/HSS20180418](https://doi.org/10.15372/HSS20180418)

⁴⁴ГААО. Ф. 4425. Оп.1. Д. 3. Л. 374–378, 385–387, 409.

⁴⁵Выписки из протоколов заседания политбюро ЦК РКП(б) об утверждении решения комиссии политбюро по концессионной политике. 18 июня 1925 года // Иностранные концессии в СССР... С. 191–194.

7. Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались?» // Вопр. экономики. 2016. № 1. С. 138–158. DOI: [10.32609/0042-8736-2016-1-138-158](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158)
8. Киселев А.А. Концессии на Европейском Севере СССР // Вопр. истории. 1972. № 7. С. 26–35.
9. Абрахамсен Э. Из Серёгова в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России: пер. с норв. Архангельск: САФУ, 2016. 213 с.
10. Трошина Т.И. «Крестьянство рубит лес для себя в широких размерах, без всяких разрешений, нет средств прекратить самовольные порубки». Северная деревня в 1917 г. // Вестн. архивиста. 2017. № 2. С. 87–101.
11. Гернет С.М. Архангельск в истории русско-шведских отношений // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи: материалы междунар. науч. симп.: (К 210-летию А.Л. Витберга) / [отв. ред. В.В. Низов]. Киров: Киров. гос. объедин. ист.-архитектур. и лит. музей, 1997. С. 195–199.

References

1. Zagorul'ko M.M., Yudina T.V. *Problemy trudovykh i sotsial'nykh prav naseleniya SSSR na kontsessionnykh predpriyatiyakh v 1920-e gody* [Problems of Labour and Social Rights of the Population of the USSR at Concessionary Enterprises in the 1920s]. Volgograd, 2007. 54 p.
2. Urazova S.A. Osobennosti raboty profsoyuzov na chastnykh predpriyatiyakh v gody nepa [Trade Unions Activity Features in Private Enterprises During New Economic Policy Period]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2012, no. 6, pt. 1, pp. 193–196.
3. Yudina T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashchie na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v gody novoy ekonomicheskoy politiki* [Soviet Workers and Office-Based Employees at Concessionary Enterprises of the USSR During the Period of the New Economic Policy: Diss.]. Volgograd, 2010. 573 p.
4. Yudina T.V. Sotsial'no-trudovye konflikty na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v 1920-e gg. [Social and Labour Conflicts at Soviet Concessionary Enterprises in the 1920s]. *Novyy istoricheskiy vestnik*, 2009, no. 1, pp. 45–53.
5. Krasilnikov S.A. Power Crises and Labor Conflicts During the NEP Period. *EKO*, 2021, no. 4, pp. 45–70 (in Russ.). DOI: [10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70](https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2021-4-45-70)
6. Rasskazimov A.A. Vseobshchaya zabastovka 1930 g. v Sibiri kak sredstvo likvidatsii kontsessii “Lena Gol'dfil'ds Limited” [The General Strike of 1930 in Siberia as a Means to Liquidate the Concession of “Lena Goldfields Ltd”]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2018, vol. 25, no. 4, pp. 100–104. DOI: [10.15372/HSS20180418](https://doi.org/10.15372/HSS20180418)
7. Levin M.I., Sheveleva I.V. Foreign Concessions in the Soviet Union of the 1920s: “Why Split Up”? *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 1, pp. 138–158 (in Russ.). DOI: [10.32609/0042-8736-2016-1-138-158](https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158)
8. Kiselev A.A. Kontsessii na Evropeyskom Severe SSSR [Concessions in the European North of the USSR]. *Voprosy istorii*, 1972, no. 7, pp. 26–35.
9. Abrahamsen E. *Vinter i Seregovo-skogen: Erindringer fra det norske trelasteventyret i Russland*. Orkana, 2015. 185 p. (Russ. ed.: Abrahamsen E. *Iz Seregova v Onegu. Vospominaniya o norvezhskom lesnom biznese v Rossii*. Arkhangelsk, 2016. 213 p.).
10. Troshina T.I. “Krest'yanstvo rubit les dlya sebya v shirokikh razmerakh, bez vsyakh razresheniy, net sredstv prekratit' samovol'nye porubki”. Severnaya derevnya v 1917 g. [“Peasants Cut Down Trees Wholesale for Their Own Use, Without License, and There's No Way of Putting a Stop to This Unauthorized Felling”: Northern Village in 1917]. *Vestnik arkhivista*, 2017, no. 2, pp. 87–101.
11. Gernet S.M. Arkhangel'sk v istorii russko-shvedskikh otnosheniy [Arkhangelsk in the History of Russia–Sweden Relations]. Низов В.В. (ed.). *Shvedy i Russkiy Sever: istoriko-kul'turnye svyazi* [Swedes and the Russian North: Historical and Cultural Ties]. Киров, 1997, pp. 195–199.

DOI: 10.37482/2687-1505-V280

Tat'yana I. Troshina

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
Northern State Medical University;
ul. Smol'nyy Buyan 7, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-5949> e-mail: tatr-arh@mail.ru

LABOUR RELATIONS AND CONFLICTS AT THE CONCESSIONARY TIMBER ENTERPRISES OF THE ARKHANGELSK PROVINCE IN THE 1920s

This article dwells on the labour relations at the timber enterprises of the Arkhangelsk Province granted by the Soviet government as a concession to foreign entrepreneurs in the 1920s. The main sources include archival (concession contracts and reports, results of inspections of concessionary enterprises by the authorities, shorthand reports of meetings of Soviet party and trade union organizations, materials of factory rates commissions and investigative and judicial authorities) as well as published sources, primarily, contemporary (publications in newspapers and magazines). Emphasis is placed on the authorities' attitude to labour conflicts. Timber enterprise concessions were of great international importance to the central government and economic importance to the local authorities; therefore, unlike at other concessionary enterprises, the authorities often supported the "capitalists". The concessionaires, in their turn, being interested in attracting skilled workers to their enterprises and seeking to normalize relations with the population and the authorities on the territory designated for forest exploitation, were accommodating the employees by spending substantial funds to build housing as well as social and cultural facilities in the factory settlements. Labour relations and conflicts are examined in the article using the example of four personnel categories: skilled workers; labourers at the sawmills; peasants engaged in logging and delivering timber to the factories (loggers and rafters, united in artels); administrative and clerical employees. In addition, a conclusion is made about the specificity of labour conflicts caused by the post-revolutionary social expectations of the population.

Keywords: *timber industry, foreign concessions, Arkhangelsk Province, labour conflicts, Soviet labour legislation, New Economic Policy.*

Поступила 13.05.2023
Принята 11.08.2023
Опубликована 25.09.2023

Received 13 May 2023
Accepted 11 August 2023
Published 25 September 2023

For citation: Troshina T.I. Labour Relations and Conflicts at the Concessionary Timber Enterprises of the Arkhangelsk Province in the 1920s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 15–26. DOI: 10.37482/2687-1505-V280

АХМЕТГАРЕЕВА Оксана Федоровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков и культуры Содружества Независимых Государств Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Москва). Автор 20 научных публикаций, в т. ч. одного учебного пособия*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7010-3211>

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Статья посвящена анализу идеологического компонента в грузиноязычном военном дискурсе. Следует отметить, что понятие «дискурс» в современной отечественной и зарубежной лингвистике трактуется по-разному, многообразен и спектр применимых к нему научных подходов, среди которых и лингвокогнитивный, и прагматистический, и лингвокультурологический, и иные. Научное описание военного дискурса представлено лишь в нескольких работах. Одной из ключевых характеристик этого феномена выступает то, что его функция заключается в организации общения между субъектами профессиональной коммуникации, в конкретном случае – в вооруженных силах. Предметом исследования в данной работе является функционирование и реализация языковых структур, способствующих формированию желаемых идеологических установок и ценностей у адресата. Выбор текстов военного дискурса современной Грузии определен их доступностью для широкого круга читателей (они опубликованы в открытом доступе), а также объясняется тем, что на сегодняшний день не представлено работ, связанных с изучением грузиноязычных военных текстов в рамках лингвистической науки. На основе работ отечественных и зарубежных лингвистов выявляются базовые компоненты, характеризующие военный дискурс как отдельную категорию. Определяются идеологические компоненты описываемого типа дискурса, отражающие коммуникативную организацию картины мира его субъектов, выделяются характерные лексические особенности. Полагаем, что материалы, нашедшие свое отражение в настоящей работе, могут быть интересны и полезны лингвистам, лингвоконфликтологам, специалистам по межкультурной коммуникации и политической лингвистике, картвелологам.

Ключевые слова: *грузинский военный дискурс, идеологический компонент, грузинский язык, национальная идеология, Национальная военная стратегия Грузии.*

---

*Адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14; e-mail: oksanafed1979@mail.ru

Для цитирования: Ахметгареева О.Ф. Идеологический компонент военного дискурса // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 27–33. DOI: 10.37482/2687-1505-V277

Процесс активной милитаризации общества имеет давнюю историю. На протяжении формирования и развития государств оно сталкивалось с необходимостью отстаивать свое право на жизнь, на свободу и, наконец, на ту территорию, где проживал тот или иной этнос. Технический прогресс, природные ресурсы, военно-промышленные комплексы и равноуровневый оборонный потенциал государств, изменчивость границ – это далеко не полный перечень факторов, влияющих на конфликтные процессы, характерные для современного мира.

Для XX века свойственен высокий уровень конфликтности – именно в этом веке произошли несколько революций, две мировые войны; было применено ядерное оружие против населения Японии государством, претендующим на роль «ведущего/вездесущего миротворца», – Соединенными Штатами Америки (США); длительное противостояние между двумя ядерными державами – Союзом Советских Социалистических Республик (СССР) и США – стало именоваться холодной войной и едва не переросло в вооруженный конфликт. Политические события, не получившие мирного разрешения, трансформировались в локальные и межгосударственные конфликты. Изменения, произошедшие внутри отдельных государств, развитие вооружения и техники способствовали формированию нового мироустройства, в котором страны с мощным военным, научно-техническим, геополитическим потенциалом стремятся отстаивать свои интересы зачастую не всегда дипломатическими способами.

История формирования и развития государственных образований как в древние времена, так и в условиях современного мирового порядка свидетельствует о том, что для обеспечения государственной безопасности необходимы вооруженные силы (ВС). В периоды эскалации конфликтов и напряженной геополитической обстановки они являются одним из главных социальных институтов государства, призванных обеспечивать его безопасность – национальную, территориальную, лингвистическую и т. д.

Деятельность ВС и силовых структур активно сопровождается информационным освещением, комментариями как со стороны уполномоченных лиц (например, заместителя начальника и начальника Управления пресслужбы и информации Министерства обороны Российской Федерации), так и со стороны средств массовой информации и, зачастую, простых обывателей, интересующихся теми или иными событиями. Все это свидетельствует о коммуникативной природе военного дискурса и позволяет говорить о выделении его в отдельную область научных исследований. Так, Д.Р. Фархутдинова считает, что «военный дискурс как комплексный коммуникативно-речевой процесс включает совокупность устных и письменных текстов, ориентированных на обслуживание сферы военной коммуникации, тезаурус прецедентных высказываний и текстов, набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа общения» [1, с. 259–266].

Соответственно, функционируя в обществе, деятельность данного института, в том числе и речевая, должна быть максимально понятна аудитории. Е.А. Осипчук утверждает, что военный дискурс – это форма «речевой деятельности военнослужащих, протекающая в типизированных коммуникативных военных ситуациях, обусловленная определенными статусно-ролевыми характеристиками коммуникантов, предполагающая использование особого языка воинов» [2, с. 11]. Принимая во внимание точку зрения Н.А. Лавровой, что дискурс – это и «речевой поток, характеризующийся индивидуальными и социальными особенностями коммуниканта и коммуникативной ситуацией» [3 с. 164], считаем необходимым добавить, что, на наш взгляд, использование особого языка воинов подразумевает строгий отбор лексем для их реализации в военном дискурсе. Например, в национальной военной стратегии Грузии наблюдается функционирование следующих лексем:

არაკონფრონტაციულობა – неконфронтационность, неконфликтность; გამჭვირვალობა

და ანგარიშვალდებულება – *прозрачность и подотчетность*¹.

Вышеприведенные лексические единицы характеризуют деятельность ВС Грузии как направленную на решение возникающих вопросов мирным путем, т. е. избегая конфронтаций, а также как прозрачную и подотчетную, т. е. доступную для анализа простому обывателю. Применение данных лексем в военном дискурсе создает положительный имидж ВС Грузии в глазах как специалистов, сведущих в военной тематике, так и общественности в целом.

Многочисленные локальные и межгосударственные конфликты, порою переходящие в вооруженные, переговоры условиях вооруженных противостояний, выступления оппозиции, перерастающие в столкновения с представителями ВС или спецподразделений, являются основой для формирования особого типа дискурса, а именно военного дискурса, который можно рассматривать как «особый вид речевой организации картины мира военнослужащих, обладающий такими свойствами, как соотнесенность с речевой военной ситуацией, окружающей обстановкой военной сферы; специфической военной хронотопностью; интенциональностью; целостностью используемых речевых элементов; связностью; военно-фактологической информативностью; процессуальностью; интертекстуальностью; авторитетностью военно-теоретических и военно-исторических источников; антропоцентричностью военной картины мира; способностью к взаимодействию с другими дискурсами институционального типа» [4, с. 31]. Специфику военного дискурса в большинстве случаев обуславливает принадлежность его субъектов к военному социальному институту, соответственно, говоря о коммуникативных характеристиках, следует отметить, что субъектам военного дискурса тексты с военной лексикой будут более понятны, чем простому обывателю.

«Военный дискурс – особый вид дискурса, присущий лицам определенного социального (военного) института, использующих специ-

фический набор профессиональных текстов (военно-художественную литературу, военную публицистику, военно-политические материалы и т. д.), осуществляющих акт коммуникации посредством особых лексических и грамматических языковых конструкций, известных и понятных только лицам данного социального института» [5, с. 17].

Мы предлагаем рассматривать военный дискурс как совокупность текстов военной тематики, объединенных идеологическими и ценностными основаниями, которые могут быть представлены как официальными доктринальными документами (например, национальной военной стратегией), так и выступлениями политиков, представителей вооруженных сил, спецподразделений и частных военных компаний, военных корреспондентов и иных субъектов военной коммуникации, реализованными в определенных условиях и с определенной степенью открытости и доступа для широкой аудитории.

Феномен военного дискурса можно считать особым видом коммуникации, реализующейся между представителями ВС и обществом, а также между государствами в лице их уполномоченных представителей, для которой характерна конфликтная составляющая, т. к. деятельность военной сферы непосредственно связана либо с урегулированием и недопущением конфликтов и войн, либо с их развязыванием. Соответственно, в военном дискурсе определены идеологии и ценности, которые являются важными для государства, народа и этносов, проживающих на данной территории. Солидаризируясь с мнением Н.А. Сидоровой, мы рассматриваем ценность как когнитивную сущность и базовую составляющую концепта, реализующуюся в дискурсивном взаимодействии коммуникантов и являющуюся не только детерминантой их коммуникативных деятельностей, но условием и основой оценивания различных фактов, событий действительности, отношений между людьми и т. д. [6, с. 339–347].

¹Национальная военная стратегия Грузии. URL: <https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NMS-GEO.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).

Рассмотрим пример из Национальной военной стратегии Грузии:

«საქართველოს ეროვნული სამხედრო სტრატეგია» ეფუძნება საქართველოს კონსტიტუციას, საქართველოს საერთაშორისო შეთანხმებებსა და ხელშეკრულებებს, საქართველოს კანონმდებლობას და ასახავს საქართველოს კანონმდებლობით აღიარებულ ღირებულებებს, ვალდებულებებსა და ნორმებს. – «Национальная военная стратегия Грузии» основывается на Конституции Грузии, международных соглашениях и договорах Грузии, законодательстве Грузии и отражает ценности, обязательства и нормы, признанные законодательством Грузии.

Данный пример иллюстрирует приверженность Грузии к соблюдению всех правовых норм, международных соглашений и защите ценностей, обязательств и норм, предусмотренных законом, что формирует образ ВС страны в глазах адресата исключительно положительно.

Область военной деятельности предполагает наличие в текстах описываемого типа дискурса характерной идеологической информации. Будучи основой духовной культуры каждого народа, идеология представляет собой систему идей, понятий, ценностей, представлений, находящихся свое отражение в сознании людей. При этом идеологические установки и ценности динамичны и могут подвергаться трансформациям со стороны политической и военной власти. Т. ван Дейк утверждает, что «идеологии по преимуществу выражаются и овладеваются посредством дискурса, т. е. устного или письменного коммуникативного взаимодействия» [7, с.121].

При анализе идеологических оснований военного дискурса считаем важным особое внимание уделить лексическим способам отражения идеологии и ценностей. Например, в разделе «ეროვნული თავდაცვის პოლიტიკა და პრინციპები» (*Принципы и национальная оборонная политика*) исследуемого документа мы видим употребление таких лексем, как *დამოუკიდებლობა – независимость, სუვერენიტეტი და ტერიტორიული მთლიანობა – суверенитет и террито-*

риальная целостность, საქართველოს ევროატლანტიკურ სივრცეში ინტეგრაცია – интеграция Грузии в евроатлантическое пространство. Данные языковые структуры целесообразно отнести к общенациональным ценностям, составляющим значимую часть идеологических основ грузинского общества, а функционирование в военном документе имплицитно подразумевает необходимость их защиты перед лицом угроз и вызовов.

В грузиноязычном военном дискурсе эффективным примером использования языка как средства идеологического воздействия на его носителей является применение в текстах конфликтно-маркированных и военных лексем. Манипулируя общественным сознанием, используя сложившуюся после событий августа 2008 года обстановку, политические и военные лидеры современной Грузии пытались изменить саму систему мышления, логику и моральные критерии грузин и других этносов, проживающих на территории Грузии, в отношении России. Так, в Национальной военной стратегии Грузии 2014 года наблюдается функционирование лексемы *ოკუპაცია – оккупация.*

Реализация данной лексемы в текстах имеет негативную прагматику, т. к. в совокупности в исторической памяти практически каждого этноса, пережившего Великую Отечественную войну, оккупация вызывает самые тяжелые эмоции. Необходимо отметить, что в период новейшей истории народу Грузии подается информация о том, что он находился под оккупацией России во времена империи и будучи в составе СССР [8, с. 32–47]. Из этого следует, что лексема «оккупация» вызывает негативную ассоциацию, будучи реализованной в текстах военно-стратегического назначения, а именно в военной стратегии Грузии, данная лексема несет в себе мощный негативный прагматический потенциал. Мы считаем, что в рамках военного дискурса лексическое «значение слова не автономно, оно сопряжено с семантикой конфликта, реализуемой совокупностью лексических средств, которые позволяют участникам общения понять или соответствующим образом интерпретировать заложенный в тексте смысл» [9, с. 108].

Например, один из разделов военной стратегии называется «საქართველოს ტერიტორიების ოკუპაცია» (*Оккупация территорий Грузии*), где основным идеологическим компонентом выступает лексема «оккупация».

რუსეთის ფედერაციის მიერ საქართველოს ტერიტორიების ოკუპაცია ხელყოფს საქართველოს სუვერენიტეტსა და ტერიტორიულ მთლიანობას და დესტაბილიზაციის მთავარ წყაროს წარმოადგენს. ოკუპირებულ ტერიტორიებზე საერთაშორისო სამშვიდობო ძალების არარსებობა და აღნიშნული ტერიტორიების მილიტარიზაცია ზრდის პროვოკაციებისა და სამხედრო აგრესიის განახლების რისკებს. – *Оккупация территорий Грузии* Российской Федерацией нарушает суверенитет и территориальную целостность Грузии и является основным источником дестабилизации. Отсутствие международных миротворческих сил на оккупированных территориях и милитаризация этих территорий увеличивает риски провокаций и возобновления военной агрессии².

Из употребления лексемы «оккупация» в значении совершения действия в совокупности с указанием конкретной страны, в данном контексте – Российской Федерации, очевидна тактика прямого ее обвинения в насильственных действиях и фрагментации отдельно взятого государства – Грузии. В тексте эксплицитно выражена идея о том, что действия России против Грузии явились основным источником внутригосударственной дестабилизации, что также иллюстрирует антироссийские настроения.

Таким образом, в национальной военной стратегии Грузии Россия представлена как агрессор, оккупант, страна, которая вторглась на территорию более слабого государства. Подтверждением этому служит пример из вышеупомянутого документа:

რუსეთის ფედერაციის მიერ საქართველოს ტერიტორიების ოკუპაცია ხელყოფს საქართველოს სუვერენიტეტსა და ტერიტორიულ მთლიანობას და

დესტაბილიზაციის მთავარ წყაროს წარმოადგენს. – *Оккупация грузинских территорий Российской Федерацией нарушает суверенитет и территориальную целостность Грузии и является основным источником дестабилизации.*

В данной цитате Россия эксплицитно представлена основным источником дестабилизации в Грузии, что проявляется в результате «оккупации грузинских территорий Российской Федерацией». Соответственно, можно говорить о том, что отдельными грузинскими авторами военных текстов, образующих военный дискурс, проводится идеологическая обработка реципиента, внедряется мысль о том, что Россия – это оккупант, а значит враг. «Сегодня в развитых государствах любое действие невозможно без соответствующей информационно-подготовки. Войны должны выглядеть справедливыми, враг – жесточайшим, собственные воины – настоящими героями» [11, с. 45].

Таким образом, полагаем целесообразным считать одним из значимых идеологических компонентов грузиноязычного военного дискурса возможность с помощью определенных лексем пропагандировать национальную идеологию, способствовать формированию у адресата тех ценностных ориентиров, в которых заинтересован говорящий/пишущий. При этом возможны трансформации уже сформировавшихся ценностей.

Ценностные ориентации военного дискурса в современном грузинском обществе формируются с учетом внешнеполитических факторов и в условиях выработки милитарных идеологических установок и традиций. Идеология и ценностная составляющая военного дискурса основываются на ценностной картине мира, свойственной культуре современного грузинского общества, несут в себе конкретный смысл того или иного явления, который реализуется путем применения многообразных языковых структур, характерных для военных текстов.

²Национальная военная стратегия Грузии. URL: <https://mod.gov.ge/uploads/2018/pdf/NMS-GEO.pdf> (дата обращения: 04.02.2023).

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что для грузиноязычного военного дискурса характерны:

– насаждение негативных идеологических установок в адрес России в политическом сегменте «Россия – Грузия»;

– формирование положительного имиджа ВС посредством утверждения общенациональных ценностей в текстах государственных официальных документов, функционирующих в военном дискурсе;

– представление ценности «территориальная целостность» как основы стабильности внутри государства.

Несмотря на наличие ВС практически в каждом государстве, возросшую частотность конфликтов и противостояний, в т. ч. и вооруженных, проблема военного дискурса на сегодняшний день изучена слабо. На наш взгляд, с учетом сложившейся конфликтогенной ситуации в мире в целом и в отдельных регионах в частности, данный тип дискурса является перспективным для более детального изучения и научного описания с позиций лингвоаксиологии, лингвоконфликтологии, теории дискурса, межкультурной коммуникации и ряда иных междисциплинарных направлений.

Список литературы

1. Фахрутдинова Д.Р. Структурирование жанрового пространства военного институционального дискурса // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. 2008. Т. 150, кн. 2. С. 259–266.
2. Осипчук А.Е. Коммуникативно-прагматическая координация устных и письменных речевых жанров в военном деловом и художественном дискурсах: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: Волгоград. гос. соц.-пед. ун-т, 2022. 299 с.
3. Лаврова Н.А. О разграничении понятий «текст», «дискурс», «языковая система» // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук. 2010. № 6. С. 164–167.
4. Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 494 с.
5. Киселева С.А. Функционирование эвфемизмов в современном английском военно-политическом дискурсе (структурно-семантический и прагматический аспекты): дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 240 с.
6. Сидорова Н.А. Ценность и оценка как факторы речевого воздействия: опыт системно-деятельностного рассмотрения // Воен.-гуманит. альманах. Сер. «Лингвистика». Вып. 7, т. 1: Материалы XVI Междунар. науч. конф. по актуал. проблемам языка и коммуникации «Язык. Коммуникация. Перевод», Москва, 24 июня 2022 года / под общ. ред. Н.В. Иванова. М.: Воен. ун-т Минобороны России, 2022. С. 339–347.
7. van Dijk T.A. Ideology and Discourse Analysis // J. Political Ideol. 2006. Vol. 11, № 2. P. 115–140. DOI: [10.1080/13569310600687908](https://doi.org/10.1080/13569310600687908)
8. Кирчанов М.В. Концепт «советская оккупация» в современной грузинской «политике памяти» // Рос. журн. исследований национализма. 2022. № 1-2. С. 32–47.
9. Ахметгареева О.Ф. Языковые средства манифестации конфликта в политическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. М., 2022. 186 с.
10. Почепцов Г.Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2000. 576 с.

References

1. Fakhrutdinova D.R. Strukturirovanie zhanrovogo prostranstva voennogo institutsional'nogo diskursa [Structuring the Genre Space of the Military Institutional Discourse]. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki*, 2008, vol. 150, book 2, pp. 259–266.
2. Osipchuk A.E. *Kommunikativno-pragmaticheskaya koordinatsiya ustnykh i pis'mennykh rechevykh zhanrov v voennom delovom i khudozhestvennom diskursakh* [Communicative-Pragmatic Coordination of Oral and Written Speech Genres in Military Business and Artistic Discourses: Diss.]. Volgograd, 2022. 299 p.
3. Lavrova N.A. O razgranichenii ponyatij “tekst”, “diskurs”, “yazykovaya sistema” [On the Distinction Between the Concepts of Text, Discourse, and Language System]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2010, no. 6, pp. 164–167.

4. Ulanov A.V. *Russkiy voennyi diskurs XIX – nachala XX veka: struktura, spetsifika, evolyutsiya* [Russian Military Discourse of the 19th – Early 20th Centuries: Structure, Specific Features, Evolution: Diss.]. Omsk, 2014. 494 p.
5. Kiseleva S.A. *Funktsionirovanie evfemizmov v sovremennom angliyskom voenno-politicheskom diskurse (strukturno-semanticheskiy i pragmaticheskiy aspekty)* [Functioning of Euphemisms in Modern English Politico-Military Discourse (Structural-Semantic and Pragmatic Aspects): Diss.]. Moscow, 2015. 240 p.
6. Sidorova N.A. Tsennost' i otsenka kak faktory rechevogo vozdeystviya: opyt sistemno-deyatelnostnogo rassmotreniya [Value and Evaluation as Factors of Linguistic Manipulation: Experience of System-Activity Consideration]. Ivanov N.V. (ed.). *Voенно-gumanitarnyy al'manakh. Ser. "Lingvistika"* [Military and Humanities Almanac. Linguistics Series]. Iss. 7, vol. 1. Moscow, 2022, pp. 339–347.
7. van Dijk T.A. Ideology and Discourse Analysis. *J. Political Ideol.*, 2006, vol. 11, no. 2, pp. 115–140. DOI: [10.1080/13569310600687908](https://doi.org/10.1080/13569310600687908)
8. Kirchanov M.V. Kontsept "sovetskaya okkupatsiya" v sovremennoy gruzinskoy "politike pamyati" [Concept "Soviet Occupation" in the Modern Georgian Nationalism]. *Rossiyskiy zhurnal issledovaniy natsionalizma*, 2022, no. 1-2, pp. 32–47.
9. Akhmetgareeva O.F. *Yazykovye sredstva manifestatsii konflikta v politicheskom diskurse* [Linguistic Means of Conflict Manifestation in Political Discourse: Diss.]. Moscow, 2022. 186 p.
10. Pocheptsov G.G. *Informatsionnye voyny* [Information Warfare]. Moscow, 2000. 576 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V277

Oksana F. Akhmetgareeva

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation;
ul. Bol'shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7010-3211> e-mail: oksanafed1979@mail.ru

THE IDEOLOGICAL COMPONENT OF MILITARY DISCOURSE

This article analyses the ideological component in the Georgian-language military discourse. It should be noted that the concept of discourse in modern Russian and foreign linguistics is interpreted in different ways, and the range of scientific approaches applicable to it is rather diverse, including linguocognitive, pragmastylistic, linguoculturological and others. The scientific description of the phenomenon of military discourse is limited to a few works. One of the key characteristics of this phenomenon is that its function is to organize communication between the subjects of professional communication, in the particular case, in the armed forces. The subject of research in this paper is the functioning and implementation of the language structures that contribute to the formation of the desired ideological attitudes and values in the addressee. The choice of texts of the military discourse of contemporary Georgia is determined by their accessibility to a wide range of readers (open access) as well as by the fact that to date there are no works related to the study of Georgian-language military texts within the framework of linguistics. Based on the works of Russian and foreign linguists, the main components that characterize military discourse as a separate category are identified. The ideological constituents of military discourse are determined, reflecting the communicative organization of the worldview of its subjects. In addition, lexical characteristics inherent in military discourse are highlighted. We believe that the materials reflected in this paper can be of interest and use to linguists, linguoconflictologists, specialists in intercultural communication and political linguistics as well as in Kartvelian studies.

Keywords: *Georgian military discourse, ideological component, Georgian language, national narrative, Georgian National Military Strategy.*

Поступила 12.02.2023
Принята 01.06.2023
Опубликована 22.09.2023

Received 12 February 2023
Accepted 1 June 2023
Published 22 September 2023

For citation: Akhmetgareeva O.F. The Ideological Component of Military Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 27–33. DOI: 10.37482/2687-1505-V277

УДК 81'373.612.2:81'42

DOI: 10.37482/2687-1505-V273

ВОЯКИНА Елена Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Иностранные языки и профессиональная коммуникация» Тамбовского государственного технического университета. Автор 83 научных публикаций, в т. ч. трех монографий и 14 учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7186-694X>

МЕТАФТОНИМИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ В ЦИФРОВОМ МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Настоящая статья посвящена анализу метафтонимических проекций, реализуемых малыми сюжетосодержащими дискурсивными формами (МССДФ) в цифровом мультимодальном дискурсе. Работа выполнена в русле когнитивно-дискурсивной и антропоцентрической научных парадигм. Актуальность исследования обусловлена широким распространением анализируемых дискурсивных форм, основанных на метафтонимии, в цифровом мультимодальном дискурсе и, соответственно, необходимостью изучения данных форм с точки зрения их участия в интерпретации цифровой и объективной реальности и оказания прагматического воздействия на реципиента. Материалом для анализа послужили 250 МССДФ, среди которых наиболее частотными являются интернет-мемы, отобранные методом сплошной выборки из русско- и англоязычных источников новых медиа. На основании проанализированного эмпирического материала были выделены метафтонимические проекции, основанные на классификации мультимодальной метафтонимии П. Перес-Собриню. Установлено, что наиболее продуктивными метафтонимическими проекциями в сюжетах МССДФ являются параллельное метонимическое сужение в области-источнике и области-цели метафоры и метафтонимические сценарии. В ходе исследования также доказано, что метафтонимический способ концептуальной интеграции – сложный когнитивный механизм, участвующий в формировании сюжетов МССДФ, для распознавания которых требуется когнитивная нагрузка, связанная с декодированием заложенных в них компонентов. Интерпретация метафтонимически организованных МССДФ реализуется в результате когнитивного процесса осмысления семантического наполнения поликодовых структур данных дискурсивных форм, включающих элементы разных семиотических систем, обусловленных контекстуальными связями. Перспективы дальнейшего исследования усматриваются в анализе тропеической организации цифрового мультимодального дискурса с выявлением наиболее устойчивых тропеических комбинаций.

Ключевые слова: *интерпретация, малые сюжетосодержащие дискурсивные формы, метафтонимическая проекция, метафтонимия, мультимодальный цифровой дискурс.*

*Адрес: 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106; e-mail: voyackina.elena@yandex.ru

Для цитирования: Воякина Е.Ю. Метафтонимические проекции в цифровом мультимодальном дискурсе // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 34–43. DOI: 10.37482/2687-1505-V273

Метафора и метонимия, являясь одним из основных способов когниции и активно участвуя в процессе интерпретации окружающей действительности, стабильно входят в круг исследовательских проблем отечественной и зарубежной лингвистики. Согласно когнитивному подходу к изучению языковых явлений, метафора и метонимия, активно взаимодействующие друг с другом, рассматриваются как мощные познавательные инструменты и способы мышления.

Анализируя отношения метафоры и метонимии в различных типах текстов и дискурсах, ученые подчеркивали, что метонимия как особый когнитивный процесс играет важную роль в мотивации метафоры, выполняя в основном референциальную функцию [1], хотя выделялись и другие функции метонимии (предикативная, иллокутивная) [2]. Согласно справедливому замечанию Н.Д. Арутюновой, «для метонимии типично выполнение идентифицирующей функции по отношению к конкретным предметам» [3, с. 352]. Иными словами, метонимия основана на феномене референциального сдвига, связывающего одну сущность с другой и показывающего, как текст должен восприниматься аудиторией.

По мнению А. Барселона, метонимия – более фундаментальное когнитивное явление, чем метафора, которая часто мотивируется метонимией, причем «различие между метафорой и метонимией скалярно, а не дискретно: они кажутся точками на континууме картографических процессов» [4, с. 16]. Г. Радден утверждает, что взаимодействие метонимии и метафоры свидетельствует о том, что эти два феномена – не противоположные полюса, а части одного континуума – от буквального представления окружающей действительности к образному [5]. Подчеркивая взаимодействие метафоры и метонимии, Е.В. Падучева также приходит к выводу, что «метафоры часто основаны на метонимии» [6, с. 189]. Таким образом, метафора и метонимия как основные способы когниции тесно переплетаются между собой и оказывают влияние друг на друга и на смысл текста в целом, вы-

ступая тем самым как единый когнитивный механизм познания действительности.

Метонимические отображения часто не только заменяют или репрезентируют цель, но и расширяют процесс интерпретации метафорических текстов. В связи с этим исследователи начинают говорить о взаимопроникновении метафоры и метонимии, выражающемся в таком лингвистическом феномене, как метафтонимия. В последнее время она все чаще становится предметом научного интереса лингвистов, изучающих цифровой мультимодальный дискурс. Поднимаются вопросы функционирования концептуальной метафтонимии в рекламном, политическом дискурсе, кинодискурсе и т. д. [7–14].

Проблема концептуальной конвергенции элементов метонимического и метафорического переноса в тексте рассматривалась в трудах Л. Гуссенса, выделявшего четыре типа отношений: метонимия в метафоре, метафора в метонимии, метафора из метонимии и деметонимизация в метафорическом контексте [15]. Его идеи получили развитие в диссертационном исследовании Р.И. Устарханова, классифицировавшего метафтонимию по доминантному принципу когнитивно-семантических параметров [16].

Испанский лингвист Ф. Руиз де Мендоза описывает метафтонимию как процесс взаимодействия метафоры и метонимии в виде метафорических проекций, провоцирующих метонимические сдвиги в области-источнике или области-цели. Лингвист выделяет четыре типа отношений метонимии и метафоры: метонимическое расширение/сужение метафорической области-источника/области-цели, метонимические комплексы, в которых происходит взаимодействие нескольких метонимий, метафорические комплексы, или амальгамы, с одним или несколькими источниками, метафорические цепочки (прямые и пересекающиеся с метонимией) [17].

С развитием цифровых технологий и перемещением современной коммуникации в цифровую среду ученые стали говорить о мультимодальных формах представления дей-

ствительности и когнитивных механизмах познания в цифровом мультимодальном дискурсе, в т. ч. метафтонимии. П. Перес-Собрино, исследуя цифровую рекламу, рассматривает мультимодальную метафтонимию как способ метафорического конструирования фрагмента действительности, в процессе которого задействуются разные модальности коммуникации для проецирования знаний между отдельными областями. Подчеркивая семиотическую осложненность мультимодальных текстов и их большую когнитивную нагрузку, ученый определяет четыре модели мультимодальной метафтонимии, основанные на существующих типологиях метафтонимии в классических вербальных текстах [18].

Цель данной работы заключается в выявлении и анализе метафтонимических проекций, реализуемых посредством малых сюжетосодержащих дискурсивных форм (МССДФ) в цифровом мультимодальном дискурсе, с определением наиболее продуктивных типов проекций.

Актуальность настоящего исследования обусловлена активным распространением в цифровом мультимодальном дискурсе МССДФ, сюжеты которых зачастую основаны на реализации различных метафтонимических проекций. Данные формы, представляющие собой малоформатные тексты (по сравнению с большими по объему и содержательному наполнению текстами), обладающие поликодовой структурой, которая состоит из элементов разных семиотических систем, и демонстрирующие определенный сюжет, – интернет-мемы, демотиваторы, цифровые рекламные тексты, гиф-изображения и др. Изучение подобных форм цифровой коммуникации, на наш взгляд, способствует пониманию механизмов прагматического воздействия на реципиента и позволяет выявить форматы представления знаний для адекватной интерпретации явлений и событий цифровой и объективной реальности в рамках непрерывного потока информации.

Следует учитывать то, что анализируемые МССДФ сложились непосредственно в цифровой среде, где преобладает сочетание «минимум

текста + невербальный компонент», обеспечивающее высокие информационную емкость и прагматический потенциал. МССДФ отличаются поликодовой негомогенной структурой, в которой наблюдается взаимодействие элементов разных знаковых систем в рамках конструирования смыслов, и мультимодальностью подачи и интерпретации заложенной информации с учетом актуализации различных каналов ее восприятия сознанием человека, в процессе которого представление о центральном положении речи в социально-семиотическом мире не является доминирующим.

Теоретическая значимость данной работы связана с вкладом в дальнейшее изучение проблем цифровой лингвистики, в т. ч. цифрового мультимодального дискурса, а также когнитивной семантики, метафорологии и семиотики.

Практическая значимость исследования усматривается в возможности использования полученных результатов при разработке и преподавании курсов по общему языкознанию, теории языка, лингвокультурологии, прагмалингвистике, медиалингвистике, журналистике, рекламе и политической коммуникации.

Материалом для анализа послужили 250 МССДФ, отобранных методом сплошной выборки из русско- и англоязычных источников новых медиа, представленных на цифровых платформах средств массовой информации, информационно-развлекательных порталах и в социальных сетях. В данной статье приведены примеры интернет-мемов и демотиватора как наиболее частотных дискурсивных форм, реализующих метафтонимические проекции в цифровом мультимодальном дискурсе.

Анализ МССДФ в рамках идентификации и интерпретации метафтонимических проекций проводился комплексно и включал анализ вербального и невербального компонентов с учетом их семантического наполнения, установление прямых и метафорических значений, метонимической составляющей, а также определение типа метафтонимической проекции и его продуктивности, установление отношений компонентов и выявление доминантного, анализ общего контекста употребления МССДФ.

Опираясь на классификацию мультимодальной метафтонимии П. Перес-Собринно, можно выделить основные метафтонимические проекции, реализуемые МССДФ цифровой коммуникации:

– *параллельное метонимическое расширение в области-источнике и области-цели метафоры*, в основе которого лежит принцип метафорического проецирования элементов одной понятийной сферы (области-источника, представляющей собой исходный домен, посредством которого определяется сходство и смежность объектов из разных концептуальных областей) на элементы другой сферы (области-цели, являющейся концептуальной областью, в которую перемещаются понятия из области-источника для структурирования и репрезентации нового знания) путем метонимического развития понятия (в ходе анализа было зарегистрировано 42 случая данного типа метафтонимической проекции).

Иными словами, реализуются метонимические взаимоотношения по типу «ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ», дополняемые метафорическим переносом. Интернет-мем на *рис. 1* демонстрирует принцип метонимического расширения за счет вербальной составляющей, представленной фразой «А заводы стоят!», и визуального компонента, иллюстрирующего тенденцию современного общества к выбору творческих профессий: фотограф, блогер и др., а не тех, которые требуют физического или умственного труда. Слово «заводы» в форме множественного числа употребляется метонимически в анализируемом контексте в значении «производство», в то время как слово «стоят» используется для передачи метафорического значения «не функционируют». Вербальный компонент демотиватора дополняется визуальным компонентом в виде многочисленных изображений молодых фотографов. Метафорически фраза «Заводы стоят!» расширяется

до значения «Работать некому!». Прием метонимического расширения позволяет автору демотиватора расширить область-цель метафоры путем критического описания ситуации в сфере трудовой занятости молодежи в целом, при которой современное молодое поколение ищет легкого заработка и ленится работать, предпочитая профессии блогера, фотографа, арт-консультанта или SMM-менеджера рабочим специальностям (например: шахтер, слесарь или токарь).

Рис. 1. Демотиватор, реализующий параллельное метонимическое расширение в области-источнике и области-цели метафоры¹

Fig. 1. Demotivational poster implementing parallel metonymic extension in the source and target domains of the metaphor

– *параллельное метонимическое сужение в области-источнике и области-цели метафоры*, реализуемое посредством метонимических отношений «ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ», работающих на создание метафорического образа (зарегистрировано 94 случая). Данный тип метафтонимической проекции является наиболее продуктивным в конструировании сюжетов МССДФ, при котором метонимия сигнализирует центральное выведение метафорического образа. Рассмотрим интернет-мем «Китайский взгляд на произошедшее с “Северным потоком”»

¹Как появился мем «Заводы стоят» // Яндекс.Кью. URL: https://ya.ru/q/question/kak_poiavilsia_mem_zavody_stoiat_7be56e62/ (дата обращения: 14.04.2023).

(рис. 2), в котором реализуется данная метафтонимическая проекция. Сюжет интернет-мема невербально демонстрирует концептуальные метонимические связи, возникающие вследствие замещения одной сущности другой. В данном случае, с одной стороны, описываются отношения между Россией и странами Евросоюза, визуально воплощаемые в виде рукопожатия и воспринимаемые реципиентом как дружеские. С другой стороны, метонимическое изображение рук в виде труб указывает на то, что данные отношения основываются на контрактах о поставке газа через газопровод «Северный поток». В то же время реализуется ассоциативная связь между данными сущностями через метафору: вмешательство Соединенных Штатов Америки (США) в поставки российского газа в Европу сравнивается с причинением вреда газопроводу с помощью лома, т. е. основной смысл интернет-мема репрезентируется через частные образы. В данном примере метонимия является конструктом для метафорического осмысления газовой политики России, Европы и США.

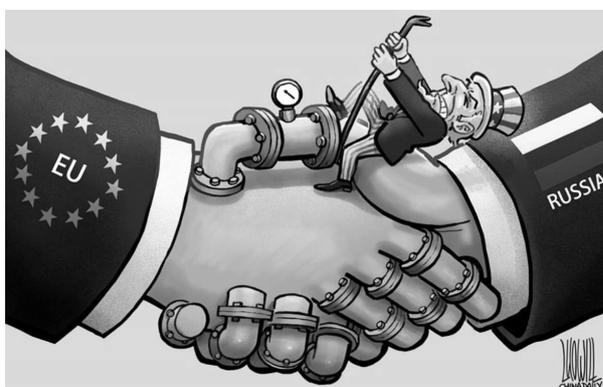

Рис. 2. Интернет-мем, реализующий параллельное метонимическое сужение в области-источнике и области-цели метафоры²

Fig. 2. Internet meme implementing parallel metonymic narrowing in the source and target domains of the metaphor

Следует отметить, что анализируемые МССДФ различаются по соотношению вербального и невербального компонентов. В интернет-меме, представленном на рис. 2, вербальный компонент минимален. Основной упор делается на визуальное представление информации, в большей степени активизирующее эмоциональный уровень восприятия, передавая все оттенки эмоциональной стороны коммуникации. Данная корреляция вербального и невербального компонентов вызывает вопрос о том, какой из компонентов главнее в процессе формирования и восприятия рассматриваемых дискурсивных форм. На наш взгляд, доминантное положение визуального ряда в большинстве МССДФ может быть объяснено тем, что визуальный компонент воспринимается человеком с наименьшими когнитивными затратами в плане обработки информации по сравнению с исключительно вербальным текстом. Кроме того, информация, полученная с помощью невербальных средств, хранится в памяти дольше и извлекается быстрее и проще, нежели вербальная.

– метафтонимия с множественным источником в цели, при которой в одной МССДФ реализуется метафтонимическая проекция сразу на несколько областей-целей метафоры (зарегистрировано 32 случая). Рис. 3 демонстрирует данный тип метафтонимии, где простой обыватель позиционируется как финансово безграмотный человек, которому требуется пройти обучение на пути к финансовой грамотности. В анализируемом примере метафтонимия передается через вербально-визуальную форму с помощью указателей «Страна Дураков», «Поле Чудес» и «Банк “Выгодный”», расположенных в одном направлении и иронически отождествляемых друг с другом. Компоненты МССДФ, взаимодействуя друг с другом, осуществляют проекцию в виде метафтонимических отношений, выражаемых через вербальный призыв-лозунг «Вперед! К финансовой грамотности!»

²Китайский взгляд на произошедшее с Северным потоком // Открытый исследовательский и дискуссионный центр «Глобальная авантюра». URL: <https://glav.su/forum/threads/1682271> (дата обращения: 19.04.2023).

и образ человека с котомкой, направляющегося «на поиски» финансовой грамотности, и метафтонимических отношений «Банк – это обман» (сравнение банка «Выгодный», название которого указано в кавычках, со сказочными Полем Чудес и Страной Дураков). Сюжет данной МССДФ демонстрирует, как финансово неграмотные люди нередко берут необдуманные кредиты, теряют свои вклады и не пользуются выгодными финансовыми инструментами для улучшения материального положения.

Рис. 3. Интернет-мем, реализующий метафтонимию с множественным источником в цели³

Fig. 3. Internet meme implementing metaphonymy with a multiple source in the target

– метафтонимические сценарии, основанные на когнитивных сценариях, хранящихся в коллективной памяти и отражающих знания об окружающем мире (зарегистрировано 82 случая). Данные сценарии структурируют стереотипные жизненные ситуации и новые явления действительности. Знания, на основе которых создаются сценарии, хранятся в долговременной памяти человека и могут быть метафтонимически обозначены посредством упоминания части определенных событий, воссоздавая при этом целостную картину и помогая адекватно интерпретировать заложенные смыслы. Интернет-мем, представленный на рис. 4, демонстрирует

развертывание динамичного сценария, построенного на метафтонимической проекции. В сюжете интернет-мема повышенные тарифы за услуги ЖКХ, метонимически передаваемые через емкость, в которой может находиться вода как объект потребления услуг ЖКХ, метафорически репрезентируются как нечто угрожающее для простого обывателя, регулярно оплачивающего счета за коммунальные услуги. Визуальная метафора прикованного к трубе человека и угрожающего ему сотрудника сферы ЖКХ разыгрывается через метонимическую проекцию, способствующую раскрытию смыслового наполнения интернет-мема. Таким образом, метонимия продвигает метафору для более эмоционального отображения текущей экономической ситуации с повышающимися тарифами.

Рис. 4. Интернет-мем, реализующий метафтонимический сценарий⁴

Fig. 4. Internet meme implementing a metaphonymic scenario

Концептуальная интеграция (согласно теории концептуальной интеграции ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера [19]), основанная на метафтонимической проекции, является сложным когнитивным механизмом,

³Мозгунова И. Финансовая грамотность. Мнение дилетанта // Начальная школа Интернет Бизнеса. URL: <http://to-interbiz.ru/poleznye-rekomendacii/finansovaya-gramotnost-mnenie-diletanta> (дата обращения: 16.04.2023).

⁴Чернышков А. О росте тарифов за услуги ЖКХ // Стихи.ру. URL: <https://stihi.ru/2022/11/26/6475> (дата обращения: 19.04.2023).

участвующим в формировании сюжетов МССДФ. Для декодирования данных сюжетов зачастую требуется повышенная когнитивная нагрузка, связанная с расшифровкой и интерпретацией заложенных в них компонентов, нахождением общего смысла сообщения. Интерпретация метафтонимически построенных сюжетов МССДФ требует определенных фоновых знаний со стороны реципиента, пресуппозиции для адекватного декодирования заложенного смысла. Как справедливо отмечают М.В. Терских и М.Г. Плавчун, при виде семиотически «осложненного» текста «реципиент вовлекается в интеллектуальную игру, так как должен разгадать смысл свернутой информации. Если информация расшифровывается верно, то реципиент испытывает как эстетическое, так и познавательное удовольствие» [20, с. 164]. Так, для описания текущей экономической ситуации с резким повышением цен на топливо авторы интернет-мемов часто обращаются к сценам известных кинофильмов. Одним из примеров может служить ряд интернет-мемов на основе кинофильма «Назад в будущее», для декодирования которых необходимо, во-первых, иметь фоновые знания о реалиях объективной действительности (ценах на топливо), во-вторых, знать сюжет кинофильма, где герои путешествовали во времени и могли изменить ход событий в прошлом, оказав влияние на реальность настоящую. Концептуальная интеграция ментальных пространств реализуется за счет пересечения абсолютно разнородных элементов – фрагментов кинофильма и реалий экономики, в которой стоимость бензина значительно выросла по сравнению с ценами прошлых лет.

Таким образом, применительно к цифровому мультимодальному дискурсу отношения метафоры и метонимии представляют собой не просто реализацию риторической стратегии,

а важный когнитивный процесс, при котором метонимия участвует в мотивации и развитии метафорического образа. Проведенный анализ эмпирического материала показал, что наиболее продуктивными типами метафтонимической проекции в конструировании сюжетов МССДФ в цифровом мультимодальном дискурсе являются параллельное метонимическое сужение в области-источнике и области-цели метафоры (94 случая) и метафтонимические сценарии (82 случая). Доминирование указанных проекций может быть объяснено той важной ролью, которую играют метонимические отношения «ЧАСТЬ–ЦЕЛОЕ» и когнитивные сценарии, основанные на устоявшихся стереотипах, знаниях и ценностях, в создании метафорических образов, участвующих в интерпретации окружающей действительности.

Интерпретация метафтонимически организованных МССДФ реализуется в результате когнитивного процесса осмысления семантического наполнения поликодовых структур данных дискурсивных форм, включающих элементы разных семиотических систем, обусловленных контекстуальными связями, коллективным опытом и знаниями, характерными как для определенной лингвокультуры, так и индивидуальной концептуальной системы человека. Разнообразные смысловые отношения и связи между вербальным и невербальным компонентами МССДФ возникают за счет когнитивной операции концептуальной интеграции ментальных пространств, порождающих метафтонимический образ. При слиянии двух исходных пространств, поступающих из разных семиотических систем, формируется единое интегрированное смысловое пространство с характерной гетерогенной структурой, подчеркивающей наиболее важные для адекватной интерпретации признаки.

Список литературы

1. Lakoff G., Turner M. More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: University of Chicago Press, 1989. 230 p.
2. Panther K.-U., Thornburg L. A Cognitive Approach to Inferencing in Conversation // J. Pragmat. 1998. Vol. 30, № 6. P. 755–769. DOI: [10.1016/S0378-2166\(98\)00028-9](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00028-9)

3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Яз. рус. культуры, 1999. 896 с.
4. Barcelona A. Introduction: The Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 1–28.
5. Radden G. How Metonymic Are Metaphors? // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 93–108.
6. Падучева Е.В. Метафора и ее родственники // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. ст. в честь Н.Д. Арутюновой* / под ред. Ю.Д. Апресяна. М.: Яз. рус. культуры, 2004. С. 187–203.
7. Гайнутдинова А.А., Илюхина Н.А. Визуальная метонимия в креолизованных рекламных текстах // XVI Королёвские чтения: сб. материалов междунар. молодеж. науч. конф., посвящ. 60-летию полета в космос Ю.А. Гагарина: в 3 т. / под ред. М.А. Шлеенкова. Самара: Самар. нац. исслед. ун-т им. С.П. Королёва, 2021. Т. 2. С. 831–832.
8. Гуань Ш. Исследование взаимодействия мультимодальной метафоры и мультимодальной метонимии в китайских противопандемийных карикатурах // *Полит. лингвистика*. 2022. № 5(95). С. 213–220. DOI: [10.26170/1999-2629_2022_05_23](https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_23)
9. Опарина Е.О. Метафора в дискурсе // *Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 6: Языкознание*. Реф. журн. 2021. № 3. С. 131–141. DOI: [10.31249/ling/2021.03.10](https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.10)
10. Руберт И.Б., Киселева С.В. Когнитивные механизмы метафтонимии // *Когнитивные исследования языка: сб. науч. тр. в честь 70-летия В.З. Демьянкова* / под ред. Н.Н. Болдырева. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2019. Вып. 36. С. 419–426.
11. Хахалова С.А., Третьякова Е.В. Случаи конвергенции метафоры и метонимии и функционирование метафтонимии в рекламном туристском дискурсе Германии // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2021. Т. 14, № 1. С. 122–126. DOI: [10.30853/phil210008](https://doi.org/10.30853/phil210008)
12. Forceville C. Visual and Multimodal Metaphor in Advertising: Cultural Perspectives // *Styles Commun*. 2017. Vol. 9, № 2. P. 26–41.
13. Sweetser E. Metaphor and Metonymy in Advertising: Building Viewpoint in Multimodal Multi-Space Blends // *J. Pragmat.* 2017. Vol. 122. P. 65–76. DOI: [10.1016/j.pragma.2017.10.012](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.10.012)
14. Urios-Aparisi E. Metaphor Emergence in Cinematic Discourse // *Performing Metaphoric Creativity Across Modes and Contexts* / ed. by L. Hidalgo-Downing, B. Kraljevic Mujic. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2020. P. 97–118.
15. Goossens L. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action // *Cogn. Linguist.* 1990. Vol. 1, № 3. P. 323–340. DOI: [10.1515/cogl.1990.1.3.323](https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323)
16. Устарханов Р.И. Метафтонимия в английском языке: Интерпретационно-когнитивный анализ: дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2006. 179 с.
17. Ruiz de Mendoza F. The Role of Mapping and Domains in Understanding Metonymy // *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* / ed. by A. Barcelona. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 109–132.
18. Pérez-Sobrino P. Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2017. 232 p.
19. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 190 p.
20. Терских М.В., Павчун М.Г. Специфика метафоризации в современном рекламном дискурсе: визуальный компонент // *Лингвокультурология*. 2014. Вып. 8. С. 164–167.

References

1. Lakoff G., Turner M. *More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor*. Chicago, 1989. 230 p.
2. Panther K.-U., Thornburg L. A Cognitive Approach to Inferencing in Conversation. *J. Pragmat.*, 1998, vol. 30, no. 6, pp. 755–769. DOI: [10.1016/S0378-2166\(98\)00028-9](https://doi.org/10.1016/S0378-2166(98)00028-9)
3. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, 1999. 896 p.
4. Barcelona A. Introduction: The Cognitive Theory of Metaphor and Metonymy. Barcelona A. (ed.). *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Berlin, 2000, pp. 1–28.

5. Radden G. How Metonymic Are Metaphors? Barcelona A. (ed.). *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Berlin, 2000, pp. 93–108.
6. Paducheva E.V. Metafora i ee rodstvenniki [Metaphor and Its Relatives]. Apresyan Yu.D. (ed.). *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura* [Secret Meanings: Word. Text. Culture]. Moscow, 2004, pp. 187–203.
7. Gaynutdinova A.A., Piyukhina N.A. Vizual'naya metonimiya v kreolizovannykh reklamnykh tekstakh [Visual Metonymy in Creolized Advertising Texts]. Shleenkov M.A. (ed.). *XVI Korolevskie chteniya* [15th Korolyov Readings]. Samara, 2021. Vol. 2, pp. 831–832.
8. Guan S. A Study of the Interaction Between the Multimodal Metaphor and the Multimodal Metonymy in Chinese Anti-Pandemic Cartoons. *Political Linguist.*, 2022, no. 5, pp. 213–220 (in Russ.). DOI: [10.26170/1999-2629_2022_05_23](https://doi.org/10.26170/1999-2629_2022_05_23)
9. Oparina E.O. Metafora v diskurse [Metaphor in Discourse]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6: Yazykoznanie. Referativnyy zhurnal*, 2021, no. 3, pp. 131–141. DOI: [10.31249/ling/2021.03.10](https://doi.org/10.31249/ling/2021.03.10)
10. Rubert I.B., Kiseleva S.V. Kognitivnye mekhanizmy metaftonimii [Cognitive Mechanisms of Metaphonymy]. Boldyrev N.N. (ed.). *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Conceptual Language Studies]. Moscow, 2019. Iss. 36, pp. 419–426.
11. Khakhalova S.A., Tretiakova E.V. Cases of Metaphor and Metonymy Convergence and Metaphonymy Functioning in Advertising Tourist Discourse of Germany. *Philol. Theory Pract.*, 2021, vol. 14, no. 1, pp. 122–126 (in Russ.). DOI: [10.30853/phil210008](https://doi.org/10.30853/phil210008)
12. Forceville C. Visual and Multimodal Metaphor in Advertising: Cultural Perspectives. *Styles Commun.*, 2017, vol. 9, no. 2, pp. 26–41.
13. Sweetser E. Metaphor and Metonymy in Advertising: Building Viewpoint in Multimodal Multi-Space Blends. *J. Pragmat.*, 2017, vol. 122, pp. 65–76. DOI: [10.1016/j.pragma.2017.10.012](https://doi.org/10.1016/j.pragma.2017.10.012)
14. Urios-Aparisi E. Metaphor Emergence in Cinematic Discourse. Hidalgo-Downing L., Kraljevic Mujic B. (eds.). *Performing Metaphoric Creativity Across Modes and Contexts*. Amsterdam, 2020, pp. 97–118.
15. Goossens L. Metaphonymy: The Interaction of Metaphor and Metonymy in Expressions for Linguistic Action. *Cogn. Linguist.*, 1990, vol. 1, no. 3, pp. 323–340. DOI: [10.1515/cogl.1990.1.3.323](https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323)
16. Ustarkhanov R.I. *Metaftonimiya v angliyskom yazyke: Interpretatsionno-kognitivnyy analiz* [Metaphonymy in English: Interpretational-Cognitive Analysis: Diss.]. Pyatigorsk, 2006. 179 p.
17. Ruiz de Mendoza F. The Role of Mapping and Domains in Understanding Metonymy. Barcelona A. (ed.). *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective*. Berlin, 2000, pp. 109–132.
18. Pérez-Sobrino P. *Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising*. Amsterdam, 2017. 232 p.
19. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge, 1994. 190 p.
20. Terskikh M.V., Pavchun M.G. Spetsifika metaforizatsii v sovremennom reklamnom diskurse: vizual'nyy komponent [Specific Features of Metaphorization in Modern Advertising Discourse: Visual Component]. *Lingvokul'turologiya*, 2014, no. 8, pp. 164–167.

DOI: 10.37482/2687-1505-V273

Elena Yu. Voyakina

Tambov State Technical University;

ul. Sovetskaya 106, Tambov, 392000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7186-694X> e-mail: voyackina.elena@yandex.ru

METAPHTONYMIC PROJECTIONS IN DIGITAL MULTIMODAL DISCOURSE

This article analyses metaphonymic projections implemented by small plot-based discursive forms in digital multimodal discourse. The research is carried out within the framework of the cognitive-discursive and anthropocentric scientific paradigms. This paper is relevant due to the wide distribution of

---

For citation: Voyakina E.Yu. Metaphonymic Projections in Digital Multimodal Discourse. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 34–43. DOI: 10.37482/2687-1505-V273

the analysed discursive forms based on metaphonymy in digital multimodal discourse and, accordingly, due to the need to study these forms in terms of their involvement in the interpretation of digital and objective reality and exerting a pragmatic impact on the recipient. The material for the analysis includes 250 small plot-based discursive forms, the most frequent being Internet memes selected from Russian- and English-language sources of new media using the continuous sampling method. Based on the empirical material analysed, metaphonymic projections were identified according to the multimodal metaphonymy classification suggested by P. Pérez Sobrino. It was established that the most productive metaphonymic projections in small plot-based discursive forms are parallel metonymic narrowing in the source and target domains of the metaphor and metaphonymic scenarios. In addition, the study found that the metaphonymic method of conceptual integration is a complex cognitive mechanism involved in the formation of plots, whose recognition requires a cognitive load associated with the decoding of components embedded in them. Interpretation of metaphonymically organized discursive forms is provided by the cognitive process of comprehending the semantics of multicode structures of these discursive forms belonging to different semiotic systems, which are conditioned by contextual connections. Further research is seen in the analysis of the tropical organization of digital multimodal discourse with the identification of the most stable trope combinations.

Keywords: *interpretation, small plot-based discursive forms, metaphonymic projection, metaphonymy, multimodal digital discourse.*

Поступила 25.04.2023
Принята 20.07.2023
Опубликована 18.09.2023

Received 25 April 2023
Accepted 20 July 2023
Published 18 September 2023

УДК [81'373+811.111]:712

DOI: 10.37482/2687-1505-V279

КАНЕЕВА Анастасия Сергеевна, аспирантка кафедры немецкой и французской филологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 9 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-6206>

ХАРАКТЕРИСТИКА КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА» С УЧЕТОМ ИХ МЕСТА В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ (на материале английского языка)

Полевой подход, основанный на представлении о языке как о системе систем, компоненты которой общаются, все активнее применяется для изучения различных лексико-семантических объединений. Лексические системы исследуются в рамках данного подхода путем конструирования полей, что оказывает благоприятное влияние на последующие анализ, систематизацию и описание лексики. **Цель** данной работы состоит в описании единиц лексико-семантического поля «Ландшафтная архитектура» с точки зрения их места в системе терминологии. Материалом послужили тексты современного англоязычного профессионального дискурса ландшафтной архитектуры. В ходе исследования предполагается решение следующих **задач**: сбор языкового материала, распределение языковых единиц по структурным объединениям поля, анализ лексических единиц на предмет их принадлежности к терминосистеме сферы ландшафтной архитектуры и занимаемой в ней иерархической ниши и последующее описание полученных результатов. Поставленные задачи решаются посредством применения указанных ниже **методов**: описательного, полевого структурирования, анализа словарных дефиниций, контекстуального анализа, количественного подсчета. Анализ компонентов поля проводится с учетом особенностей его организации и семантических отношений между компонентами. **Научная новизна и значимость** обусловлены отсутствием работ, исследующих лексику такой динамично развивающейся сферы, как ландшафтная архитектура, посредством применения метода полевого структурирования с последующим использованием терминоведческого подхода. Исследование вносит вклад в развитие терминологического направления в изучении языка. **Практическая значимость** работы проявляется в том, что ее материалы могут использоваться при подготовке к семинарским и лекционным занятиям по лексикологии английского языка и в практике его преподавания для специальных целей. **Согласно полученным результатам**, большая часть единиц поля «Ландшафтная архитектура» – термины, терминоиды и иные единицы встречаются редко. В рамках поля выявлены

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: anastasi47644@yandex.ru

Для цитирования: Канеева А.С. Характеристика компонентов лексико-семантического поля «ландшафтная архитектура» с учетом их места в терминосистеме (на материале английского языка) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 44–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V279

терминологические гнезда, в которых наблюдаются отношения синонимии, гиперо-гипонимические отношения и отношения «часть–целое». Большинство терминов однозначны. Количество терминов-слов и терминов-словосочетаний в составе поля практически одинаковое. Термины предметов, в соответствии с семантической классификацией, значительно преобладают над терминами процессов, признаков, величин и их единиц.

Ключевые слова: лексико-семантическое поле, лексико-семантическая группа, термин, терминология, терминосистема, лексика сферы ландшафтной архитектуры, английский язык.

Введение

Анализируя лексику профессиональной сферы, невозможно не упомянуть такое понятие, как язык для специальных целей (ЯСЦ), обозначающее подязык, существующий в общей языковой системе и используемый для специальной коммуникации в какой-либо профессиональной сфере [1, с. 105]. **Объектом** исследования выступают единицы лексико-семантического поля (ЛСП) «Ландшафтная архитектура», отобранные из современного англоязычного профессионального дискурса. **Цель** работы состоит в описании единиц поля с точки зрения их принадлежности к ЯСЦ и занимаемого положения в терминосистеме. **Теоретическая значимость исследования** заключается в подробном освещении особенностей лексики сферы ландшафтной архитектуры не только как ЯСЦ, но и как лексики, принадлежащей к определенному лексико-семантическому объединению. **Теоретическую базу** составляют труды российских (И.Р. Гальперин [2], М.М. Глушко [3], С.Н. Гореликова [4], А.О. Иванов¹, Н.П. Кузькин [5], В.М. Лейчик [6], В.И. Литовченко [7], В.И. Михайлова [8], А.И. Моисеев [9], М.В. Половец [10], А.А. Реформатский [11], Л.В. Рычкова [12]) и зарубежных ученых (М.О. Вакуленко [13], В.-Л. Gunnarsson [1]). В настоящее время отсутствуют исследования, описывающие лексику сферы ландшафтной архитектуры посредством применения полевого подхода, что обуславливает **новизну** работы. Научно-технический прогресс способствует активному развитию ЯСЦ, в связи с

чем важная роль отводится терминологическому направлению в изучении языка, поскольку терминология представляет собой не только систему понятий определенной области знания, но и особый инструмент освоения специальности. Изучение лексики ландшафтной архитектуры с терминологической точки зрения характеризует **актуальность** проведенного исследования.

Теоретические основы исследования

В ЯСЦ центральное место отводится единицам терминологических систем. Термин относится к нормативной части лексики ЯСЦ и является специальным словом или словосочетанием, точно и полно обозначающим конкретное или абстрактное понятие [6, с. 77–79] и его соотношение с иными понятиями в пределах специальной сферы [8, с. 7]. Термины возникают в процессе производственной и/или научной деятельности и функционируют в кругу специалистов, обладающих всеми необходимыми научными знаниями и профессиональными навыками [4, с. 131].

Терминология, в свою очередь, характеризуется как множество терминов науки, техники, культуры и т. п. [13, с. 6]. В своем идеальном варианте терминология должна быть строгой и опираться только на интеллектуальные составляющие слова [9, с. 138], многозначность и экспрессия должны быть ей несвойственны, т. к. данные параметры отличают термины от простых общеупотребительных слов [5, с. 138]. Однако, как утверждает И.Р. Гальперин, термины могут обладать некоторой долей экспрессии и

¹Иванов А.О. Английская безэквивалентная лексика и ее перевод на русский язык : учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1985. 95 с.

эмоциональной окраской [2, с. 58]. На термины приходится значительная часть семантической нагрузки, для них характерна высокая информационная насыщенность [12, с. 63]. В отличие от других слов, термин не требует контекста, т. к. эту роль за него выполняет терминология [11, с. 58].

М.М. Глушко, вслед за Н.П. Кузькиным, считает, что термины стремятся обладать только одним лексическим значением в пределах своей классификационной системы [3, с. 24]. Однако А.А. Зубкова отмечает, что существуют однозначные и многозначные термины, обладающие более чем одним значением в пределах одной терминосистемы [14, с. 110].

В настоящее время существует большое количество классификаций [14, с. 108–109], например по морфосинтаксической структуре, согласно которой есть два типа терминов – термины-слова, состоящие из одного компонента, и термины-словосочетания, состоящие из более чем одного компонента. В.И. Литовченко пишет о содержательной классификации, построенной на основании категории понятия, обозначенного термином: термины предметов, термины процессов, термины признаков, термины величин и их единиц [7, с. 157–158].

Однако в состав ЯСЦ входят не только термины, но и другие лексические единицы: терминоиды (квазитермины), профессионализмы, профессиональные просторечные единицы и профессионализмы-жаргонизмы [6, с. 77–78]. Терминоиды – «несистемные лексемы», обозначающие понятие, содержание и объем которого являются расплывчатыми. Как правило, к ним присоединяются «опорные» слова типа *материал*, *среда*, *средства*, входящие в состав терминов, но не образующие терминоэлементов, четко «не обозначающие понятий и их признаков» (*средства существования* в политэкономии, *холод* в физике). Профессионализмы-жаргонизмы, в свою очередь, можно дифференцировать по ненормативным грамматическим признакам (*космач* – исследователь космоса; *генерить* – в речи

специалистов по вычислительной технике) и отдаленным метафорическим связям в семантике вторичных номинаций (*бублик* – тороидальная форма ускорителей элементарных частиц). Отличить профессионализм от профессиональной просторечной лексической единицы видится возможным, если принять во внимание тот факт, что для первых характерны фонетические особенности, например смещение ударения (*Инсульт* в лексике врачей при нормативном *инсУльт*), грамматическая и лексическая архаичность (*льнящик* – наряду с *льноткач*) и упрощения (*тортница* – наряду с *тортовница*, *ультрафиолет* наряду с *ультрафиолетовое излучение*). Элементы профессионального просторечия относятся к единицам «своего языка», сохранившимся пережиточно вместе с интернациональными единицами, закрепленными в качестве терминов (*чахотка* – наряду с *туберкулез*). Единицы, относящиеся к последним трем перечисленным группам, представляют собой стилистические синонимы терминов [6, с. 77–79].

Методология

Исследование проводилось в рамках полевого подхода, наиболее востребованного при работе с обширными объединениями, характеризующимися внушительным количеством единиц ЯСЦ и сложной структурой. Для отбора единиц применялся метод сплошной выборки. Распределение единиц по группам ЛСП проводилось методом полевого структурирования. Анализ единиц ЛСП на предмет их принадлежности к терминосистеме сферы ландшафтной архитектуры и занимаемого в ней положения осуществлялся в рамках терминоведческого подхода с использованием таких методов, как контекстуальный анализ и количественный подсчет, которые позволили продемонстрировать представленность в рамках поля единиц ЯСЦ различного типа. Анализ словарных дефиниций был применен при работе со словарями: присвоение слову или словосочетанию статуса единицы ЯСЦ, не являющейся термином, осуществлялось при отсутствии данной единицы в

отраслевых словарях².³ Принадлежность единиц к сленгу проверялась при помощи переводного онлайн-словаря⁴ и/или этимологического словаря⁵. Описательный метод был использован для интерпретации полученных в ходе исследования результатов.

Языковой материал был отобран из 17 статей международного журнала «Landscape Architecture Magazine»⁶, находящегося в открытом доступе. Следует отметить, что данный англоязычный журнал издается с 1910 года и принадлежит Американскому обществу ландшафтных архитекторов. Целевая аудитория по большей части состоит из профессиональных ландшафтных архитекторов и дизайнеров Северной Америки. Отобранный языковой материал содержит 579 единиц.

Результаты исследования

ЛСП «Ландшафтная архитектура» включает в себя несколько лексико-семантических групп (ЛСГ): *Landscape materials* (Материалы для ландшафтного строительства), *Professions and statuses associated with landscape architecture* (Профессии и статусы, связанные с ландшафтной архитектурой), *Landscape design-build process* (Процесс ландшафтного строительства и дизайна), *Zones of landscape object* (Зоны ландшафтного объекта), *Landscape object's components* (Компоненты ландшафтного объекта), *Components of landscape constructions* (Компоненты ландшафтных конструкций), *Recreational facilities* (Места отдыха и развлечений), *Landscape architecture project* (Проект ландшафтной архитектуры), *Land forms* (Формы рельефа). Практически каждая ЛСГ содержит подгруппы, которые делятся на подподгруппы [15, с. 3973].

Большая часть проанализированных лексических единиц ЛСП «Ландшафтная архитектура» принадлежит к числу терминов, а именно – 554 единицы, или 95,7 %. Количество единиц, определенных нами как терминоиды, равняется 14, что составляет 2,4 % от общего числа. Среди терминоидов такие лексические единицы, как *design process* (процесс дизайна), *construction process* (процесс строительства), *design decision* (дизайнерское решение), *planning strategy* (стратегия проектирования), *design technology* (технология дизайна) и т. п., характеризующиеся расплывчатым объемом и содержанием понятия и наличием «опорных» слов *process*, *decision*, *strategy*, *technology*. Было также проверено отсутствие данных единиц в специализированных словарях, что подтверждает их статус терминоидов.

В анализируемом языковом материале были обнаружены и единицы, проявляющие черты профессионализмов-жаргонизмов – 5 (0,9 %) и профессиональных просторечий – 2 (0,35 %).

В качестве профессионализма-жаргонизма предстала единица *subby house* (домик для игр). Согласно переводному словарю, она относится к сленгу благодаря компоненту *subby*. Согласно этимологическому словарю, единица *subby* произошла как уменьшительно-ласкательное от *sub* (молокосос/детеныш), а значит данному словосочетанию присущ метафорический компонент. Единицы *flying fox* (канатная дорога), *mary-go-round* (карусель), *seesaw* (качели) и *pussy willow* (верба) были определены как единицы, проявляющие черты профессионализмов-жаргонизмов, благодаря наличию у них ненормативных грамматических признаков и метафорических компонентов. В число единиц,

²Christensen A.J. Dictionary of Landscape Architecture and Construction. N. Y., Chicago, San Francisco, Lisbon, London, Madrid, Mexico City, Milan, New Delhi, San Juan, Seoul, Singapore, Sydney, Toronto: McGraw Hill, 2005. 493 p.

³Curl J.S. A Dictionary of Architecture and Landscape Architecture. N. Y., 2006. 916 p.

⁴Multitran Dictionary. URL: <https://www.multitran.com/> (дата обращения: 28.03.2023).

⁵Online Etymology Dictionary. URL: <https://www.etymonline.com/> (дата обращения: 27.03.2023).

⁶Landscape Architecture Magazine: official site. URL: <https://landscapearchitecturemagazine.org> (дата обращения: 29.05.2022).

проявляющих черты профессиональных просторечий, попали *witch hazel* (ведьмин орех – он же гамамелис виргинский) и *joe-pye weed* (Джо Пай сорняк – он же посконник). Профессионализмов в ходе анализа обнаружено не было.

На долю лексики, не относящейся ни к терминам, ни к терминологическим единицам, ни к профессионализмам-жаргонизмам, ни к профессионализмам, ни к профессиональным просторечиям, приходится 4 единицы (0,7 %): *Christmas tree* (ель), *tapestry of grasses* (травяной ковер), *heart of the garden* (сердце сада), *wandering path* (тропа странствий). Последние три единицы относятся к экспрессивной лексике: газон метафорично именуют ковром, центр сада – сердцем, а извилистую тропинку – тропой странствий, что свидетельствует о расположении данных единиц на крайней периферии поля. *Christmas tree*, в свою очередь, представляет собой общепотребительную лексическую единицу.

Интересным при изучении ЯСЦ представляется понятие «терминологическое гнездо», которое М.В. Половец определяет как комплексное структурное образование, совокупность словообразовательных цепочек терминов, каждый последующий из которых мотивирован предыдущим и связан с ним понятийными отношениями. Автор отмечает, что ядро любого терминологического гнезда представляет собой гнездообразующий термин, который обозначает более общее понятие относительно других компонентов гнезда и может принадлежать к иной предметной области. Считается, что гнездообразующие термины формируют первичную структуру терминологии [10, с. 56–57].

Исследуемое ЛСП содержит ряд терминологических гнезд. Например, среди компонентов основного гнезда поля с гнездообразующим термином (ядром) *land* (земля) следующие: *woodland* (лесистая местность), *shrubland* (местность, покрытая кустарниками), *parkland* (парк/парковая зона), *grassland* (луг), *wetland* (заболоченная территория), *landscape* (ландшафт), *landscape-based* (разработанный с учетом особенностей ландшафта),

landscape-focused (об организации, чья деятельность напрямую связана с ландшафтным дизайном/архитектурой), *human-landscape* (связанный и с человеком, и с ландшафтом). В данном случае наблюдается частичное наложение области ЛСГ *Land forms* на область терминологического гнезда за счет общих компонентов: гиперонима *land* и его гипонимов *woodland*, *shrubland*, *parkland*, *grassland*, *wetland*.

Прилагательное *green* (зеленый/озелененный) также формирует гнездо, среди единиц которого *greenway* (зеленый маршрут), *evergreen* (вечнозеленое растение), а существительное *berry* (ягода) – гнездо, в состав которого вошли *serviceberry* (ирга обыкновенная), *winterberry* (падуб/илекс), *bayberry* (восковница/восковник/мирка). Здесь, кроме того, наблюдаются не только гиперо-гипонимические отношения, но и значительное наложение области гнезда на область подгруппы *Vegetation* (Растительность) ЛСГ *Landscape object's components*.

Видится возможным также определить *floret* (отдельный цветок сложного цветка), *flower* (цветок), *wildflower* (полевой цветок), *flowerhead* (соцветие), *coneflower* (эхинацея/рудбекия) и *sunflower* (подсолнух) как компоненты, формирующие еще одно терминологическое гнездо. В данном случае мы можем наблюдать не только отношения «часть–целое» между такими единицами, как *floret*, *flower* и *flowerhead*, но и гиперо-гипонимические отношения в случае с единицами *flower*, *coneflower*, *sunflower*, что тоже свидетельствует о наложении области данного гнезда на область подгруппы *Vegetation* ЛСГ *Landscape object's components*.

Большое количество единиц поля образуют пары терминов, где один является производным от другого, например: *install* (устанавливать) и *installation* (установка), *build* (строить) и *building* (здание), *path* (пешеходная дорожка) *pathway* (тропа/дорожка), *herb* (травы) и *herbage* (травянистые растения) и др.

Вопреки представлению о том, что термин должен быть однозначным в пределах терминосистемы, среди терминов исследуе-

мого ЛСП были обнаружены и многозначные, среди которых: *planting*, обладающий двумя значениями – *насаждение* и *посадка*; *design* – *дизайн (как результат)* и *дизайн (как процесс)*; *planning* – *планировка (как результат планирования)*, *планирование (как процесс)* и *проектирование*; *building* – *строительство* и *здание*; *construction* – *строительство* и *сооружение*; *rubber* – *каучук* и *резина*; *board* – *доска* и *цена/подмости*; *grass* – *трава (растение)* и *травяной покров/газон*. Многозначные термины составляют около 1,5 % от общего числа терминов ЛСП.

Количество однословных терминов и терминов-словосочетаний равняется 295 (53,2 %) и 259 (46,8 %) соответственно. Причем среди ЛСГ поля есть такие, где количество однословных терминов значительно преобладает, например: *Landscape materials*, *Components of landscape constructions*, *Land forms*; и, наоборот, есть такие ЛСГ, где значительно преобладают термины-словосочетания: *Professions and statuses associated with landscape architecture*, *Landscape design-build process*. Интересна подгруппа *Vegetation ЛСГ Landscape object's components*, которая характеризуется преобладанием терминов-словосочетаний, что обусловлено вхождением в ее состав большого количества единиц, представляющих собой латинские названия растений.

В ходе исследования была также предпринята попытка систематизировать термины ЛСП согласно содержательной классификации. Большая часть терминов ЛСП, а именно – 446 единицы (80,5 %), в числе которых существительные (*swings* – *качели*) и словосочетания (*sand pit* – *песочница*), были определены как термины предметов. Количество терминов процессов, выраженных существительными (*planting* – *посадка*), словосочетаниями (*landscape planning* – *ландшафтное планирование*) и глаголами (*to plant* – *сажать*), в свою очередь, составляет 52 единицы (9,4 %); а терминов признаков, представленных прилагательными (*architectural* – *архитектурный*), существительными (*habitat* – *место произ-*

растания) и словосочетаниями (*flower color* – *цвет цветка*), – 9 единиц (1,6 %). Терминов величин и их единиц, представленных существительными и словосочетаниями, в ходе анализа было выявлено также 9 (1,6 %) – это существительные (*scale* – *масштаб*) и словосочетания (*water level* – *уровень воды*). Однако часть терминов осталась нераспределенной. Подобные термины характеризуются частичной абстрактностью содержания (но недостаточно абстрактны, чтобы быть дифференцированными как терминоиды), следовательно, не могут быть определены как предметы (которые представляют собой материальные вещи); и в то же время не выражают ни процессов, ни признаков, ни величин и их единиц. Среди терминов, не получивших место ни в одной из групп, и центральные понятия исследуемого поля – *landscape architecture* (*ландшафтная архитектура*), *landscape design* (*ландшафтный дизайн*), *architecture* и др.

Заключение

и дальнейшие перспективы исследования

Согласно результатам исследования, ЛСП «Ландшафтная архитектура» включает в себя 9 ЛСГ, большая часть единиц которых – термины (95,7 %). Терминоиды, единицы, проявляющие черты профессионализмов-жаргонизмов или профессиональных просторечий, иная экспрессивная и общеупотребительная лексика встречаются гораздо реже и составляют 4,3 % от общего числа проанализированных единиц.

В ЛСП были выявлены терминологические гнезда, которые иллюстрируют не только каркас терминологии, но и ее основные точки развития. Некоторые гнезда характеризуются наличием сегментов пересечения с ЛСГ поля. В данных сегментах наблюдаются отношения синонимии, гиперо-гипонимические отношения и отношения «часть–целое».

Вопреки распространенному мнению о том, что термин однозначен в пределах терминологии, были выявлены и многозначные термины. Соотношение терминов-слов и терминов-словосочетаний в составе поля стремится к 1:1, однако есть ЛСГ, для которых характерно значи-

тельное преобладание в составе терминов-слов (например, ЛСГ *Land forms*), и ЛСГ, которые характеризуются значительным преобладанием терминов-словосочетаний (например, ЛСГ *Landscape design-build process*).

Была проведена систематизация терминов по содержательным признакам, согласно которой термины предметов (80,5 %) значительно преобладают в исследуемом поле в ущерб

терминам процессов, признаков, величин и их единиц, на долю которых приходится 19,5 %.

Следует подчеркнуть, что существуют перспективы дальнейшего исследования данной темы: количество объединений ЛСП «Ландшафтная архитектура» может быть увеличено, как может быть расширен и количественный состав поля, что может повысить информативность и точность результатов.

Список литературы

1. Gunnarsson B.-L. Language for Special Purposes // Encyclopedia of Language and Education / ed. by G.R. Tucker, D. Corson. Dordrecht: Springer, 1997. Vol. 4. P. 105–117.
2. Гальперин И.Р. Очерки по стилистике английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1958. 458 с.
3. Глушко М.М. Функциональный стиль общенаучного языка и методы его исследования / под ред. О.С. Ахмановой, М.М. Глушко. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974. 178 с.
4. Гореликова С.Н. Природа термина и некоторые особенности терминообразования в английском языке // Вестн. ОГУ. 2002. № 6. С. 129–136.
5. Кузькин Н.П. К вопросу о сущности термина // Вестн. ЛГУ. 1962. Вып. 4. С. 136–146.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: URSS: КомКнига, 2006. 256 с.
7. Литовченко В.И. Классификация и систематизация терминов // Вестн. Сибир. гос. аэрокосм. ун-та им. акад. М.Ф. Решетнева. 2006. № 3(10). С. 156–159.
8. Михайлова В.И. Многокомпонентные термины в деловом письме // Терминология и перевод в политическом, экономическом и культурном сотрудничестве. Омск, 1991. С. 37–39.
9. Моисеев А.И. О языковой природе термина // Лингвист. проблемы науч.-техн. терминологии: материалы совещ., провед. Акад. наук СССР в Ленинграде 30 мая – 2 июня 1967 г. М.: Наука, 1970. С. 127–138.
10. Половец М.В. Терминологические гнезда как способ отражения системности терминологии (на примере англоязычных терминов компьютерной лингводидактики) // Изв. РГПУ им. А.И. Герцена. 2014. № 170. С. 56–61.
11. Реформатский А.А. Термин как член лексической системы языка // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1968. С. 103–125.
12. Рычкова Л.В. Терминология в различных видах коммуникации // Терминология и знание: материалы II Междунар. симп., Москва, 21–22 мая 2010 г. М.: Азбуковник, 2010. С. 63–70.
13. Vakulenko M.O. Term and Terminology: Basic Approaches, Definitions, and Investigation Methods (Eastern-European Perspective) // Terminol. Sci. Res. 2014. Vol. 24. P. 13–28.
14. Зубкова А.А. Термин как особенная лексическая единица (на материале предметной области «Логистика») // Актуальные вопросы филологической науки XXI века.: сб. ст. V Междунар. науч. конф. молодых ученых (12 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Урал. федер. ун-т, 2016. С. 107–112.
15. Kaneeva A.S., Vodnaruk E.V. Organization and Semantic Relations within the Lexico-Semantic Field “Landscape Architecture” (by the Material of the English Language) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2022. Т. 15, вып. 12. С. 3970–3975.

References

1. Gunnarsson B.-L. Language for Special Purposes. Tucker G.R., Corson D. (eds.). *Encyclopedia of Language and Education*. Dordrecht, 1997. Vol. 4, pp. 105–117.
2. Gal'perin I.R. *Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka* [Essays on English Stylistics]. Moscow, 1958. 458 p.

3. Glushko M.M. *Funktional'nyy stil' obshchenauchnogo yazyka i metody ego issledovaniya* [Functional Style of the General Scientific Language and Its Research Methods]. Moscow, 1974. 178 p.
4. Gorelikova S.N. *Priroda termina i nekotorye osobennosti terminoobrazovaniya v angliyskom yazyke* [Nature of the Term and Some Features of Term Formation in the English Language]. *Vestnik OGU*, 2002, no. 6, pp. 129–136.
5. Kuz'kin N.P. K voprosu o sushchnosti termina [On the Essence of Terms]. *Vestnik LGU*, 1962, no. 4, pp. 136–146.
6. Leychik V.M. *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology: Object, Methods, Structure]. Moscow, 2006. 256 p.
7. Litovchenko V.I. Klassifikatsiya i sistematzatsiya terminov [Classification and Systematization of Terms]. *Vestnik Sibirskogo gosudarstvennogo aerokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva*, 2006, no. 3, pp. 156–159.
8. Mikhaylova V.I. Mnogokomponentnye terminy v delovom pis'me [Multi-Component Terms in Business Writing]. *Terminologiya i perevod v politicheskom, ekonomicheskom i kul'turnom sotrudnichestve* [Terminology and Translation in Political, Economic and Cultural Cooperation]. Omsk, 1991, pp. 37–39.
9. Moiseev A.I. O yazykovoy prirode termina [On the Linguistic Nature of Terms]. *Lingvisticheskie problemy nauchno-tekhnicheskoy terminologii* [Linguistic Problems of Scientific and Technical Terms]. Moscow, 1970, pp. 127–138.
10. Polovets M.V. Terminologicheskie gnezda kak sposob otrazheniya sistemnosti terminologii (na primere angloyazychnykh terminov komp'yuternoy lingvodidaktiki) [Term Families as a Means of Terminology System Presentation (the Terms of Language Learning and Technology Specialized Units)]. *Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena*, 2014, no. 170, pp. 56–61.
11. Reformatskiy A.A. Termin kak chlen leksicheskoy sistemy yazyka [The Term as a Member of the Lexical System of the Language]. *Problemy strukturnoy lingvistiki* [Issues of Structural Linguistics]. Moscow, 1968, pp. 103–125.
12. Rychkova L.V. Terminologiya v razlichnykh vidakh kommunikatsii [Terms in Various Types of Communication]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge]. Moscow, 2010, pp. 63–70.
13. Vakulenko M.O. Term and Terminology: Basic Approaches, Definitions, and Investigation Methods (Eastern-European Perspective). *Terminol. Sci. Res.*, 2014, vol. 24, pp. 13–28.
14. Zubkova A.A. Termin kak osobennaya leksicheskaya edinita (na materiale predmetnoy oblasti "Logistika") [The Term as a Special Lexical Unit (Based on the "Logistics" Subject Area)]. *Aktual'nye voprosy filologicheskoy nauki XXI veka* [Current Issues of Philology in the 21st Century]. Yekaterinburg, 2016, pp. 107–112.
15. Kaneeva A.S., Bodnaruk E.V. Organization and Semantic Relations Within the Lexico-Semantic Field "Landscape Architecture" (by the Material of the English Language). *Philol. Theory Pract.*, 2022, vol. 15, no. 12, pp. 3970–3975.

DOI: 10.37482/2687-1505-V279

Anastasiya S. Kaneeva

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0710-6206> e-mail: anastasi47644@yandex.ru

CHARACTERISTICS OF THE COMPONENTS OF THE LEXICO-SEMANTIC FIELD OF LANDSCAPE ARCHITECTURE, TAKING INTO ACCOUNT THEIR PLACE IN THE TERMINOLOGICAL SYSTEM (Based on the English Language)

The field approach, based on the idea that languages are systems of systems whose components interact with each other, is increasingly being used to analyse lexico-semantic sets. Lexical systems are studied within the framework of this approach by constructing fields. This has a beneficial effect on

---

For citation: Kaneeva A.S. Characteristics of the Components of the Lexico-Semantic Field of *Landscape Architecture*, Taking into Account Their Place in the Terminological System (Based on the English Language). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 44–52. DOI: 10.37482/2687-1505-V279

the subsequent analysis, systematization and description of vocabulary. The **purpose** of this article was to characterize units of the lexico-semantic field of *landscape architecture* in terms of their place in the terminological system. The research material included texts belonging to the modern English-language professional discourse of landscape architecture. The following **tasks** were set: to collect the linguistic material, categorize the linguistic units into field sets, establish whether the lexical units belong to the terminological system of landscape architecture and determine their place in it, as well as to describe the results obtained. In order to complete the tasks, the following **methods** were used: descriptive method, field structuring, analysis of dictionary definitions, contextual analysis, and quantitative calculation method. Field components were analysed taking into account the specific features of the field's organization and the semantic relations between its components. The **scientific novelty** and **significance** of this paper lie in the lack of studies exploring the vocabulary of such a dynamically developing sphere as landscape architecture through the use of the field structuring method and the terminological approach. The article contributes to the development of terminology science. Its **practical significance** is due to the fact that its materials can be used in preparation for seminars and lectures on English lexicology and in teaching English for specific purposes. According to the **results** obtained, most of the units of the *landscape architecture* field are terms, while quasi-terms and other units are rare. Within the field, terminological families were identified, in which synonymy, hyper-hyponymy, and part-whole relations were observed. Most of the terms are unambiguous. The number of word terms and word combination terms in the field is almost equal. Terms naming objects, in accordance with the semantic classification, prevail significantly over terms naming processes, features, quantities and their units.

Keywords: *lexico-semantic field, lexico-semantic group, term, terminology, terminological system, vocabulary of landscape architecture, English language.*

Поступила 18.04.2023
Принята 01.08.2023
Опубликована 18.09.2023

Received 18 April 2023
Accepted 1 August 2023
Published 18 September 2023

УДК 81'22:811.161.1.37

DOI: 10.37482/2687-1505-V281

ЗАГУМЕННОВ Александр Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Вологодской духовной семинарии. Автор 60 научных публикаций, в т. ч. 6 коллективных монографий и 2 учебных пособий-хрестоматий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918>

ОБ ОФОРМЛЕНИИ КОМБИНАЦИЙ НОЭМ ПОСРЕДСТВОМ СЛОЖНЫХ СЛОВ: ЛИНГВОПЕРСОНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья представляет собой применение идей и положений, разработанных Г.И. Богиним (руководитель Тверской герменевтической группы, основатель теории языковой личности) к историческому лингвистическому материалу. Ключевое понятие в исследовании – ноэма – определяется как «минимальная единица смысла», которая редко обнаруживается в чистом виде, но чаще встречается в составе комбинаций с другими минимальными единицами смысла. Из «Жития» Епифания Соловецкого, текст которого находится в «Пустозерском сборнике» И.Н. Заволоко, приемом сплошной выборки выделено 261 употребление сложных слов. Применяя при этом сравнение, аналогию, методику феноменологической редукции и метод контекстного анализа, мы получили две последовательности по первым корням. Одна из них оформляет движение от количественно большего корпуса сложных слов к количественно меньшему (Бог-, Благ-, Рук-, Зло-/Пол-, Пуст-), а вторая – наоборот – от меньшего к большему (Добр-/Три-, Пред-/Преж-, Все-, Мног-/Жив-, Пуст-). В результате предпринятых шагов удалось установить, что слова с первым элементом Пуст- являются, во-первых, центральным компонентом во всем полученном лексическом корпусе, а во-вторых, напрямую связаны с языковой личностью самого Епифания Соловецкого. Далее вторые корни, взятые как бы изолированно в установке феноменологической редукции, были сгруппированы по трем рубрикам. После данного шага полученные смысловые комплексы были экстраполированы на контексты с употреблением сложного слова с первым элементом Пуст-. Удалось установить, что именно данные композиты оказываются одной из смысловых осей повествования о пережитых муках в ссылке.

Ключевые слова: сложное слово, ноэма, языковая личность, феноменология, герменевтика, Епифаний Соловецкий.

---

*Адрес: 160901, г. Вологда, ул. Монастырская, д. 2; e-mail: zaw1991@mail.ru

Для цитирования: Загуменнов А.В. Об оформлении комбинаций ноэм посредством сложных слов: лингвоперсонологический аспект // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 53–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V281

Введение

История изучения особых смысловых единиц – нозм – корнями уходит в начало XX века и связана со становлением феноменологической философии [1–4]. Г.Г. Шпет, интерпретируя публикации Э. Гуссерля, писал, что «многообразным данным реального, нозмического содержания соответствует многообразие данных, выступающих в чистой интуиции, в коррелятивных “нозматических содержаниях” или нозмах» [5, с. 125]. В этой версии объяснения (в трудах Э. Гуссерля и его интерпретаторов это лишь одно из возможных) мы сталкиваемся с особой смысловой структурой, предполагающей «предметно воспринимаемое» в восприятии, «предметно воспоминаемое» в воспоминании и даже, гипотетически, «предметно воображаемое» в фантазировании.

В область языкознания данная тема и размышления по этому поводу были внедрены А.Ф. Лосевым. В его трудах вводится разграничение первичной «чистой нозмы» («понимаемая предметность, понимание предметности, взятое как смысловой снимок с понимаемых актов» [6, с. 640]) и надстройки над ней в виде «семемь» (стихия «субъективно-индивидуального отношения (понимания, интенции и пр.) к предмету в слове» [6, с. 640]). Это позволило мыслителю многократно усложнить само понимание как предмет изучения, затронув и то, что традиционно относится к «экстралингвистическим» факторам в толковании слова.

«Переоткрытие» нозмы произошло в трудах Тверской герменевтической группы «Московского методологического кружка», идейным вдохновителем которой был Г.И. Богин. Для него нозма – «минимальная единица смысла», где смысл, вслед за Г.П. Щедровицким, интерпретируется как общая соотнесенность и связь «всех относящихся к ситуации явлений» [7]; нозма – «интенциональная сущность», «наиболее дробное идеальное образование, способное формировать смысл как систему» [7]. Термин этот в трудах Г.И. Богина попал из англоязычных переводов Э. Гуссерля, но не остался без изменений. «Нозма» как сложная структура с

ядром и интенциональной направленностью была сведена в рамках его концепции до «кванта смысла», который в чистом виде практически не встречается, а потому в рефлексивной реальности мы оперируем не чем-то единичным, а некоторой совокупностью этих единиц. Именно труды Г.И. Богина оформили две конкурирующие концепции: феноменологическую филологическую герменевтику [8] и феноменологическую диалектику [9].

Указанные теоретико-методологические разработки объединяет интерпретация понятия «нозма» как «кванта смысла». К сожалению, различий у этих концепций в разы больше. Феноменологическая филологическая герменевтика – результат осмысления немецкоязычного «философского дискурса», эклектично сочетающий в себе герменевтику и феноменологию с когнитивной лингвистикой. Это теоретическое решение было адекватным при анализе окказионализмов в тексте М. Хайдеггера, поскольку у последнего была установка на вскрытие творческих потенций единиц языка как деятельности с их структурно-семантическим усложнением. Достаточно упомянуть, что Э. Гуссерль на полях «Бытия и Времени» писал: «все становится глубокомысленно неясным и философски теряет свою ценность» [10, с. 124]. Впрочем, именно благодаря эклектике разработки С.Н. Бредихина теперь можно спорить с данным утверждением.

В соответствии со второй концепцией, феноменологическая диалектика – фундаментальное обобщение многолетних теоретико-методологических поисков и оформление «феноменологической лингвистики» как самостоятельного направления. Примечательно, что книга З.Я. Кармановой «Принципы феноменологической лингвистики» [9] очень схожа по генеральным опорным точкам с предыдущими координатами: те же философские основания, но когнитивные науки в самом широком смысле, вплоть до нейрофизиологии. При этом очевидно, что десятимодульная модель слова [9, с. 72] и герменевтико-нозмический метод [8], при общности некоторых позиций, требуют совершенно противоположных теоретико-методологических

решений. Ко всему прочему, ни первая, ни вторая из упомянутых концепций не были созданы не только «для», но и «при» анализе исторического русскоязычного лингвистического материала. В этом нам видится актуальность данной статьи, поскольку мы, в самом первом приближении, очерчиваем контуры еще одного подхода.

В его основе – внимание к языковой личности, т. е. к человеку «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [11, с. 5]. Эта позиция объединяет концепцию С.Н. Бредихина [8] с позицией З.Я. Кармановой («Рассмотрение слова безотносительно его онтологических корней, т. е. вне его радикального контекста – языковой личности и ее сознания, – когнитивный нонсенс» [9, с. 28]). При этом сам Г.И. Богин указывал, что «языковая личность, смыслообразование, рефлексия, понимание <...> поддаются также диахроническому анализу» [12, с. 4]. Добавим от себя: диахронический анализ языковой личности сопровождается реконструкцией «сонма нозм» (С.Н. Бредихин) с возможной опорой на лексический корпус дошедших текстов. Ни Г.Г. Шпет, ни А.Ф. Лосев, ни Г.И. Богин не ставили под сомнение, что смысловые структуры в равной степени принадлежат и продуценту, и реципиенту. Но что есть нозма в диахроническом подходе? Адекватно на этот вопрос можно ответить апофатически.

Нозма не сема в строгом понимании этих терминов. Это разделение было высказано не только А.Ф. Лосевым, но (в формате примечания) предлагалось Л.А. Новиковым в книге «Семантика русского языка» (1982) [13]. Даже если не разделять точку зрения об иерархичности этих единиц, приходится признать их «рефлексивную среду обитания».

Нозма не концепт как *conceptus* (=понятие), нозма не концепт как *conceptum* (=зерно перво-смысла). Данное разделение обнаруживается и в трудах В.В. Колесова [14], и в работах лингвистов-когнитологов. Впрочем, не прекращаются попыт-

ки соединить понятие нозмы с представлениями о структуре концепта [15; 8]. В логике разработок Г.И. Богина «квант смысла» может входить и в объем понятия (*conceptus*), а последнее – в объем завершеного высказывания, и в череду содержательных форм реализации *conceptum*'а. Тем не менее руководитель Тверской герменевтической группы, заставший две «волны» когнитивной лингвистики, не пошел на синтез своей разработки с данным направлением. И мы – в первом приближении – придерживаемся той же стратегии.

Целью исследования мы ставим адаптацию теоретико-методологических разработок в области нозмы Г.И. Богина к тексту идеолога старообрядчества XVII столетия. При этом соблюдается принцип, характерный для работы в рамках «Московского методологического кружка»: материал обуславливает исследовательские решения.

Материалы и методы

Из «Пустозерского сборника» Н.И. Заволоко¹ анализируются две части «Жития» последней трети XVII века. Авторство принадлежит Епифанию, бывшему иноку Соловецкого монастыря и духовному отцу протопопа Аввакума. На момент создания текста он находился в тюрьме в Пустозерске с другими идеологами старообрядчества (Аввакумом, диаконом Федором Ивановым и попом Лазарем).

Из «Жития» методом сплошной выборки получено 261 употребление композитов. Этот корпус использовался в качестве опорного при реконструкции нозматических комбинаций по целому ряду причин. Во-первых, сложным словам приписывается внутренний синтаксис [16]. Во-вторых, именно корневые морфемы оказываются «смыслонесущей» конструкцией в разных языковых типах [17]. В-третьих, выбор именно слов как ключевых единиц частичной реконструкции внутреннего мира Епифания Соловецкого обусловлен самой практикой лингвоперсоналогического моделирования, будь то анализ в диахронии [18] или же фиксация те-

¹Пустозерский сборник: Автографы сочинений Аввакума и Епифания / сост. И.Н. Заволоко. Л.: Наука, 1975. 263 с.

кущего момента в коммуникации [19–23]. Таким образом, методологическая база исследования включает методы сплошной выборки, сравнения, аналогии, прием феноменологической редукции и контекстный анализ. При этом необходимо ввести три аксиоматических положения, задающих вектор понимания осуществляемой работы.

1. В рамках нашего исследования для нозмы как кванта общей соотнесенности и связи «всех относящихся к ситуации явлений» (Г.П. Щедровицкий) самой «ситуацией» выступают и текст «Жития», и группировка с опорой на редуцированные состояния словоформ, и реконструкция языковой личности в целом.

2. Поскольку понимание интерсубъективно, то исследуемые группировки нозм выступают не как нечто физически данное, а как гипотетическое содержимое некоторого конструкта, анализируемого диахронически. Условно это положение можно представить в виде схемы на (рис. 1).

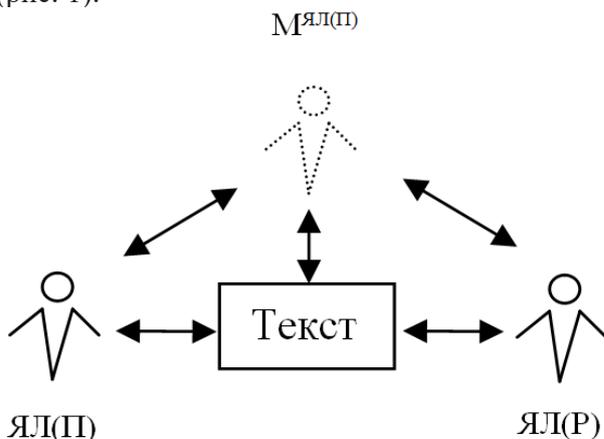

Рис. 1. Принцип работы с нозмами

Fig. 1. Principle of working with noemata

На приведенном изображении ЯЛ(П) – языковая личность продуцента текста, ЯЛ(Р) – языковая личность реципиента-исследователя, М^{ЯЛ(П)} – модель языковой личности продуцента, соотносимая с жившим когда-то «оригиналом» в рамках избранной нами установки. Эта схема объясняет и первое аксиоматическое положение: ситуация моделирования может поддер-

живать нозматические группировки как динамические образования.

3. Поскольку «понимание и говорение только разные действия одной и той же языковой способности» [24, с. 333], реконструируемые нами нозматические группы лишь *намек* на *таковые* у языковой личности Епифания.

Данные аксиоматические положения обусловили следующий порядок исследовательских процедур. На первом этапе подвергается редукции все слово вплоть до первого корня, формируя систему предпочтений личности по выделенному элементу. После этого осуществляются группировки по количественному критерию, образуя последовательность от «большого» лексического корпуса к «меньшему». Далее описываются первые пять доминантных лексических корпусов по количеству употреблений. После этого анализируются периферийные группы слов (от меньшей к большей), образуя, метафорически выражаясь, встречное движение выделенных элементов друг к другу. Происходит фиксация в табличном представлении осуществленных операций.

На втором этапе обратная процедура – редуцируется весь состав слов, оставляется второй корень. В этой установке смысловые потенции схвачены в моменте подвижности, неопределенности, как сущности, присутствующие в сознании языковой личности, но «размытые» в конечном результате письма. Далее объединяются вторые корни в редуцированном состоянии под соответствующие рубрики, причем эта деятельность проводится и для доминантных, и для периферийных лексических корпусов.

Оговоримся, что выделенных объемов статьи оказалось недостаточно для приведения всего перечня словоупотреблений. По этой причине детальный анализ с привлечением контекстов проводится только для конкретной группы примеров с первым элементом Пуст-.

Результаты

Итогом описанного выше распределения на первом этапе исследования является следующая конфигурация сложных слов по первому корню (табл. 1).

Таблица 1

**КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ ПЯТИ
ДОМИНИРУЮЩИХ ГРУПП СЛОЖНЫХ СЛОВ
ПО ПЕРВОМУ КОРНЮ (ПО УБЫВАНИЮ)**

**NUMBER OF USES OF FIVE DOMINANT
GROUPS OF COMPOUND WORDS
BY THE FIRST ROOT (IN DESCENDING ORDER)**

Первый корень				
Бог-	Благ-	Рук-	Зло-/Пол-	Пуст-
113	52	17	9	8

Приведенные результаты требуют комментария. Как нам известно, это – итог редукции, но каждая группировка по первому корню (верхняя строка в таблице) выявлена из разнообразия сочетаний со вторыми корнями. Для Бог-, например, бог+род – б(огороди)цы; бог+люб – б(о)голюбиваго; бог+зна(м) – б(о)гознамений; бог+мудр – б(о)гомудренин; Бог+нос – б(о)гоносных. В свою очередь Благ- встречается в следующих сочетаниях: благ+слов – бл(а)г(о)с(ло)ви; благ+да(ти) – бл(а)годат(ь); благ+дар – бл(а)годаря, благ+чест – бл(а)гочестивой; благ+вест – бл(а)говѣстити, благ+твор – бл(а)госотворенное. Последнее слово из перечисленных отсутствует в «Словаре русского языка XI–XVII вв.», который, однако, фиксирует только глагол «благосотворити» со значением ‘сотворить’¹. В контексте «Жития» Епифания – «Не имѣю во прѣтворѣннѣ мною ничто, но сїи ма рѣ прѣчтыа вѣцы, и сїго аг҃ла хранителя» – значение у прилагательного можно определить как ‘сотворенное не во вред и без нарушения религиозных предписаний’. Отметим, что в трудах А.Ф. Лосева обращение к словарю рассматривается как фиксация ноэтического компонента смысловой структуры слова. Насколько эта точка зрения близка координатам Г.И. Богина – вопрос дискуссионный.

Третья колонка представлена не столь значительным разнообразием сочетаний (рук+дел – рукодѣлие; рук+твор – нерукотворенному.

По 9 употреблений (четвертый столбец в таблице) набрали сразу две группы, одна из них с первым корнем зло- (зло+де(й) – злодѣевъ; зло+чест – злочестивымъ), другая – пол- (пол+но(ч/щ) – полунощи, пол+голов – полуголова; пол+верст: полверсты, пол+саж(ень) – полсажени, пол+сут(ки) – полсуток). Количественное равенство двух этих лексических массивов вынудило объединить их в одну колонку при представлении результатов.

Таким образом, последняя из числа доминирующих группа по первому корню – пуст- – включает всего одно сочетание, давшее и атрибут (Пустоозерскаго), и субстантив (Пустоозерье). В случае, если бы это был простой повтор одного и того же слова, мы бы не выделили этот массив как самостоятельный.

Результаты обратного (от меньшей лексической группы к большей) распределения также представим в виде таблицы ниже (табл. 2).

Таблица 2

**КОЛИЧЕСТВО УПОТРЕБЛЕНИЙ ПЯТИ
НАИМЕНЕЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ГРУПП
СЛОЖНЫХ СЛОВ ПО ПЕРВОМУ КОРНЮ
(ПО ВОЗРАСТАНИЮ)**

**NUMBER OF USES OF FIVE LEAST DOMINANT
GROUPS OF COMPOUND WORDS BY
THE FIRST ROOT (IN ASCENDING ORDER)**

Первый корень				
Добр-/Три-	Пред-/Преж-	Все-	Мног-/Жив-	Пуст-
2	3	4	5	8

Предпринятый нами шаг позволил получить крайне неординарную картину, требующую конкретизировать полученные итоги подсчетов. В первой колонке таблицы сразу две группы набрали одинаковое количество употреблений. Одна из них с первым элементом Добр- (добр+глас – доброгласныи; добр+ де(тель) – добродѣтелими, другая – с Три- (три + десять – тридесяти; три + крат – трикратное). Вторая колонка представле-

¹Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М., 1975. 371 с.

на комплексом слов с корнем пред/преж- (Пред-/Преж- + тек/ч – предотече; Пред-/Преж- + рек/ч – прежеченный, следующая – с первым элементом Все- – четырьмя сочетаниями (все + держ – вседержителю; все + мил – всем(и)л(о)ст(и)вому; все + хвал – всехвалных; все + чест – всечестное). Четвертый столбец также, как и первый, включает две группы с первым корнем Жив- (жив- + твор – животворящаго; жив + нос – живоносным) и мног- (мног + грех – многогрѣшный; мног + люд – многолюдень). Как утверждалось ранее, итог предпринятого шага позволил выявить некоторую парадоксальность «Жития» из «Пустозерского сборника» Н.И. Заволоко. Последним комплексом слов в очерченных нами границах оказывается тот, что замыкал пять наиболее доминантных групп (рис. 2).

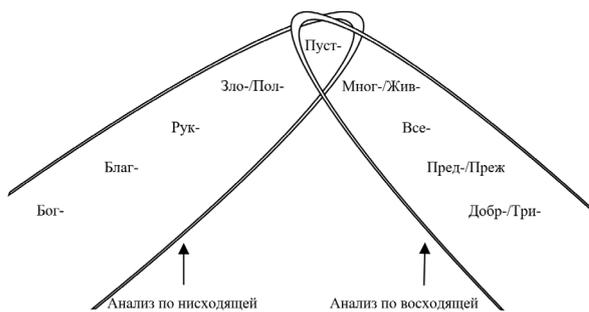

Рис. 2. Центральный компонент системы сложных слов в «Житии» Епифания

Fig. 2. Central component of the system of compound words in the *Life* of Epiphanius

Рубрикация вторых элементов сложных слов в редуцированном состоянии проводилась и для количественно ведущих, и для периферийных лексических совокупностей. Фиксация этой процедуры предлагается нами в виде записи «(сочетания вторых корней) – *[Имя-обобщение реконструируемой нозматической комбинации]». Первая группировка выглядит следующим образом:

- (-держ-) – *[Власть];
- (-ноч-, -сут-) – *[Время];
- (-чин-, -голов-) – *[Иерархия];
- (-десят-, -крат-) – *[Исчисление];
- (-люд-, -род-) – *[Совокупность];
- (-верст-, -саж(ень), -озер-) – *[Место];
- (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово];
- (-да-, -нос-, -дар-, -тек-) – *[Движение I];
- (-твор-, -де(л)-, -де(й)-) – *[Воздействие/Движение II].

Оформление записи (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово] потребовало обращения к этимологическим словарям. Ряд реконструкций² сводится к признанию «слова» как стабильной сущности, внешне данной. Параллели до праславянского периода сопрягаются с услышанной или высказанной оценкой. Из 27 бытовавших в древнерусский период значений лексемы к XVII столетию сохранились ‘то, что сказано, слово; речь’, ‘красноречие’ как дар слова, ‘предвечный образ Божий’, ‘ответ; отчет’, ‘надпись’, ‘сочинение, литературное произведение’, ‘приказ’, ‘договор’, ‘обещание’, ‘обвинение’, ‘наборный шрифт литеры’. При этом все три элемента в редукции (-глас-, -слов-, -хвал-) ассоциируются со «словом», даром речи и языка.

Также поясним в рубрикации запись (-твор-, -де(л)-, -де(й)-) – *[Воздействие/Движение II]. С одной стороны, схваченная в неопределенности, данная комбинация в конечной реализации предполагает не стихийное, а личностное воздействие/участие (рукодѣлие; нерукотворенному (с отрицанием «человеческого участия»); добродѣтелями, злодѣевъ). С другой – комбинацию можно интерпретировать как переход из одной онтологии в другую. В теологической традиции русской православной церкви утверждается о днях *творения*, создании мира из ничего. *Деяние* представляет собой совершение чего-то, что ранее отсутствовало. *Дар* приносят как уже нечто существующее, движимое от одного владельца к другому. Вероятнее все-

²Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1914–1916. С. 328–330; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1987. С. 673.

го, в последующих работах предстоит детализировать этот комплекс.

Следующая рубрика содержит всего одну запись: (-мудр-, -зна(м)-, -вест-) – *[Мыслительное содержание]; третья (она же последняя) содержит пересечение: ((зло)-чест-, -грех-) – *[Зло], (-чест-, -мил-) – *[Благо]. Обращение к этимологическим словарям частично объясняет полученный результат. «Честь» – *čьсть: ст.-слав. чьсть <...> Родственно др.-инд. citti- ж.р. ‘мышление, понимание, намерение’, авест. čisti- ‘мышление, понимание’³. Вероятно, слово изначально было близко ко второй рубрике нозматических комбинаций, однако в праславянский период и вплоть до XVII века – подчеркнута оценочно. Причем с первым элементом зло-однокоренные слова встречаются с XI века⁴, а потому «двоение» (бл(а)гочестивой, злочестивымъ) – -чест- не окказионализм, а прецедент.

Каждая из трех полученных нами рубрик представляет собой осмысление определенного аспекта действительности. Первая группировка затрагивает внешний мир человека и фиксирует изменения в нем. Вторая рубрика о человеке, его «душе» и «намерениях», третья – о нем же, но с позиций аксиологического эталона, установленного в общности людей. Примечательно, что полученное через филологическую герменевтику распределение коррелирует с классическими триадами реалистического мировоззрения (условие–причина–цель, тело–душа–дух [14]) и, частично, с положением К. Маркса и В.И. Ленина о взаимном соответствии гносеологии, онтологии и логики [17], хотя и с оговорками.

«Перенесем» содержание трех полученных рубрик на контексты употребления сложных слов с первым элементом Пуст-. Особое «количественное» положение указанных композитов, возможно, лишь формальный показатель корреляции этих единиц со всей сетью опредмеченных в лексике нозматических комбинаций.

«Ѣгда^{°[Время]} на^{°[Совокупность]} нобыа^{°[Время]} мучители
никониана^{°[Зло]} възали, и те^{°[Место]} ницѣ, и за стѣ върѣ
хѣу превѣ^{°[Место]} народо^{°[Совокупность]} пѣстозерскимъ^{°[Место]}
отѣккоша на^{°[Совокупность]} рѣки, и отѣзаша ѣзыки». В представленном фрагменте – содержательно – упомянут эпизод второй казни над иноком Епифанием, диаконом Федором Ивановым и попом Лазарем. Гипотетические нозматические структуры, полученные нами в ходе операций с композитами, переоформируются на уровне текста, причем затрагивая все ярусы грамматической системы. Наречие со значением времени Ѣгда, выполняющее синтаксическую роль обстоятельственного детерминанта, не определяет еще темпоральную локализованность высказывания. Нозматическая комбинация *[Время] вступает в корреляцию и с лексическим значением (нобыа как недавно появившиеся по времени), и с формами прошедшего времени възали, отѣккоша, отѣзаша. Причем водораздел в употреблении (могло быть *взяли, *отсекли, *отрезали) для языковой личности проходит между тюремным бытом (възали, и те^{°[Место]} ницѣ) и значимым моментом в личностном бытии (отѣккоша на^{°[Совокупность]} рѣки, и отѣзаша ѣзыки).

Композиционно прошлый отрывок предшествует рассказу о самом попадании в Пустозерск – «ѣ по трѣ^{°[Время]} ане^{°[Время]} повеzóша на^{°[Совокупность]} в заточѣнїе, в пѣтоозерье^{°[Место]} въ^{°[Совокупность]} четвѣры, възкѣпѣ^{°[Совокупность]}; ѣ в пѣтоозерье^{°[Место]} посадиша на^{°[Совокупность]} в темнища^{°[Место]} ... ѣ подрѣди^{°[Место]} всего народа^{°[Совокупность]} пѣтоозерскаго^{°[Место]}, постаѣвши на^{°[Совокупность]}», там же встречаем вновь упоминание страданий и казни в Пустозерске. Примечательно, что в данном фрагменте для языковой личности недостаточно указать на ее «не-единственность» в сложившихся обстоятельствах. Причем вскрывается некоторая асимметрия, вызванная сопряжением нескольких нозматических комбинаций. В частно-

³Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 4 / под ред. О.Н. Трубачева. М., 1977. С. 175–176.

⁴Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М., 1979. С. 35–36.

сти, грамматические категории множественного числа в формах аориста (повезо́ша, погладѣ́ша, поста́виша) и местоимений (на), лексическая семантика (вѣѣ, възкꙋпѣ с синтаксическим обособлением, что влияет и на тонику высказывания; всего народа) коррелируют с *[Совокупность]. Однако весь инструментарий описания «неединственности» дробится включением нозматической комбинации *[Исчисление], намеком на которую оказывается лексика (по тре́х, четве́рых). Языковой личностью вносится уточнение: он – один из коллектива страдальцев, и потому не один; их (страдальцев) – немного, хотя они не одни.

Прерывает эту череду воспоминаний сон, в котором инок Епифаний получает по своим молитвам язык во сне. «Ѡ ви́жꙋ о лѣ́вꙋю страну́ менѣ́, на во́дꙋхѣ^{°[Место]} ле́жа^т двѣ^{°[Исчисление]} мо́и ѡ́зыка, мо́сковской, и пꙋ́стоозерской, ма́ло по́выше менѣ́;^{°[Место]} мо́сковской^{°[Место]} не са́мо краси́нѣ, но блѣ́днова^т, ѡ пꙋ́стоозерской^{°[Место]}, сѣ́лѣ краси́шенекъ^{°[Благо]}; ѡ́зже грѣ́шныи^{°[Зло]} прѣ́теръ^{°[Движение I]} рꙋ́кꙋ мо́ю, лѣ́вꙋю, Ѡ взѣ^{°[Движение I]} рꙋ́ко́ю мо́юю со во́дꙋха, пꙋ́стоозерско^{°[Место]} мо^ѡ краси́ной ѡ́зыкъ, ѡ положи́лъ^{°[Движение I]} е́го на правꙋю мо́ю рꙋ́кꙋ». Содержательно приведенный фрагмент является частью описания чуда, когда язык, приложенный к месту среза, прирос, а сам Епифаний наяву также чудесным образом стал говорить. Напомним, что при характеристике первой рубрики фигурировала запись: (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово]. В приведенном фрагменте данная нозматическая комбинация раскрывается иначе: язык как дар слова, способность говорить, и Епифанию предстоит совершить выбор. Координаты описания предельно антитетичны: онейрическое состояние – бодрствование; «точка наблюдения» – точка расположения объекта (о лѣ́вꙋю страну́ менѣ́, на во́дꙋхѣ, ма́ло по́выше менѣ́), блѣ́дный (мертвый?) – красный (живой?), Москва – Пустозерск, лево (рꙋ́кꙋ мо́ю, лѣ́вꙋю) – право (на правꙋю мо́ю рꙋ́кꙋ). Выбор Епифания, в высшей степени символический, опирается на нозматическую комбинацию *[Слово]. «Язык», положенный «на правꙋю мо́ю рꙋ́кꙋ», образует с нею

единство: правой рукой совершается крестное знамение у православных, которые страдают за свое исповедание веры и готовы словами отстаивать свою правоту.

Именно по этой причине повествование, которое должно было пойти дальше, через несколько листов совершает круг, и языковая личность снова вспоминает события, хронологически близкие к казни. «Ѡгда^{°[Время]} по́бли к на^{°[Совокупность]} никони́на нова́ мꙋчи́тели^{°[Зло]} с мо́квы в пꙋ́стоозе́рь^{°[Место]}, по́лꙋго́ловꙋ^{°[Иерархия]} ѡ́ва Ила́гнна, со стре́цѣми^{°[Совокупность]}». В приведенном фрагменте можно было бы усилить дробление на реализацию нозматических комбинаций, однако обратим внимание на иное. Особый статус сложных слов с первым элементом Пуст-подчеркивается не только количественно, но и композиционно, с помощью внедренной в линейное повествование кольцевой композиции.

Заключение

и дальнейшие перспективы исследования

Адаптация теоретико-методологических разработок Г.И. Богина в области нозмы (и анализа ее форм проявления) позволяет под другим углом взглянуть на традиционный материал исторической лексикографии – сложные слова. Композиты в координатах Тверской герменевтической группы становятся опредмеченной, зафиксированной частью динамической смысловой системы носителя языка определенной эпохи.

Как минимум, вторые корни сложных слов в установке феноменологической редукции могут быть распределены по трем рубрикам: о мире вокруг личности ((-ноч-, -сут-) – *[Время], (-люд-, -род-) – *[Совокупность], (-верст-, -саж(ень), -озер-) – *[Место], (-глас-, -слов-, -хвал-) – *[Слово]), о «душе» личности (-мудр-, -зна(м)-, -вест-) и о личности «со стороны» (-грех-, -чест-, -мил-). Фиксация переоформления связанных с ними нозматических комбинаций на уровне текста «Жития» Епифания позволяет интерпретировать лексико-грамматическое содержание не только определенных высказываний, но и элементов композиционного построения.

В частности, фрагменты с употреблением сложного слова с первым элементом пуст- образуют событийно-смысловое «кольцо» в пределах линейного повествования. Сами контексты с указанными композитами в высшей степени *личные*, ведь «Пустоозеро» – место страданий и награды, ожидания смерти и последующего воскресения, лишения языка и приобретения его в виде стиля.

Естественно, предложенная статья лишь первый шаг (даже не промежуточный результат) по адаптации теоретико-методологического наследия Г.И. Богина к лингвистическому материалу XVII века. Реконструкция языковой личности Епифания Соловецкого, его нозматических комбинаций на основе всех дошедших текстов и, возможно, выход на нозматику самого церковного раскола остаются в перспективах нашего исследования.

Список литературы

1. *Zahavi D.* Husserl's Legacy: Phenomenology, Metaphysics, and Transcendental Philosophy. Oxford: Oxford University Press, 2017. 236 p.
2. *Vagle D.M.* Crafting Phenomenological Research. N. Y.: Routledge, 2018. 290 p.
3. *Hermeneutics and Phenomenology: Figures and Themes* / ed. by S. Geniusas, P. Fairfield. London: Bloomsbury Publishing Plc, 2018. 224 p.
4. *Hopp W.* Phenomenology: A Contemporary Introduction. N. Y.: Routledge, 2020. 324 p.
5. *Шпет Г.Г.* Мысль и Слово. Избр. тр. М.: РОССПЭН, 2005. 688 с.
6. *Лосев А.Ф.* Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.
7. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: Введение в филологическую герменевтику. М.: Психология и Бизнес ОнЛайн, 2001. 731 с. URL: <https://bookree.org/reader?file=599468&pg=0> (дата обращения: 08.09.2022).
8. *Бредихин С.Н., Пелевина Н.А.* Лингвокогнитивные механизмы актуализации и концептуализации идиокомпонентов картины мира. Ставрополь: Параграф, 2021. 172 с.
9. *Карманова З.Я.* Принципы феноменологической лингвистики: моногр. Калуга: ИП Стрельцов И.А., 2022. 400 с.
10. *Молчанов В.И.* Время и сознание. Критика феноменологической философии. М.: Высш. шк., 1998. 144 с.
11. *Богин Г.И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь, 2009. 260 с.
12. *Богин Г.И.* Уровни языка и языковая личность // Соотношение синхронии и диахронии в языковой эволюции: тез. докл. Всесоюз. науч. конф. (Ужгород, 23–25 октября 1991 г.). М.; Ужгород: Державний вищий навчальний заклад «Ужгородський національний університет», 1991. С. 4.
13. *Новиков Л.А.* Избранные труды. Т. 1. Проблемы языкового значения. М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2001. 672 с.
14. *Колесов В.В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
15. *Шибкова О.С.* Когнитивно-нозматическая модель репрезентации категории «КАЧЕСТВО» // Вестн. Пятигорск. гос. ун-та. 2019. № 4. С. 86–90.
16. *Флоренский П.* У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Т. 1. М.: Акад. проект, 2017. 684 с.
17. *Мельников Г.П.* Системная типология языков: принципы, методы, модели. М.: Наука, 2003. 395 с.
18. *Майоров А.П.* Речевое портретирование региональной языковой личности XVIII века // Слово. Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций / ред.: Н.Г. Архипова, Е.А. Оглезнева. Благовещенск: АмГУ, 2021. № 17. С. 132–146.
19. *Волкова Н.А., Ганичева С.А., Загуменнов А.В., Ильина Е.Н., Мельникова Н.Г.* Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета: моногр. Вологда; Череповец: ЧГУ, 2017. 232 с.
20. *Ворон Е.В.* Дискурсивная цифровая личность как виртуальная копия языковой личности // Современ. пед. образование. 2021. № 5. С. 193–196.
21. *Иванцова Е.В.* Функционирование речевого жанра просьбы в дискурсе диалектной языковой личности // Вестн. Томск. гос. ун-та. Филология. 2022. № 79. С. 40–58. DOI: [10.17223/19986645/79/3](https://doi.org/10.17223/19986645/79/3)

22. Неклюдова Е.А. Гендерные особенности грамматикона языковой личности регионального политика (на материале устных выступлений политических деятелей Вологодской области) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 2. С. 96–106. DOI: [10.37482/2687-1505-V170](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V170)
23. Николаев С.Г., Карагодская Ю.С. Взаимодействие религиозно-церковного стиля со смежными сферами: онтология и экспрессология. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южн. федер. ун-та, 2022. 152 с.
24. Шпет Г.Г. Искусство как вид знания. Избр. тр. по философии культуры. М.: РОССПЭН, 2007. 710 с.

References

1. Zahavi D. *Husserl's Legacy: Phenomenology, Metaphysics, and Transcendental Philosophy*. Oxford, 2017. 236 p.
2. Vagle D.M. *Crafting Phenomenological Research*. New York, 2018. 290 p.
3. Geniusas S., Fairfield P (eds.). *Hermeneutics and Phenomenology: Figures and Themes*. London, 2018. 224 p.
4. Hopp W. *Phenomenology: A Contemporary Introduction*. New York, 2020. 324 p.
5. Shpet G.G. *Mysl' i Slovo* [Thought and Word]. Moscow, 2005. 688 p.
6. Losev A.F. *Bytie. Imya. Kosmos* [Being. Name. Cosmos]. Moscow, 1993. 958 p.
7. Bogin G.I. *Obretenie sposobnosti ponimat': Vvedenie v filologicheskuyu germenevtiku* [Gaining the Ability to Understand: Introduction to Hermeneutics]. Moscow, 2001. 731 p. Available at: <https://bookree.org/reader?file=599468&pg=0> (accessed: 8 September 2022).
8. Bredikhin S.N., Pelevina N.A. *Lingvokognitivnye mekhanizmy aktualizatsii i kontseptualizatsii idiomkomponentov kartiny mira* [Linguocognitive Mechanisms of Actualization and Conceptualization of Worldview Idiocomponents]. Stavropol, 2021. 172 p.
9. Karmanova Z.Ya. *Printsipy fenomenologicheskoy lingvistiki* [Principles of Phenomenological Linguistics]. Kaluga, 2022. 400 p.
10. Molchanov V.I. *Vremya i soznanie. Kritika fenomenologicheskoy filosofii* [Time and Consciousness. Critique of Phenomenological Philosophy]. Moscow, 1998. 144 p.
11. Bogin G.I. *Obretenie sposobnosti ponimat': raboty raznykh let* [Gaining the Ability to Understand: Works of Different Years]. Vol. 1. Tver, 2009. 260 p.
12. Bogin G.I. *Urovni yazyka i yazykovaya lichnost'* [Levels of Language and Linguistic Personality]. *Sootnoshenie sinkhronii i diakhronii v yazykovoy evolyutsii* [Correlation of Synchrony and Diachrony in Language Evolution]. Moscow, 1991, p. 4.
13. Novikov L.A. *Izbrannye trudy. T. 1. Problemy yazykovogo znacheniya* [Selected Works. Vol. 1. Issues of Linguistic Meaning]. Moscow, 2001. 672 p.
14. Kolesov V.V. *Osnovy kontseptologii* [Fundamentals of Conceptology]. St. Petersburg, 2019. 776 p.
15. Shibkova O.S. *Kognitivno-noematicheskaya model' reprezentatsii kategorii "KACHESTVO"* [A Cognitive-Noematic Model of Representation of the Category of Quality]. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, no. 4, pp. 86–90.
16. Florensky P. *U vodorazdelov mysli (Cherty konkretnoy metafiziki)* [At the Dividing Line of Thought (Features of Concrete Metaphysics)]. Vol. 1. Moscow, 2017. 684 p.
17. Mel'nikov G.P. *Sistemnaya tipologiya yazykov: printsipy, metody, modeli* [System Typology of Languages: Principles, Methods, Models]. Moscow, 2003. 395 p.
18. Mayorov A.P. *Rechevoe portretirovanie regional'noy yazykovoy lichnosti XVIII veka* [Speech Portraiture of the Regional Linguistic Personality of the 18th Century]. Arkhipova N.G., Oglezneva E.A. (eds.). *Slovo. Fol'klornodialektologicheskii al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word. Folklore-Dialectological Almanac. Materials of Scientific Expeditions]. Blagoveshchensk, 2021. Iss. 17, pp. 132–146.
19. Volkova N.A., Ganicheva S.A., Zagumenov A.V., Il'ina E.N., Mel'nikova N.G. *Narodnaya rech' Vologodskogo kraja: opyt muzhskogo rechevogo portreta* [Folk Speech of the Vologda Region: The Male Speech Portrait]. Vologda 2017. 232 p.
20. Voron E.V. *Diskursivnaya tsifrovaya lichnost' kak virtual'naya kopiya yazykovoy lichnosti* [Discursive Digital Personality as a Virtual Copy of a Linguistic Personality]. *Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie*, 2021, no. 5, pp. 193–196.

21. Ivantsova E.V. Functioning of the Speech Genre of Request in the Discourse of the Dialect Language Personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2022, no. 79, pp. 40–58 (in Russ.). DOI: [10.17223/19986645/79/3](https://doi.org/10.17223/19986645/79/3)

22. Neklyudova E.A. Gender Specifics of the Grammatical Component of the Linguistic Personality of the Local Politician (Based on the Speeches of Vologda Region Politicians). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 2, pp. 96–106. DOI: [10.37482/2687-1505-V170](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V170)

23. Nikolaev S.G., Karagodskaya Yu.S. *Vzaimodeystvie religiozno-tserkovnogo stilya so smezhnymi sferami: ontologiya i ekspressologiya* [Interaction of the Religious and Ecclesiastical Style with Related Spheres: Ontology and Expressology]. Rostov-on-Don, 2022. 152 p.

24. Shpet G.G. *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a Type of Knowledge. Selected Works on the Philosophy of Culture]. Moscow, 2007. 710 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V281

Aleksandr V. Zagumennov

Vologda Theological Seminary;
ul. Monastyrskaya 2, Vologda, 160901, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2440-3918> e-mail: zaw1991@mail.ru

ON THE FORMATION OF NOEM COMBINATIONS BY MEANS OF COMPOUND WORDS: LINGUOPERSONOLOGICAL ASPECT

This article is an application of the ideas and propositions developed by G.I. Bogin (head of the Tver hermeneutic school and founder of the theory of linguistic personality) to historical linguistic material. The key concept in the study – the noema – is defined as a minimal unit of meaning, which is rarely found in its pure form, but rather in combinations with other minimal units of meaning. In the *Life* of Epiphanius of Solovki, which is presented in the *Pustozersk Collection* compiled by I.N. Zavoloko, 261 uses of compound words were detected by means of continuous sampling. Using comparison, analogy, phenomenological reduction and contextual analysis, the author obtained two sequences by the first roots. One of the sequences forms the movement from a quantitatively larger corpus of compound words to a quantitatively smaller one (*Бог-, Благ-, Рук-, Зло-/Пол-, Пуст-*), while the second, on the contrary, from the smaller to the larger one (*Добр-/Три-, Пред-/Преж-, Все-, Мног-/Жив-, Пуст-*). As a result of the steps taken, the author determined that words with the first element *Пуст-*, firstly, serve as the central component in the entire lexical corpus, and, secondly, are directly related to the linguistic personality of Epiphanius of Solovki. Further, the phenomenologically reduced second roots were grouped under three headings. After this step, the resulting semantic sets were extrapolated to contexts where compound words with the first element *Пуст-* are used. It was established that it is these compounds that are one of the semantic axes of the narrative about the torments experienced by Epiphanius during the exile.

Keywords: *compound word, noema, linguistic personality, phenomenology, hermeneutics, Epiphanius of Solovki.*

Поступила 23.02.2023
Принята 11.08.2023
Опубликована 22.09.2023

Received 23 February 2023
Accepted 11 August 2023
Published 22 September 2023

For citation: Zagumennov A.V. On the Formation of Noem Combinations by Means of Compound Words: Linguopersonological Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 53–63. DOI: 10.37482/2687-1505-V281

УДК 81'276.1

DOI: 10.37482/2687-1505-V284

Ю Елена Дюнеровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков № 1 Иркутского национального исследовательского технического университета. Автор более 50 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7739-5627>

РЕФЛЕКСИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИХ СОЦИОЛЕКТОВ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КУЛЬТУРНО-ОБЩНОГО ЯЗЫКОВОГО АРЕАЛА

Статья посвящена обзору наиболее распространенных латиноамериканских социолектов (аргентинского *лунфардо*, колумбийского *парлаче* и коста-риканского *пачуко-малеспин*), а также сравнительному анализу отражения социальных реалий на их основе. В настоящее время обогащается сформированная методологическая база социолектологии. Возникновение, функционирование и влияние социолектов как факторов развития общества – это не только показатели эволюции этнокультур, но и признаки социальных движений, находящие свои лингвокультурологические и словарные фиксации, что требует обращения к теории номинативных актов. Вариативность в способах словообразования отмечена в таких приемах, как силлабическая инверсия, усечение и удлинение основы, словосложение, удвоение слов, ресемантизация. Рассмотрены процессы социолектного диалогического взаимодействия в тематических лексиконах *лунфардо*, *парлаче* и *малеспина*. Закономерности таксона, узуса и распространения упомянутых социолектов подчеркивают приобретенную ими социальную маркированность появлением многочисленных неологизмов: от универсалий до обслуживания различных сфер человеческой деятельности. Практико-целевое видение зарождения и прогрессирования социолектов подтвердило их использование в качестве языковой игры, тайного языка как стратегического инструмента в военное время, конспиративного языка как знака принадлежности к определенной замкнутой группе и т. д. Функциональность социолектов обусловила работу над созданием, пополнением и обновлением специфических словарей. Еще один пример культурной общности *лунфардо*, *парлаче* и *малеспина* – это *кумбия* – один из популярных жанров народной музыки в Латинской Америке, зародившийся в Колумбии, но получивший признание на всем континенте. Несколько его разновидностей отражают идентичность социальных сред, для которых отдельные жанры *кумбии* являются характерными. Анализируемый материал выступает многогранной палитрой для дальнейших междисциплинарных исследований, актуальность которых очевидна в современных условиях и тенденциях развития международных отношений.

Ключевые слова: *социальная реальность, социализация, социолект, латиноамериканский ареал, лингвовариативность, словообразование.*

*Адрес: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 83; e-mail: elyu@yandex.ru

Для цитирования: Ю Е.Д. Рефлексия латиноамериканских социолектов в репрезентации культурно-общного языкового ареала // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 64–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V284

В русле теоретической проблемы социальной роли языка в современном геополитическом пространстве возникает вопрос о многочисленных аспектах анализа номинативных актов, отслеживаемых как в диалогическом узусе, так и в словарных фиксациях. Одним из актуальных предметов рассмотрения выступают способы конструирования смыслов общего интереса, к числу которых относится социальная реальность разнообразных миграций и контактов представителей большинства латиноамериканских стран.

В данной статье внимание обращено на их коммуникативную поляризованность, основанную не на исторической языковой общности – испанском языке (традиционном кастильском), а на лингвовариативности, порожденной социолектами как параметрами обозначения смыслов социального характера в их вероятностном событийном потенциале воздействия и взаимодействия в обществе.

Цель статьи – представить обзор социолектных структур, отраженных в современных испаноязычных словарях, что позволит расширить представление о диалогической интеракции и оценочных номинациях, идентифицирующих как резидентов в латиноамериканском ареале, так и мигрантов, преимущественно занятых в социальных сферах, которые, скорее всего, являются общественно неформальными.

Методологическую основу исследования составляют приемы вариационной социолингвистики; лексические корреляции социолектов, идиолектов, геолектов, которые структурно и функционально, подобно таксону и узусу, «раслаиваются» на несколько типов со своими «говороносителями» и сферами использования; принципы социолектологии – интегральный подход в изучении социолектов разных регистров, включающий экспланаторность, экспансионизм, функционализм [1]. На основе опыта отечественных и зарубежных ученых (В.Д. Бондалетов, Т.И. Ерофеева, В.М. Мокиенко, А.М. Синицына, Е.В. Харченко, Е.Н. Partridge и др.) в этой молодой науке наблюдается смена научной парадигмы лингвистического знания, обусловленной ан-

тропоцентризмом. Таким образом, релевантные ему номинативно-прагматическая и/или когнитивно-дискурсивная практики в значительной степени способствуют интенсивному развитию социолектологии, которая расширяет привлекаемый для изучения материал, мало используемый по причине его некодифицированности, но, как следствие, способный «расшатывать языковые нормы» [2].

Концепт предметной области социолектологии – *социолект* – появился в XX веке и представляет собой стяжение слов *социальный* + *диалект*. Сделав обзор работ разных исследователей (упомянутых и тех, чьи труды представлены далее) в отношении данного концепта, обозначим следующие подходы:

1) социолект – языковые особенности, присущие определенной социальной группе: возрастной; профессиональной; классовой и т. п.;

2) социолект – речевые примеры в виде отдельных вербальных знаков, комбинаций слов, синтаксических структур, которые отличаются от характерной системности государственного языка;

3) социолект – особая лексика, используемая конкретной социальной группой или прослойкой социума.

В исследованиях социолектов анализируется закономерный результат номинативного акта. Три гипотетических вопроса отражают процесс номинации. Для социолекта как целостной системы их можно перефразировать следующим образом: *как* – основные типы номинации (способы словообразования – внутрилингвистическая суть), *что* – концептуальная структура социолекта (когнитивная сущность) и *зачем* – система функций (номинации) социолекта, отраженная в ситуациях употребления и в коммуникативной специфике социолекта [3].

Способы образования социолектизмов, упоминаемые в научной литературе, подразделяются на несколько групп. Опустим традиционные морфологические и приведем некоторые специфические: особая мотивировка слов; сдвиги в значении слов; семантическое переосмысление лексики родного языка; метафора и

метонимия; искажение слов; звуковые изменения исходного слова; фонетические жаргонизмы; субституция; метатеза; анаграмма; фразеологизмы; иноязычные заимствования.

В силу решения иных задач малоразработанным остается вопрос о функциональности социолекта. Так, по мнению В.Д. Бондалетова, лингвистическая характеристика социолекта начинается с определения его общественной функции. Довольно своеобразно в данном контексте преломляется коммуникативная функция. Прежде всего, любой социолект является вторичной языковой системой для его носителя, следовательно, роль социолекта как коммуникативного средства «приглушается», отступая на второй план. С другой стороны, коммуникативная функция выступает в виде противоположности: социолект обеспечивает коммуникацию только членов *своей* социальной группы, не допуская до нее *чужих*. Эта криптолалическая функция «тайности» является главной [4].

Отсюда, если коммуникативная функция противопоставляется криптолалической, то антитезой номинативной функции выступает эвфемистическая. В данном контексте примечательно высказывание Эрика Партриджа про сленг, что также соотносится со многими социолектизмами: «...одна из причин использования сленга смягчить трагическое, облегчить или приукрасить неотвратимость смерти/безумия, замаскировать отвратительную и глубоко уязвляющую человеческую низость» [5, с. 25].

Прежде всего, социолект есть отражение «духа» определенной социальной группы, он выражает отношение его носителей к действительности. Следовательно, рассматривается еще одна функция – экспрессивная. Ее также называют мировоззренческой. Исследователи утверждают, что изначально эмоционально-экспрессивная функция присутствует не во всех социолектах, но с их развитием начинает выделяться и преобладать. Тяга к экспрессии характерна для носителей многих социолектов, отсюда их желание заменить *старые* слова (известные социолектизмы) новыми, а также

тенденция к игре слов. Еще одна знаковая, ярко проявляющаяся функция – символическая. Как было упомянуто выше, в функционале социолектов отражены: 1) принадлежность к *своим* и 2) противопоставление *чужим*. В первом случае можно говорить об интеграции носителей социолектов, во втором – об их разобщенности.

В последние десятилетия языковое общество Латинской Америки испытало влияние нового социолингвистического фактора, который связан с массовыми миграциями и наплывом переселенцев в крупные города испаноязычных стран. К этому потоку примыкают приезжие из Северо-Западной Африки. Одновременно продолжается обычное движение выходцев из провинций. Иммигранты, как правило, вынуждены приспосабливаться к существующей ситуации, вследствие чего образуются этнические меньшинства. С другой стороны, существуют определенные области интеграции: кварталы на окраинах городов; национальное образование; формы артистического художественного проявления. Так происходит постепенное стирание культурных различий. После запретов колониального периода в Латинской Америке поощряли иммиграцию и приезд иностранцев, особенно из Европы, где культивировался богатый экзистенциальный опыт и активно развивались технологии. Эти «пришельцы» стали основной частью политики заселения Латинской Америки, обусловленной представлением о том, что обилие граждан символизирует величие страны.

Однако мигранты занимают не лучшие позиции в социуме, т. е. трудятся в сфере обслуживания, встречая множество препятствий для легального трудоустройства на высокооплачиваемые позиции. Коммуникационные ситуации их языкового взаимодействия с горожанами крайне ограничены. Зачастую переселенцы оказываются практически исключенными из кругов, относящихся к среднему классу, хотя абсолютная бесконтактность в одном ареале невозможна, ведь «с контакта начинается и совершается любое общение» [6]. Вскоре в мегаполисах Латинской Америки изменяется

этнолингвистический состав населения: низшие социальные слои формируются за счет негров и метисов, носителей вариантов и социолектов испанского языка.

Далее обратимся к некоторым аспектам и особенностям активно развивающихся латиноамериканских социолектов, нашедших отражение в лексикографических фиксациях. Известно, что производство печатных словарей требует длительной подготовки. На современном этапе наглядными примерами выступают электронные словари, вследствие доступности, возможности быстрого распространения и обновления.

Прежде всего, обратимся к словарю жаргона и регионализмов, объединяющему репрезентации локализмов практически всех латиноамериканских стран¹. Примечательно то, что в нем даны словарные статьи, отражающие общекультурную тематику, породившую социолектные варианты. Достаточно часто встречаются повторы, сходства и совпадения в лексиконе, когда выбираешь ту или иную страну. Имеется опция для добавления слов и выражений, что подчеркивает тенденцию к сотрудничеству в реализации массовой языковой политики. В то же время нет конкретных именовании для социолектов. Поэтому остановимся на тех из них, которые имеют номинативные обозначения.

В целом наблюдается возникновение диалектных моделей, требующих больших статистических расчетов. К ним можно отнести диалекты малоизученных, но существующих народов, как, например, диалект *quichua* американских аборигенов кечуа в большинстве латиноамериканских стран [7]. Из этой массы выделяются национальные социолекты, имеющие свои отличительные особенности. Рассмотрим детальнее аргентинский лунфардо, колумбийский парлаче, коста-риканский «тайный» малеспин.

Примерно на рубеже XIX–XX веков вследствие массовой иммиграции в Аргентине сформировался *лунфардо* – изначально городской

жаргон, в основе которого заложена танцевальная культура, преимущественно танго.

Культура Аргентины подвергалась влиянию европейских обычаев и нравов. В этом процессе важную роль сыграли испанцы, итальянцы, французы, объяснимую следующими причинами: 1) большой долей иммигрантов; 2) их языки характеризовались общностью языкового происхождения от латинского, что явилось катализатором смешения ценностей, способствующего преодолению культурных предрассудков и барьеров.

В социально-культурном разрезе процесс сравним с *амальгамой* – культурными взаимоотношениями на уровне этнического слияния, согласно E.E. Rawson [8]. С 1870 по 1930 год процесс изучения языка и культурных контрастов, вызванных иммиграцией, был особо отмечен в аргентинской литературе, народной музыке (танго), средствах массовой информации (радиопостановки), общении (анекдоты), кино. *Лунфардо* стали называть жаргон преступников и язык, на котором говорили окраины. В кварталах Буэнос-Айреса взаимодействовали разные субэтнические группы, их контакты и деятельность не всегда были легальными. Отсюда выработывалась форма общения, скрывавшая или не оглашающая намерения коммуникантов.

Сначала в низшие слои общества проникли итальянизмы, обогатив тем самым словарь лунфардо. Итальянский язык, который, как и испанский, имеет региональные диалекты, стал основой сатирических представлений. Серьезные диалоги иммигрантов приобретали комический характер из-за самого их языка, который, будучи несовершенным по форме, не мог передать серьезное содержание. Высмеивая своего собеседника-иммигранта, аргентинец заимствовал слова из другого языка. Итак, структура лунфардо основана на замещении в исходном языке испанских существительных, глаголов и прилагательных словами, изменившими свое значение, производными от

¹El Diccionario Latinoamericano, para poder entendernos: Jergas y Regionalismos. URL: <https://www.asihablamos.com/word/pais/NI/> (дата обращения: 19.06.2022).

итальянского языка, из его диалектов, в меньшей степени из других европейских языков, из местных наречий, адаптированных к испанскому языку. Дополнительным элементом социолекта является произнесение слова с перестановкой слогов: *tango* – *gotta*, *bacán* (богатый человек, а также предмет роскоши, нечто высокого качества) – *camba* (от глагола *менять* – *cambiar*, *меняет* – *cambia*, *camba*), *viejo* – *jovie* (*старый* – *веселье*), *cabeza* (*голова*) – *zabeca* и т. д. Так называемый прием *vesre* (от *revés*), что в переводе с испанского – *изнанка*, *обратная сторона* [3].

Очевидно, что в подобном наречии не может быть четких правил, и оно развивается довольно динамично. Будучи представителями бедных, низших, нищих слоев, носители лунфардо использовали лексику с резко отрицательными коннотациями. В словарях данного социолекта присутствуют синонимичные ряды одного и того же понятия²:

невежество:

1) грубый, упрямый, невежественный, неграмотный, неуклюжий, наивный – *adoquín*, *analfa*, *boleado*, *chorlito*, *crudo*, *cuadrado*, *fanega*, *fesa*, *merlo*, *topio*, *otario*, *pelotudo* (недалекий), *salame*, *turro* (бездарный, неспособный);

2) глупость, тупость – *chabonada*, *taradez* и другие;

3) тупица, придурок, дурак – *asoleado*, *chambón*, *belinún*, *boludo*, *bogólico*, *chabón*, *chauchón*, *chapeta*, *codeguín*, *durañona*, *roilán*, *guiso*, *manú*, *magallanes*, *melonazo*, *merlín*, *queso*, *salamín*, *zanagoria* или *zanahoria*;

алкоголь и пьянство:

1) напитки – *alpiste*, *beberaje*, *bebestible*, *chupamedias*, *chupe*, *drogui*, *escabio*, *tintacho*, *tintiyo*, *vinacho*, *vinagriyo*, *viniyo*;

2) попойка – *alpistería*, *tamadero* и *chupería* (бар), *chuca*, *chupandina*, *chupar*, *concurdaneio* (собутельник), *curda*, *esbornia*, *tamúa*, *tranca*;

3) пьянеть – *achumarse*, *adobarse*, *apedarse*, *empedarse*, *escabiar*, *macharse*;

4) пьяный – *adobado*, *achumado*, *alpistero*, *apedado*, *chupadín*, *chupín*, *curado*, *curdelún*, *droguista*, *húmedo*, *tamado*, *manuacaña*, *manuín*, *viniso*;

криминал:

1) преступники и преступления – *amasijo*, *achacador*, *astiya*, *batuque*, *biaba*, *bronca*, *bufonazo*, *bagayero*, *biabazo*, *biandún*, *marronazo*, *bule*, *chumbazo*, *cuete*, *escrachar*, *fajar*, *fandango*, *malandra*, *marusa*, *rosca*, *shacador*;

2) кража, грабёж – *achaco*, *afano*, *aliviar*, *atracar*, *cachar*, *calote*, *choreo*, *desgrilar*, *fanado*, *garfiña*, *rafiñar*, *shacar*, *solfeo*, *soliviar*;

3) обман и мошенничество – *brodo*, *cajetear*, *cambiazio*, *curro*, *degoyar*, *empacar*, *engañapichanga*, *fumista*, *garca*, *laburo*, *tragada*;

4) убийства – *achurar*, *afiambrar*, *afiambrado*, *hacer la boleta*, *cocinado*, *cocinar*, *enfriar*, *masacrar*, *masacre*;

5) тюрьма – *amurar*, *amuro*, *gayola*, *alcancia*, *canasta*, *capucha*, *tipa*, *cufa*, *cafúa*, *canusa*, *capacha*, *engayolar*.

Аналогичная ситуация отражена в появлении множества слов и выражений на темы *флирт*, *проституция*, *деньги* и пр. Устная речь, а именно молодежный, армейский и прочие социолекты, в силу постоянного взаимодействия представителей различных слоев общества с уголовно-исполнительной системой, как отмечает Н.Х. Хаджаева, попадает под очевидное влияние аргоса. Следовательно, наблюдается пласт социолектов, в которые входят сленг и жаргон, возникшие как следствие смягчения цензуры и внедрения в литературную речь слов преступного мира [9]. Кроме того, языковеды не раз отмечали тот факт, что формирование социолектов представляет собой своеобразный ответ общества на социальные переломы, смену установок и экономических условий существования.

Относительно малоизученным социолингвистическим феноменом выступает *парлаче* – язык низших слоев колумбийского общества. Отмечено, что формирование *парлаче* связано

²Diccionario Básico de Lunfardo. URL: <http://odnap11yazyk.narod.ru/2lunfardo1.htm> (дата обращения: 07.05.2022).

с южноамериканским экономическим кризисом, произошедшим в 80-е годы прошлого столетия, когда второй по величине колумбийский город Медельин приобрел славу столицы мирового наркобизнеса. Арго-лексика постепенно утрачивает узкоспециальный характер, «окрашивается» эмоционально, хотя и характеризуется образным словоупотреблением в речи городских масс [10]. Спустя десятилетие парлаче используется в текстах средств массовой информации и рекламы, появляются фильмы и книги о жизни молодежи бедных районов – основных носителей социолекта. Некоторые политики прибегают к парлаче для придания своей речи большей выразительности. В то же время лингвисты начинают сбор материала и работу над словарем парлаче. Первый вариант подобного лексикографического труда, насчитывающий 1500 лексем, вышел в 2001 году. Одновременно с этим Royal Spanish Academy фиксирует термин *parlache*³. Тем не менее для некоторых слоев населения парлаче остается ограниченным в использовании, он продолжает функционировать как тайный язык и вводит в замешательство не только иностранцев, но и выходцев из других районов Колумбии.

В процессах формирования обращает на себя внимание сходство парлаче и лунфардо. Один из наиболее ярких способов словообразования в обоих социолектах – силлабическая инверсия – перестановка или реорганизация слогов слова: *grone (negro)*, *misaca (camisa)*, *lleca (calle)*.

Однако специфика *parlache* состоит в феноменальной скорости и масштабах его распространения, что спровоцировало работу по созданию словаря молодежного жаргона Медельина, для нее были привлечены разные информанты и сторонники, а результатом совместных усилий стал словарь парлаче.

На сегодняшний день популярность парлаче наблюдается за пределами Колумбии. Сфера его употребления обусловлена «феноменом провоцирования» с такими признаками, как выражение коммуникативного намерения, опора на конкрет-

ную ситуацию общения, полиадресность, интенциональное состояние (ин-)толерантности [11].

Согласно проведенным опросам представители среднего и высшего класса используют данный социолект в языковой игре, считая регулярное употребление парлаче вульгарным. Иллюстративными являются примеры в исследовании А.В. Кутьковой, которая занимается изучением парлаче и анализирует словообразование в лексикографических фиксациях как в структурно-функциональном, так и в статистическом аспекте. Ею показаны следующие механизмы формирования новых слов в парлаче [12]:

- аффиксация: *fierro* («яростный, свирепый») – *fierrazo*, *enferrado*, *superfierro*, *superenferrado*;
- усечение основы: *calada* – от *pucalada* («пояс»; «пояс»; «пояс»); *compe* – от *compacero* («компаньон»); *fa* вместо *favor* («услуга»);
- удлинение основы: *robo* (букв. «грабление») заменяется на *roberto*, вместо *mal* (букв. «злой, плохой») – *maletas*;
- удвоение слов (звукоподражание): *rinrin* – «болтун, трепло»; *chucuchucu* – вышедшая из моды музыка; *runrun* – сплетня, слух;
- аббревиация (сложносокращенные слова): оскорбительные *drogoberto* (*droga* и *Roberto* – наркотик и Роберто – одно из наиболее распространенных имен), *iguanodonte* (*iguana* и *mastodonte*);
- словосложение: *cometrapos* – чувство сильного голода, *carroloco* – человек, действующий импульсивно;
- ресемантизация (новое значение посредством метафоры или метонимии): *mula* (букв. «осел») – наркокурьер, *nave* (букв. «корабль») – автомобиль, *hundido* (букв. «тонущий») – «пристраившийся» словно «гибнущий»;
- лексикализация словосочетаний, т. е. фразеологизмы с различной степенью устойчивости, так как парлаче находится в процессе развития и изменения. Фразеологизмы, ориентированные на иронию, игровой эффект и экспрессивность, являются важной составляющей данного социолекта.

³Diccionario de la Real Academia Española. URL: <http://www.rae.es/obras-academicas> (дата обращения: 11.08.2022).

Иллюстративно представлены гибридные образования, как, например, комбинации испанских и английских слов: *claro que yes* – при выражении согласия вместо испанского *claro que sí*. Уместно отметить, что это сравнимо с популярным и приобретающим все больше константных характеристик феноменом Spanglish. Существует несколько примеров из португальского языка. Заимствования из других языков малочисленны.

Далее рассмотрим коста-риканский *малеспин* – «условный» язык или одна из социально-ограниченных форм речи, в т. ч. в рамках исследований вариативности испанского языка в Латинской Америке. В Коста-Рике аналогом лунфардо и парлаче является социолект *пачуко*. Термин имеет разные определения в словаре Королевской академии испанского языка в зависимости от страны «мексиканского региона», в котором он получил свое развитие [13]. Однако именно в Коста-Рике этот социолект был переосмыслен, поскольку в речи костариканцев пачуко используется в отношении внешнего вида и образа жизни хулиганов. В рамках данного социолекта выделился *секретный* язык как стратегический инструмент во время войны.

В соответствии с общепринятым определением «тайные или условные языки», к которым относится малеспин, – это конспиративные языки, используемые замкнутыми социальными группами. Таким образом, «условные» языки считывались как знаки принадлежности к конкретной корпорации и воспринимались как коллективная игра. Исследователь С.А. Никифорова описала основные принципы кодирования в малеспине [14]:

1) замена звуков: $a > e$; $e > a$; $i > o$; $o > i$; $b > t$; $t > b$; $f > g$; $g > f$; $m > p$; $p > m$; $c > s$; $s > c$. Применяя данный принцип кодирования, она вывела, что *malespin* будет звучать как *pelasmón* – условно «кожура» или «оболочка»;

2) метатеза: *primo > mopri*, *fiesta > tafies*, *bonito > tinobi*, *macho > chamo*;

3) совмещение первого и второго принципа: *as tinobi – es bonito*.

Согласно проведенному анкетированию, исследователь описала, как костариканцы в возрасте 55–75 отмечают, что их родители и поколения старше родителей свободно общались на жаргоне, а в 20–30-х годах XX века малеспин был распространен в бытовом общении. Позже, уже в 80-е годы в Коста-Рике возобновился интерес к малеспину, чему способствовала гражданская война в Никарагуа, которая усилила интерес к секретному кодированию в практических целях и вызвала эмиграцию никарагуанцев в Коста-Рику⁴. Примеры лексикографических фиксаций из малеспин, используемые в настоящее время в социолекте пачуко, отражают социально-бытовую реальность и проникают в коста-риканский общеупотребительный язык:

arpen (*arpeni*)/ *curpeni* – *hermano* – брат;
breteji (*brete*) – *trabajo* – работа;
cetolli – *caballo* (*m*) – лошадь;
frendi (*frenda*) – *grande* (*adj*) – большой;
men – *pan* (*m*) – хлеб;
mlebe – *plata* (*f*) – деньги;
nicha (*niche*) – *noche* (*f*) – ночь;
percedi / *percebi* (*percedi*) – *mercado* (*m*) – рынок;
bimbolli – *tontillo* (*adj*) – глупый.

Детальное рассмотрение языкового материала показывает, что варианты слов возникли согласно принципам структурного заимствования, однако уже не воспринимаются как закодированные в соответствии с правилами и употребляются костариканцами с целью придать их речи эмоционально-оценочное значение. С другой стороны, сознательное использование тайной функции малеспина осталось в отдельных мини-социумах Гондураса, Никарагуа и Сальвадора: студенты, шифрующие свои подсказки; семейные пары, для которых малеспин является языком межличностно-

⁴Тайные языки // Лингвист. энцикл. слов. / под ред. В.Н. Ярцевой. URL: <http://www.tapemark.narod.ru/les/502d.html> (дата обращения: 03.08.2022).

го общения; жаргонная речь различных социальных субкультур (городские «низы», представители богатых слоев общества, бандитские группировки). Очевидно, что заимствования из малеспина превращаются в важный элемент речевых доминант, отражающих национальную картину мира костариканцев.

Итак, социологические факторы, связанные с взаимодействием испаноязычных стран Латинской Америки, предстоит оценить в полной мере с детальным изучением этно- и субкультур. Сопоставительный анализ разных лингвокультур подсказывает, что вклад переселенцев внутри культурно-общного языкового ареала пополняет словарный запас языка и обогащает мировидение в целом, а также зависит от того, насколько укореняются народные традиции, социолектно отраженные в крупных городах Латинской Америки. Традиции получают воплощение в богатой танцевальной культуре, которая ярко прослеживается в таких мероприятиях, как карнавалы [15]. Эта культура включает в себя и вербальный компонент, хотя здесь тексты песен вторичны по отношению к музыке.

Культивирование социолектов связывают с массовыми иммиграциями и, как следствие, развитием нелегального бизнеса. Цель использования тайных языков отдельными социальными группами – стремление отличаться от большинства и не быть понятыми им.

Типология трех представленных социолектов имеет общие черты: богатый лунфардо и вариативный парлаче сохраняют тенденции в отношении сфер употребления; тайный малеспин становится обывательским. Социолекты обладают чертами, позволяющими говорить об их типах применительно к человеческому языку в целом и о типах социолектов в каждом отдельном этноязыке в частности. Они представляют собой род койне, где на лексическом уровне нейтрализуются варианты названия артефактов, отно-

сящихся к бытовой сфере жизни. Исключение составляют номинации национальных обычаев – *безэквивалентная* лексика, например индейские танцы – *candombe, cumbia, tambo, tacumba*, и национальные блюда.

Обобщенные социолекты обладают собственной нормой, природа которой носит вероятностный характер. Они отличаются в основном не наличием/отсутствием каких-либо единиц, но частотностью их использования носителями. В узусе социолектов отражено употребление просторечной, обывденной лексики для передачи реалий повседневной жизни с целью эмоционального воздействия, чаще негативного. Так, например, оскорбление на родном диалекте обладает особым значением и для наносящего оскорбление, и для оскорбляемого при условии, что они разделяют данную речевую культуру.

В литературных произведениях можно увидеть моделирование реальных ситуаций включения новых слов, что подтверждается использованием в текстах лексико-семантических неологизмов. Рассматривается вероятность того, что они являются сленговыми словами, хотя зачастую представляют собой авторские окказионализмы и идиолекты.

Таким образом, вышеуказанные факторы позволяют социолектам существовать, обогащаться, пополняя лексический состав языка новыми словарными фиксациями и статьями, активно функционировать. В рамках одной публикации сложно представить детальный обзор данного обширного социолингвистического поля. Наряду с исчезновением языков происходят обратные процессы возникновения, культивирования, адаптации, возрождения социолектов в субкультурах и малых социальных группах. Их развитие и распространение сферы влияния связано с реальностью внутреннего устройства как в стране или ареале, так и в масштабах международных отношений, что позволяет говорить о перспективности исследований подобного рода.

Список литературы

1. Солнышкина М.И., Зиганшина Ч.Р., Гараева Л.М. Социолектология: современное состояние и проблемы // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2014. № 4(23). С. 125–134. DOI: [10.15688/jvolsu2.2014.4.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.14)
2. Ерофеева Т.И. Социолект как инструмент описания языковой ситуации региона // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2010. Вып. 1(7). С. 21–25.
3. Ю Е.Д. О социолекте лунфардо: таксон и узус // Науч. исслед. и разработки. Современ. коммуникативистика. 2018. Т. 7, № 4. С. 56–62. DOI: [10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148](https://doi.org/10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148)
4. Бондалетов В.Д. Арго – уникальный источник изучения народного языка // Громовские чтения: сб. материалов и исслед. междунар. науч. конф., Кострома, 07–09 ноября 2016 года. Кострома: Костром. гос. ун-т, 2016. Вып. 3. С. 56–63.
5. Partridge E.H. *Slang To-Day and Yesterday*. London: Routledge and Kegan Paul, 2017. 488 p.
6. Формановская Н.И. Коммуникативный контакт. М.: Изд-во ИКАР, 2012. 200 с.
7. Фирсова Н.М. Основные сферы и формы коммуникации, отражающие феномен национально-культурной специфики (на материале испанского языка) // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 1995. № 2. С. 17–23.
8. Rawson E.E. *Estudios Gardelianos*. URL: <https://crgardel.blogspot.com/2008/05/nota-del-sr-enrique-espina-rawson.html> (дата обращения: 09.07.2022).
9. Хаджаева Н.Х. Лингвокультурологический аспект возникновения в языке социолектной лексики // *Lingua mobilis*. 2011. № 6(32). С. 66–70.
10. Vila Rubio N., Castañeda Naranjo L.S. Hacia un diccionario de parlache // *Quaderni del CIRSIL*. 2006. Vol. 5. P. 121–134. URL: http://amsacta.unibo.it/2722/1/Neus_Vila.pdf (дата обращения: 21.06.2022).
11. Степанов В.Н. Провоцирование в социальной и массовой коммуникации. СПб.: Роза мира, 2008. 268 с.
12. Кутькова А.В. Жаргон парлаче как социолингвистический феномен в испанском языке Колумбии // *Древняя и Новая Романия*. 2014. Вып. 13. С. 243–253.
13. Чеснокова О.С. Испанский язык Мексики: языковая картина мира: моногр. М.: РУДН, 2006. 238 с.
14. Никифорова С.А. Коста-риканский тайный язык «малеспин»: возникновение, эволюция, эмоционально-экспрессивный потенциал // *Филол. науки. Вопр. теории и практики*. 2017. № 7-3 (73). С. 154–160.
15. Ларикова Ю.А. Дискурс новых иммигрантов в языковом сообществе Буэнос-Айреса // *Проблемы современного мира глазами молодежи: сб. науч. тр.* М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2017. С. 23–32.

References

1. Solnyshkina M.I., Ziganshina Ch.R., Garaeva L.M. *Sotsiolektologiya: sovremennoe sostoyanie i problemy* [Social Dialectology: Modern State and Problems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Yazykoznanie*, 2014, no. 4, pp. 125–134. DOI: [10.15688/jvolsu2.2014.4.14](https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2014.4.14)
2. Erofeeva T.I. *Sotsiolekt kak instrument opisaniya yazykovoy situatsii regiona* [Sociolect as a Tool for Describing the Linguistic Situation of a Region]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya*, 2010, no. 1, pp. 21–25.
3. Yu E.D. About the Sociolect of Lunfardo: Taxon and Usage. *Sci. Res. Dev. Mod. Commun. Stud.*, 2018, no. 4, pp. 56–62 (in Russ.). DOI: [10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148](https://doi.org/10.12737/article_5b5fff4c5860d7.52439148)
4. Bondaletov V.D. *Argo – unikal'nyy istochnik izucheniya narodnogo yazyka* [Argot as a Unique Source for Studying a National Language]. *Gromovskie chteniya* [Gromov Readings]. Kostroma, 2016. Iss. 3, pp. 56–63.
5. Partridge E.H. *Slang To-Day and Yesterday*. London, 2017. 488 p.
6. Formanovskaya N.I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative Contact]. Moscow, 2012. 200 p.
7. Firsova N.M. *Osnovnye sfery i formy kommunikatsii, otrazhayushchie fenomen natsional'no-kul'turnoy spetsifiky (na materiale ispanskogo yazyka)* [Key Spheres and Forms of Communication Reflecting National and Cultural Features]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika*, 1995, no. 2, pp. 17–23.
8. Rawson E.E. *Estudios Gardelianos*. Available at: <https://crgardel.blogspot.com/2008/05/nota-del-sr-enrique-espina-rawson.html> (accessed: 9 July 2022).
9. Khadzhaeva N.Kh. *Lingvokul'turologicheskiy aspekt vznikeniya v yazyke sotsiolektnoy leksiki* [Lingvoculturological Aspect of Appearance in the Language of Sociolect Vocabulary]. *Lingua mobilis*, 2011, no. 6, pp. 66–70.
10. Vila Rubio N., Castañeda Naranjo L.S. Hacia un diccionario de parlache: Estudio lexicográfico de un argot colombiano. *Quaderni del CIRSIL*, 2006, vol. 5, pp. 121–134. Available at: http://amsacta.unibo.it/2722/1/Neus_Vila.pdf (accessed: 21 June 2022).

11. Stepanov V.N. *Provotsirovanie v sotsial'noy i massovoy kommunikatsii* [Provocation in Social and Mass Communication]. St. Petersburg, 2008. 268 p.
12. Kut'kova A.V. Zhargon parlache kak sotsiolingvisticheskiy fenomen v ispanskom yazyke Kolumbii [Parlache Jargon as a Sociolinguistic Phenomenon of Colombian Spanish]. *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, 2014, no. 13, pp. 243–253.
13. Chesnokova O.S. *Ispanskiy yazyk Meksiki: yazykovaya kartina mira* [Mexican Spanish: Linguistic Worldview]. Moscow, 2006. 238 p.
14. Nikiforova S.A. Kosta-rikanskiy taynyy yazyk “malespin”: vzniknovenie, evolyutsiya, emotsional'no-ekspressivnyy potentsial [The Costa Rican Secret Language “Malespin”: Emergence, Evolution, Emotional-Expressive Potential]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2017, no. 7-3, pp. 154–160.
15. Larikova Yu.A. Diskurs novykh immigrantov v yazykovom soobshchestve Buenos-Ayresa [The Discourse of New Immigrants in the Linguistic Community of Buenos Aires]. *Problemy sovremennogo mira glazami molodezhi* [Problems of the Modern World Through the Eyes of Young People]. Moscow, 2017, pp. 23–32.

DOI: 10.37482/2687-1505-V284

Elena D. Yu

Irkutsk National Research Technical University;

ul. Lermontova 83, Irkutsk, 664074, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7739-5627> e-mail: elyu@yandex.ru

REPRESENTATION OF LATIN AMERICAN SOCIOLECTS IN A CULTURALLY COMMON LANGUAGE AREA

The article presents an overview of the most widespread Latin-American sociolects (Argentine Lunfardo, Colombian Parlache and Costa Rican Pachuco-Malespin) as well as a comparative analysis of the reflection of social realia based on them. Currently, the existing methodological framework of sociolect studies is being enriched. The emergence, functioning and influence of sociolects as factors of the society's development are not only indicators of the ethnocultural evolution, but also signs of social transformations, which are reflected in culture and dictionaries, thus requiring turning to the theory of nominative acts. Word formation is represented by various techniques, such as syllabic inversion, truncation and lengthening of a stem, word composition, word doubling, and resemantization. The processes of sociolect dialogical interaction in the thematic lexicons of Lunfardo, Parlache and Malespin are considered. The taxonomy, usage and spread of these sociolects emphasize the social markedness they have acquired as numerous neologisms are produced: from universals to notions of various spheres of human activity. The practice-oriented study of the emergence and development of sociolects confirmed their use as a language-game, a secret language as a strategic tool in wartime, a conspiratorial language as a sign of belonging to a certain closed social group, etc. The functionality of sociolects has led to the creation and updating of specific dictionaries. Another thing Lunfardo, Parlache and Malespin have in common is *cumbia*, which is a popular genre of folk music in Latin America that originated in Colombia, but gained recognition throughout the continent. Its several variations reflect the identity of social environments, of which particular genres of *cumbia* are characteristic. The material under study is a rich palette for further interdisciplinary research with its obvious relevance considering the current conditions and trends in international relations.

Keywords: social reality, socialization, sociolect, Latin American area, linguistic variation, word formation.

Поступила 13.10.2022

Принята 21.08.2023

Опубликована 22.09.2023

Received 13 October 2022

Accepted 21 August 2023

Published 22 September 2023

For citation: Yu E.D. Representation of Latin American Sociolects in a Culturally Common Language Area. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 64–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V284

УДК 81'373+811.111

DOI: 10.37482/2687-1505-V275

БАКИНА Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 102 научных публикаций, в т. ч. 5 коллективных монографий, 5 учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 1033 научных публикаций, в т. ч. 16 монографий, 18 учебных пособий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

ПРОСТЫЕ И СЛОЖНЫЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ У. ШЕКСПИРА

Работа посвящена изучению поведения фразеологических единиц библейской этимологии в произведениях У. Шекспира. В качестве предмета исследования выступают способы использования библейских фразеологизмов в поэтических текстах британского классика. Новизна работы состоит в выявлении простых и сложных окказиональных преобразований библейской фразеологии У. Шекспира. В основу отбора языкового материала положен метод фразеологической идентификации, предложенный А.В. Куниным и успешно апробированный многочисленными исследованиями в области современной фразеологии. В работе использовались также макропарадигмальные методы и сопутствующие методики лингвистики. Окказиональные изменения фразеологических единиц в художественном произведении рассматриваются не как образец деструкции фразеологии, а как элемент креативного использования автором фразеологического оборота в каждом конкретном случае. Проведенное исследование позволило выявить две группы окказиональных преобразований фразеологических единиц библейской этимологии в текстах шекспировской драмы, а именно: 1) группу простых окказиональных преобразований, включающую в себя три основных вида морфологических изменений компонентов библейских фразеологических единиц: а) изменение глагольного компонента, б) изменение субстантивного компонента, в) изменение адъективного компонента, и 2) группу сложных окказиональных преобразований. В результате осуществленной работы выясняется, что внедрение в текст измененных по структуре, окказионально преобразованных библейских фразеологизмов способствует обогащению и интенсификации художественной образности произведения, более детальному раскрытию личностных качеств персонажей и помогает глубже проникнуть в самую суть шекспировской драмы.

Ключевые слова: Библия, У. Шекспир, библейские фразеологические единицы, библейская этимология, простые окказионализмы, сложные окказионализмы, фразеология.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д.17; e-mail: heart-anna@yandex.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: fedulenkova@list.ru

Для цитирования: Бакина А.Д., Федуленкова Т.Н. Простые и сложные окказиональные преобразования библейских фразеологизмов в произведениях У. Шекспира // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 74–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V275

Введение

Библия как неистощимый источник фразеологии всегда будет находиться в фокусе лингвистических исследований [1]. В последнее время большое внимание уделяется изучению таких аспектов библейской фразеологии, как: а) вариантность библейских фразеологических единиц (БФЕ) [2; 3], б) проблемы классификации БФЕ¹ [4], в) вопросы функционирования и интертекстуального потенциала БФЕ [5]. Уточнение содержания термина «*библейская фразеологическая единица*», равно как и термина «*библейский фразеологизм*», и описание его лингвистического статуса предложены нами в статье, опубликованной в шестом номере данного журнала за 2021 год [6, с. 36–38].

Вопрос изученности именно индивидуально-авторских преобразований библейской фразеологии в драмах У. Шекспира весьма проблематичен. Дело в том, что он затрагивался лишь вскользь и так и не нашел своего решения. Обнаружено лишь два фундаментальных труда по шекспиризму. Это кандидатская диссертация Л.Ф. Свиридовой, посвященная *фразеологии вообще*, выявленной в трудах драматурга, обогатившей английский язык на 156 единиц и проанализированной с точки зрения уровней устойчивости ФЕ [7]. 30 лет спустя появилась вторая работа о шекспиризмах – книга В.П. Комаровой [8], где в главе «Библейские аллюзии в хрониках Шекспира» речь идет не о фразеологии, а об устойчивых выражениях нефразеологического характера. Работа эта – герменевтического свойства, направленная на расшифровку смысла библейских аллюзий в шекспировских текстах, и не обнаруживает какого бы то ни было отношения к анализу шекспировских преобразований библейской фразеологии.

В зарубежной литературе вопрос о фразеологии вообще не стоит ввиду отсутствия такого раздела лингвистики; обсуждаются лишь проблемы *присутствия* библейских выражений – как устойчивых, так и неустойчивых – и аллюзий на них в творчестве У. Шекспира [9; 10].

В связи с этим *актуальность* данной работы диктуется необходимостью сопоставления библейских фразеологизмов и их авторского использования в шекспировских текстах. Ввиду отсутствия публикаций именно в указанной плоскости *новизна* статьи состоит в выявлении простых и сложных окказиональных преобразований библейской фразеологии У. Шекспира.

В исследовании были задействованы следующие *методы*: сплошная выборка языкового материала, фразеологическая идентификация и фразеологический анализ, контрастивный анализ, а также приемы контекстуального анализа и некоторые непарадигмальные методики компаративизма [11, с. 54–60].

В качестве *объекта* нашего исследования из 15 наиболее известных произведений У. Шекспира были выделены 86 устойчивых сочетаний слов библейской этимологии с характерным для них переосмыслением внутренней формы, которые по сути своей являются фразеологическими образованиями (БФЕ) и как таковые выделяются в отдельную микросистему современной английской фразеологии, поскольку представляют собой научный интерес в аспектах исследования их структурно-семантических характеристик и особенностей, а также в отношении их неослабевающего прагматического потенциала. *Предметом* анализа выступают способы и приемы окказионального использования библейской фразеологии в произведениях У. Шекспира.

Исходная точка в нашем исследовании – принятие факта того, что окказиональные, или индивидуально-авторские, модификации фразеологизмов, возникающие главным образом вследствие их структурной раздельнооформленности [12, с. 138], не являются деформацией, нарушением или аномалией [13, с. 7]). Напротив, эти изменения весьма распространены в современном английском языке и носят креативный характер [14], обеспечивая единство и взаимодействие объективного и субъективного в языке и речи [15, с. 219]. В последнее время отмечается факт широкой употребительности

¹Кунин А.В. Введение // Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1998. С. 7–13.

БФЕ в разных типах дискурса, чему способствуют их коммуникативная направленность, прагматическая востребованность, а также возможность однократного, подходящего под определенную ситуацию и контекст структурно-семантического изменения.

Результаты исследования и их обсуждение 1. Простое окказиональное преобразование БФЕ

Прежде всего рассмотрим случаи простого, или морфологического, окказионального преобразования БФЕ в творчестве У. Шекспира. К морфологическим показателям окказиональных изменений фразеологизма причисляем изменение показателя парадигмы слова-компонента в составе ФЕ. Конверсии, как называет А.С. Начисчионе один из способов фразеобразования [16] (см. также.: [17, с. 96]), подвергается вся ФЕ, но изменение происходит в одном компоненте. Общеизвестно, что конверсия стала самостоятельным способом словообразования в XIII–XIV веках в результате выравнивания окончаний, которое было вызвано сдвигом ударения на первый слог и последующей редукцией гласного в конечном слоге слова.

Конверсионные и словообразовательные возможности тесно связаны с грамматическим строем английского языка, а также с его историей. Посредством окказиональной конверсии ФЕ передается определенное содержание, изменяется, уточняется, варьируется значение исходной формы, что приводит к интенсификации стилистического эффекта.

Фразеологизмы английского языка соотносятся практически со всеми основными категориальными группами лексикона, т. е.: номинативной (именем существительным, именем прилагательным, наречием), номинативно-коммуникативной (глаголом), междометной, модальной и др.

В ходе исследования выяснилось, что способность конкретного фразеологизма к изменению формы прежде всего зависит от того, с какой категориальной группой данный фразеологизм соотносится, иными словами – какова его частеречная соотносимость.

1.1. Изменение глагольного компонента БФЕ

В современном английском языке глагольные фразеологические обороты наиболее распространены по отношению к другим классам ФЕ, этот факт объясняется тем, что глагол является центром коммуникативного посыла (см. также: [18, с. 161]).

1. В произведении У. Шекспира «Комедия ошибок» (часть I, сцена II) читаем:

“By Luciana: *Because their business still lies out o’door*”.

На основе библейского сюжета «Бытия» (Genesis IV, 10) в английском языке появился фразеологизм *lie at the door*, который в переводе означает «лежать на чьей-либо совести».

В данном случае морфологические различия окказионально преобразованной БФЕ с ее оригиналом прослеживаются на примере глагола *to lie* (лежать, находиться), когда У. Шекспир в произведении «Комедия ошибок» ставит данный глагол в форму 3-го лица, единственного числа – *lies*, подвергая его морфологическим изменениям для передачи значения единственного числа и настоящего времени. Комический эффект при этом поддерживается окказионализмом *out*.

2. В трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь» (часть III, сцена IV) читаем:

“By Cassius: *You have condemn’d and noted Lucius Pella out of your mouth for taking bribes here of the Sardians*”.

Библейский текст «Евангелие от Луки», гласящий: “*And he saith unto him, Out of thine own mouth will I judge thee, thou wicked servant*” (Luke XIX, 22), порождает фразеологизм *judge out of one’s own mouth*. Но оригинальный библеизм, как показывает время, прижился в английском языке не в этой форме, а благодаря окказиональному изменению глагольного компонента (*judge > condemn*), усиливающему эмоциональное напряжение действия трагедии «Юлий Цезарь», сохраняется и функционирует в шекспировской версии в современном английском языке.

3. В произведении У. Шекспира «Отелло» (часть V, сцена I) читаем:

“By Roderigo: *Sir, I will answer any thing but I beseech You*”.

В Ветхом Завете Библии присутствует выражение *money answers all things* (Ecclesiastes X, 19), что в переводе означает «деньги помогают добиться всего, деньги делают все».

В данном примере автор посредством окказионального морфологического приема меняет временные рамки при помощи аналитической формы вспомогательного глагола будущего времени *will* и производит субъектно-объектную переориентацию высказывания с помощью замены существительного *money* на собственное местоимение *I*, тем самым подчеркивая, что решение проблем – это не только прерогатива денег как материальных благ, но что изменение ситуации в лучшую сторону подвластно также и человеку. Посредством данного стилистически оформленного противопоставления подчеркивается глубина пропасти между деньгами и человеком.

1.2. Изменение субстантивного компонента БФЕ

Далеко не всякое изменение субстантивного компонента БФЕ способно разграничить фразеологический оборот и сложное слово. Однозначную дифференциацию позволяют провести те фразеологизмы, в которых изменениям подвержен первый компонент, или *адьюнкт* (термин В.Д. Аракина [19]).

Если существительное (в составе предложения) употребляется во множественном числе, то, как правило, и соответствующий субстантивный компонент, относящийся к компаративной ФЕ, также употребляется во множественном числе.

1. В «Комедии ошибок» (часть IV, сцена III) читаем:

“By Dromio: *it is written, they appear to men like angels of light*”.

В «Послании Коринфянам» Нового Завета Библии находим БФЕ *angel of light* (2 Corinthians XI, 14), которая в переводе означает «дорогой, всеми любимый человек».

Окказионально оформленные морфологические изменения, выраженные суффиксом *-s*,

который указывает на форму множественного числа *angel-angels*, согласуются в числе с существительным тоже множественного числа «*men*». Данная форма окказионализма, использованная автором, представляет библейский фразеологизм в значении «добродетель, посланник доброй воли», что придает окказионально преобразованному высказыванию яркий стилистический оттенок.

2. Еще один пример окказионального преобразования БФЕ, а именно изменение числа имени существительного, можно наблюдать в исторической хронике У. Шекспира «Ричард II» (акт III, сцена 2), когда король Ричард, подозревая своих фаворитов в предательстве, говорит: “*Three Judases, each one thrice worse than Judas!*” («Из трех Иуд тройной Иуда каждый!»). В «Евангелии от Матфея» читаем: “*Then one of the Twelve – the one called Judas Iscariot – went to the chief priests and asked, “What are you willing to give me if I deliver him over to you?” So they counted out for him thirty pieces of silver. From then on Judas watched for an opportunity to hand him over*”. (Matthew XXVI: 14–16). Русскоязычный вариант: «Тогда один из двенадцати, называемый **Иуда Искариот**, пошел к первосвященникам и сказал: “Что вы дадите мне, и я вам предам Его”. Они предложили ему тридцать сребреников; и с того времени он искал удобного случая предать Его». Тема предательства особым образом отражена в произведениях английского драматурга, вербализуясь посредством библеизмов. Автор преобразует библейскую единицу, используя имя *Judas* во множественном числе, таким образом акцентируя внимание на эмоциональном состоянии героя и подчеркивая высшую степень предательства и вероломства людей.

3. В трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра» (часть I, сцена II) читаем:

“By Mark Antony: *Which the courser’s hair hath yet but life, And not a serpent’s poison*”.

В «Евангелии от Матфея» встречаем библейский фразеологизм, основанный на сравнении, *wise as serpents* (Matthew X, 16): “*Behold, I send you forth as sheep in the midst of wolves:*

be ye therefore wise as serpents, and harmless as doves". Сравнение двух контекстов показывает, что, применяя окказиональный прием, У. Шекспир сохраняет субстантивный компонент как образную основу библеизма [20, с. 116–120], но в трагедии этот компонент употреблен автором в единственном числе и форме притяжательно-го падежа. Данные морфологические изменения сопровождаются авторской заменой компонента *wisdom* (мудрость) на окказиональный компонент *poison* (яд, отравка, негативное влияние), тем самым образуя противопоставление, подчеркивающее непорочность, чистоту, доброту и стремление живых существ к свободе.

4. В трагедии У. Шекспира «Антоний и Клеопатра» (часть II, сцена II) читаем:

“By Agrippa: *Would then be nothing: truths would be tales, where now half tales that told be truth: her love to both*”.

Библейский фразеологизм *a tale that is told* (русский эквивалент – «дела давно минувших дней») встречаем в ветхозаветном источнике.

Рассматривая окказиональные изменения исходной БФЕ, замечаем авторские обыгрывания с помощью таких морфологических приемов, как образование множественного числа (*tale-tales*) и опущение вспомогательного глагола *is* при образовании пассивного залога. Подобные окказиональные преобразования способствуют созданию стилистического эффекта множественности чего-то загадочного, волнующего человеческую душу.

1.3. Изменение адъективного компонента БФЕ

Изменение адъективного компонента используется как средство живописания персонажа, прием для раскрытия отличительных черт героя и свойств его характера, а также для заострения внимания читателя на образе действий персонажа. В результате изменения формы ФЕ преобразуется их смысловой объем и достигается повышенная экспрессия. Стилистически эффект возникает благодаря многосоюзию, ритмическим параллелизмам (см.: [21, с. 251]).

В трагической истории У. Шекспира «Гамлет, принц датский» (часть I, сцена IV) читаем:

“By Hamlet: *Oft breaking down the pales and forts of reason*

Or by some habit that too much older leavens”.

В «Послании Коринфянам» в Новом Завете находим библеизм: *the old leaven* (Corinthians V, 6–8), что в переводе на русский язык означает «одной закваски, из одного теста».

Сравнительная степень адъективного компонента обладает большей степенью стилистической экспрессии, чем исходная. Эффект основан на преувеличении качества или признака. В данном окказиональном преобразовании имеет место сравнительная степень прилагательного, выраженная суффиксом *-er* для придания высказыванию Гамлета – о безудержной и не всегда оправданной ломке старого – большей выразительности.

Квантитативно-контекстуальный анализ ФЕ библейской этимологии показывает, что фразеологизмы глагольного класса наиболее подвержены морфологическим изменениям. Что касается адвербиальных библейских оборотов [22, с. 19], то, являясь по определению неизменяемой лексико-грамматической категорией, они весьма ограничены в отношении формоизменения.

2. Сложное окказиональное преобразование БФЕ

Рассмотренные выше приемы авторского преобразования фразеологизмов библейской этимологии мы назвали простыми, поскольку изменению подвергался какой-либо один компонент структуры ФЕ. В ходе структурно-семантического и контекстуального анализа были выявлены также осложненные способы «обновления» библейских фразеологизмов, в результате которых преобразование затрагивало одновременно несколько компонентов, что оказывало значительное влияние на их образность. Такое синхронное использование фразеологических окказионализмов, когда невозможно строго дифференцировать их с точки зрения стилистической иерархии и прагматического эффекта, мы называем параллельным или сложным. Сложное окказиональное трансформирование как особый стилистический прием

в более полной мере способствует усилению поэтической образности и яркой эмоциональности, добавляя экспрессивности, что отчетливо видно на примерах использования У. Шекспиром в своих произведениях окказионально модифицированных библейских фразеологизмов.

Продемонстрируем высказанное на примерах:

1. В трагедии «Гамлет» (часть III, сцена IV) читаем следующее:

“By Queen: *Be thou assured if words be made of breath I have no life to breathe*”.

Библейский фразеологизм *the breath of the life* (Genesis II, 7) (букв. «дыхание жизни»; русский эквивалент – «смысл жизни, что-либо нужное человеку как воздух») подвергается ряду изменений, таких как лексико-морфологические/конверсионные преобразования, и оказывается полностью трансформированным: вместо существительного *the breath* автор использует глагол в инфинитиве с частицей *to*. Добавляется отрицательная частица *no*, при этом отметим, что она семантически более «сильная» и категоричная, чем частица *not*, что делает всю фразу более эмоциональной. Герой произведения теряет смысл жизни после потери родного человека и встает перед бездной безысходности. Таким образом, мы видим объединение сразу нескольких приемов в одно сложное окказиональное преобразование фразеологизма, за счет чего ФЕ приобретает особую художественную образность и выразительность.

2. В хронике «Генрих IV» (акт II, сцена IV) принц Гарри, изображая своего отца, короля, сообщает Фальстафу, играющему роль принца:

“*The complaints I hear of thee are grievous*” («*Велик вопль на тебя, сын мой*»).

Читаем Бытие: “*Then the Lord said, “The outcry against Sodom and Gomorrah is so great and their sin so grievous...”*. Русскоязычный вариант: «*И сказал Господь: “воплъ Содомский и Гоморрский, велик он, и грех их, тяжел он весьма”*» (Genesis XVIII, 20). Анализируя преобразованный автором библейский фразеологизм, отмечаем замену лексического субстантивного компонента *sin* компонентом *complaints* (также происходит замена единственного числа на множественное) и добавление глагола-связки *to be*

в соответствующей форме *are*. В предложенном к рассмотрению примере наблюдаем осложненный прием окказиональной трансформации, которая обусловлена структурой и семантикой контекста произведения. Обновление фразеологизма «подстраивает» его под речевую ситуацию.

3. Фразеологизм библейского происхождения *Egyptian darkness* (*тьма египетская*) видоизменяется почти до неузнаваемости вследствие применения автором приема сложного трансформирования. В комедии «Двенадцатая ночь» в акте IV, сцене 2 шут произносит:

“*I say, there is no darkness but ignorance; in which thou art more puzzled than the Egyptians in their fog*” («*говорю тебе, ты не во мрак погружен, а в невежество, в коем блуждаешь, как египтянин во тьме*»).

Тем самым автор отсылает зрителя или читателя к книге «Исход» (гл. 10, ст. 21–23), где описана одна из десяти казней египетских: «*Then the Lord said to Moses, “Stretch out your hand toward the sky so that darkness spreads over Egypt – darkness that can be felt.” So Moses stretched out his hand toward the sky, and total darkness covered all Egypt for three days. No one could see anyone else or move about for three days...»* (Exodus X, 21–23) («*И сказал Господь Моисею: “прости руку твою к небу, и будет тьма на земле Египетской, осязаемая тьма”. Моисей простер руку свою к небу, и была густая тьма по всей земле Египетской три дня; не видели друг друга, и никто не вставал с места своего три дня...»*). В предложенном примере осложненной окказиональной модификации наглядно демонстрируется «рассоединение» фразеологизма, распадение его на отдельные части: компонент *darkness* отделен от другого компонента рядом слов *...but ignorance; in which thou art more puzzled than the...* Морфологически преобразованный компонент *Egyptian* (прилагательное конвертировалось в существительное во множественном числе) находится в постпозиции по отношению ко второму компоненту.

В данном случае использование автором сложного приема окказионального преобразо-

вания позволяет подчеркнуть (устаи шуа) высокую степень заблуждения Мальволио.

Выводы

В результате изучения полутора десятков произведений У. Шекспира было выявлено (а) свыше 8 десятков случаев окказионального использования библейских фраз и (б) четыре модели окказионального преобразования БФЕ: глагольные (28 %), субстантивные (34 %), адъективные (7 %) и сложные (31 %).

Проведенный анализ показывает, что осложненное авторское употребление ФЕ библей-

ской этимологии дает возможность У. Шекспиру получить объем информации, который недостижим в случае применения какого-либо отдельного стилистического приема. Исследование делает очевидным тот факт, что непосредственным следствием использования осложненных окказиональных преобразований библейской фразеологии является насыщенность речи персонажей выразительными и чувственными оценками и неординарными ассоциациями, способными сделать образ выразительным и запоминающимся.

Список литературы

1. Piirainen E. The Bible as Source of Common Figurative Units // *Parémiologie. Proverbes et formes voisines* / ed. by J.M. Benayoun, N. Kübler, J.-P. Zouogbo. Sainte Gemme: Presses Universitaires de Sainte Gemme, 2013. Т. 3. P. 127–142.
2. Piirainen E., Balázi J.A. Devil in Wolf's Clothing: Variations on the Theme of "Speak of the Wolf / Devil and He Appears" // *Proverbium Yearb. Int. Proverb Scholarsh.* 2016. Vol. 33, № 1. P. 29–50.
3. Fedulenkova T. Modern Life of Biblical Phraseology and Its Variants in English // *Proceedings of the 10th International Conference: "Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects"* / ed. by L.A. Nefedova. European Publisher, 2020. P. 1476–1485. DOI: [10.15405/epsbs.2020.08.171](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.171)
4. Mieder W. "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs // *Modern Phraseology Issues* / ed. by T. Fedulenkova. Arkhangelsk: Solti, 2018. P. 74–97.
5. Бакина А.Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2022. Т. 22, № 5. С. 28–38. DOI: [10.37482/2687-1505-V203](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V203)
6. Бакина А.Д. Библизмы vs библейские фразеологизмы: уточнение понятий (на примере английских и немецких текстов) // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2021. Т. 21, № 6. С. 35–43. DOI: [10.37482/2687-1505-V140](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V140)
7. Свиридова Л.Ф. Обогащение английской фразеологии шекспиризмами: дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 228 с.
8. Комарова В.П. Шекспир и Библия: Опыт сравнительного исследования. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1998. 168 с.
9. Fisch H. *The Biblical Presence in Shakespeare, Milton and Blake: A Comparative Study.* Oxford: Clarendon, 1999. 331 p.
10. Milward P. *Biblical Influences in Shakespeare's Great Tragedies.* Bloomington: Indiana University Press, 1987. 208 p.
11. Комарова З.И., Талатина М.В. Методология и методика исследования // *Лингвоцветовая картина мира: моногр.* Екатеринбург: УФУ, 2011. С. 54–60.
12. Кунин А.В. *Английская фразеология.* М.: Высш. шк., 1970. 344 с.
13. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics.* Riga: Latvian Academy of Culture, 2001. 283 p.
14. Langlotz A. *Idiomatic Creativity. A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English.* Amsterdam: J. Benjamins, 2006. 325 p.
15. Басова Т.А., Федуленкова Т.Н. Объективное и субъективное в языке: Синтезирующий подход Г.В. Колшанского. Рецензия на книгу: Колшанский Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М.: КомКнига, 2018. 232 с. (Лингвистическое наследие XX века) ISBN 978-5-484-01436-1 // *Вестн. Череповец. гос. ун-та.* 2020. № 1(94). С. 219–225. DOI: [10.23859/1994-0637-2020-1-94-19](https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-1-94-19)
16. Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse.* Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. 292 p.

17. Galperin I. *English Stylistics*. M.: KRASAND, 2014. 336 p.
18. Gentner D. Some Interesting Differences Between Verbs and Nouns // *Cogn. Brain Theory*. 1981. № 4. P. 161–178.
19. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставитель-но-типологического анализа языков): автореф. дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.
20. Simpson P. *Stylistics*. London: Routledge, 2014. 313 p.
21. Marmaridou S.A. *Pragmatic Meaning and Cognition*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2000. 322 p.
22. Fernando C. *Idioms and Idiomaticity*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 265 p.

References

1. Piirainen E. The Bible as Source of Common Figurative Units. Benayoun J.M., Kübler N., Zouogbo J.-P. (eds.). *Parémiologie. Proverbes et formes voisines*. Sainte Gemme, 2013. Vol. 3, pp. 127–142.
2. Balázs J.A., Piirainen E. Devil in Wolf's Clothing: Variations on the Theme of "Speak of the Wolf / Devil and He Appears". *Proverbium Yearb. Int. Proverb Scholarsh.*, 2016, vol. 33, no. 1, pp. 29–50.
3. Fedulenkova T. Modern Life of Biblical Phraseology and Its Variants in English. Nefedova L.A. (ed.). *Proceedings of the 10th International Conference: "Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects"*. European Publisher, 2020, pp. 1476–1485. DOI: [10.15405/epsbs.2020.08.171](https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.171)
4. Mieder W. "It's a Small World": From Widespread Idioms to Widespread Proverbs. Fedulenkova T. (ed.). *Modern Phraseology Issues*. Arkhangelsk, 2018, pp. 74–97.
5. Bakina A.D. Intertextual Potential of Biblical Phraseological Units. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, no. 5, pp. 28–38. DOI: [10.37482/2687-1505-V203](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V203)
6. Bakina A.D. Biblical Lexical Items vs Biblical Phraseological Units: Specifying the Notions (Based on English and German Texts). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 6, pp. 35–43. DOI: [10.37482/2687-1505-V140](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V140)
7. Sviridova L.F. *Obogashchenie angliyskoy frazeologii shekspirizmami* [Enriching English Phraseology with Shakespeareanisms: Diss.]. Moscow, 1968. 228 p.
8. Komarova V.P. *Shekspir i Bibliya: Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Shakespeare and the Bible: A Comparative Study]. St. Petersburg, 1998. 168 p.
9. Fisch H. *The Biblical Presence in Shakespeare, Milton and Blake: A Comparative Study*. Oxford, 1999. 331 p.
10. Milward P. *Biblical Influences in Shakespeare's Great Tragedies*. Bloomington, 1987. 208 p.
11. Komarova Z.I., Talapina M.V. Metodologiya i metodika issledovaniya [Research Methodology and Technique]. *Lingvotsvetovaya kartina mira* [Colour-Linguistic Worldview]. Yekaterinburg, 2011, pp. 54–60.
12. Kunin A.V. *Angliyskaya frazeologiya* [English Phraseology]. Moscow, 1970. 344 p.
13. Naciscione A. *Phraseological Units in Discourse: Towards Applied Stylistics*. Riga, 2001. 283 p.
14. Langlotz A. *Idiomatic Creativity: A Cognitive-Linguistic Model of Idiom-Representation and Idiom-Variation in English*. Amsterdam, 2006. 325 p.
15. Basova T.A., Fedulenkova T.N. The Objective and the Subjective in Language: Synthesis Approach of G.V. Kolshansky. Book Review: Kolshansky G.V. Ratio of Subjective and Objective Factors in Language. Moscow: KomKniga, 2018. 232 p. (Linguistic Heritage of the 20th Century) ISBN 978-5-484-01436-1. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 1, pp. 219–225 (in Russ.). DOI: [10.23859/1994-0637-2020-1-94-19](https://doi.org/10.23859/1994-0637-2020-1-94-19)
16. Naciscione A. *Stylistic Use of Phraseological Units in Discourse*. Amsterdam, 2010. 292 p.
17. Galperin I. *English Stylistics*. Moscow, 2014. 336 p.
18. Gentner D. Some Interesting Differences Between Verbs and Nouns. *Cogn. Brain Theory*, 1981, no. 4, pp. 161–178.
19. Аракин В.Д. *Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotorykh germanskikh yazykov (edinitsey sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza yazykov)* [Structural Typology of the Russian and Some German Languages (Units of Comparative-Typological Linguistic Analysis): Diss. Pap.]. Moscow, 1983. 38 p.
20. Simpson P. *Stylistics: A Resource Book for Students*. London, 2014. 313 p.
21. Marmaridou S.A. *Pragmatic Meaning and Cognition*. Amsterdam, 2000. 322 p.
22. Fernando C. *Idioms and Idiomaticity*. Oxford, 1996. 265 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V275

Anna D. Bakina Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828> e-mail: heart-anna@yandex.ru**Tat'yana N. Fedulenkova**Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827> e-mail: fedulenkova@list.ru

SIMPLE AND COMPLEX OCCASIONAL TRANSFORMATIONS OF BIBLICAL PHRASEOLOGICAL UNITS IN W. SHAKESPEARE'S WORKS

The article studies the behaviour of phraseological units of biblical origin in the works by William Shakespeare. The subject of the research is the ways biblical phraseological units are used in his plays. The novelty of the paper lies in the identification of simple and complex occasional transformations of biblical phraseological units in Shakespeare's works. Linguistic material was selected using the method of phraseological identification proposed by A.V. Kunin and successfully tested by numerous studies in the field of modern phraseology. In addition, macroparadigmatic methods and related linguistic methods were applied. Occasional changes in phraseological units in a literary work are considered here not as an example of destruction of phraseology, but as an element of the author's creative use of phraseological units in each specific case. We were able to identify two groups of occasional transformations of phraseological units of biblical origin in Shakespeare's plays: 1) a group of simple occasional transformations, which includes three main types of morphological changes in the components of biblical phraseological units: a) changes in the verbal component, b) changes in the substantive component, c) changes in the adjectival component, and 2) a group of complex occasional transformations. The results showed that occasional transformations of biblical phraseological units introduced into a literary text enrich and enhance its imagery, highlight personal traits of the characters and help to capture the very essence of Shakespeare's drama.

Keywords: *Bible, W. Shakespeare, biblical phraseological units, biblical etymology, simple occasionalisms, complex occasionalisms, phraseology.*

Поступила 05.01.2023

Принята 22.06.2023

Опубликована 25.09.2023

Received 5 January 2023

Accepted 22 June 2023

Published 25 September 2023

For citation: Bakina A.D., Fedulenkova T.N. Simple and Complex Occasional Transformations of Biblical Phraseological Units in W. Shakespeare's Works. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no 4, pp. 74–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V275

ДАРЕНСКАЯ Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социальной работы Луганского государственного педагогического университета. Автор 130 научных публикаций*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734>

АНАЛИЗ ЭКЗИСТЕНЦИАЛОВ КАК АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ

В статье приведен анализ экзистенциалов как антропологических категорий в позднесоветской философии. Выделен ряд ключевых категорий и авторов, занимавшихся их изучением. Показано, что в позднесоветской философии шла самостоятельная работа по исследованию той проблематики понимания человека, которая называется экзистенциальной. В ситуации оторванности от западных течений мысли советские философы «позднего» периода (1970–1980-е годы) шли самостоятельным и оригинальным путем в анализе экзистенциалов. Поэтому данные тексты не утратили своей значимости как образец той самобытной философии, которая опирается на реальный духовный и интеллектуальный опыт. Концепции «духовных чувств» В.И. Шинкарука, практики как особой формы коммуникации В.Г. Табачковского, философия «второго рождения» М.К. Мамардашвили и экзистенциал духовной смерти в интерпретации Г.С. Батищева представляют собой оригинальные достижения отечественных мыслителей, не имеющие прямых аналогов в западной философии XX века. В их основе лежал глубокий и специфический духовный опыт жизни в секулярной культуре. Рассмотренный спектр антропологических категорий (экзистенциалов), которые разрабатывались в поздней советской философии, позволяет сделать вывод о ее общем тяготении, с одной стороны, к экзистенциальной проблематике как таковой, а с другой – к спонтанному возрождению элементов христианского сознания на основе нового духовного и интеллектуального опыта кризиса секулярного сознания. Поэтому можно сказать, что именно в рассматриваемый период были заложены основа и модель последующего развития оригинальной российской философии, которая уже в XXI веке приобрела более разнообразные и развитые формы.

Ключевые слова: экзистенциалы, антропология, антропологические категории, позднесоветская философия, В.И. Шинкарук, В.Г. Табачковский, М.К. Мамардашвили, Г.С. Батищев.

---

*Адрес: 291011, г. Луганск, ул. Оборонная, д. 2; e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

Для цитирования: Даренская В.Н. Анализ экзистенциалов как антропологических категорий в позднесоветской философии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V278

В позднесоветской философии происходили не только плодотворный процесс усвоения мировой философской традиции, в частности достижений философии XX века, но и самостоятельная работа по исследованию той проблематики понимания человека, которая называется экзистенциальной. В ситуации оторванности от западных течений мысли советские философы «позднего» периода (1970–1980-е годы) шли самостоятельным и оригинальным путем в анализе экзистенциалов как антропологических категорий. Поэтому данные тексты не утратили своей значимости в качестве образца той самобытной философии, которая опирается на реальный духовный и интеллектуальный опыт, а не является простым эпигоном западных направлений.

До настоящего времени еще не выработана общая методологическая позиция в изучении философии советского периода – в первую очередь потому, что этот период был сложным по своему содержанию, включал в себя самые разные феномены. Как отметил автор монографии о двух наиболее известных позднесоветских философах Ю.В. Пущаев, «сегодня к советской философии словно не знают, как подступиться» [1, с. 17]. Вместе с тем есть один критерий, который позволяет обобщить различные явления. Он состоит в том, что в советский период философия стихийно двигалась к «лично-ориентированному сознанию» (А.Ф. Замалева) [2, с. 7]. В свою очередь, такой тип сознания в философии приводит прежде всего к исследованию общих экзистенциальных категорий. Именно поэтому Н.В. Мотрошилова, изучая экзистенциализм, отмечала: «отечественные авторы и читатели, жившие в условиях социализма, изучая экзистенциалистов или работы о них, находили и в себе самих подобные ощущения, умонастроения» [3, с. 258].

В данной статье будут рассмотрены несколько важнейших категорий, которые разрабатывались в поздней советской философии в качестве таких общих понятий, которые выполняют функцию экзистенциалов. Как известно, экзистенциалы как самые общие, исходные

концептуализации человеческого бытия-в-мире относятся к теоретическому фундаменту философского осмысления сущности и жизни человека. Термин «экзистенциал» впервые стал широко применяться М. Хайдеггером для обозначения и анализа основных «настроений» (*Stimmung*) индивида в его самоопределении относительно своей целостной бытийной среды. «Настроения» в подобном понимании – это такие специфические состояния человека, которые имеют сложный чувственно-смысловой, эмоционально-рефлективный характер, но вместе с тем не разлагаются на отдельные составляющие, а остаются глубоко целостными, органическими и внутренне подвижными, способными к трансформации из одного в другой.

Фундаментальные настроения составляют глубинный фон отдельных элементов человеческого сознания – как эмоционально-чувственных, так и рационально-рефлективных. Кроме того, они способны образовывать устойчивые конstellации между собой, определяя смысло-жизненные ориентации человека. По собственному выражению М. Хайдеггера, «настроение (*Stimmung*) есть определенный способ (*Weise*)... [который] настраивает и определяет “что” и “как” человеческого бытия... это вовсе не самое эфемерное из эфемерного, но то, что в принципе придает присутствию (*Dasein*) основания и ее возможность» [4, с. 159].

Суть концептуальной инновации немецкого философа заключалась в том, что по внешнему, за внешней, эмоциональной формой фундаментальных «настроений» было раскрыто их онтологическое измерение, очерчивающее выход, трансцендирование человеческого мироотношения не только за пределы биологической жизни, но и за пределы социальности. Это уникальное и неповторимое, «только мое» вот-здесь-и-теперь-бытие – *Dasein*. Именно как «только мое» оно непосредственно переживается и может быть отрефлектированным в ситуациях, когда человека серьезно захватывает определенный «настрой» – такой эмоционально-смысловой комплекс, который вдруг выталкивает его далеко за пределы пережива-

ния ситуативных жизненных обстоятельств и дает мощный эффект целостного миропереживания, в котором могут рождаться новые смыслы, и вследствие этого может даже изменяться мировоззрение.

Такие ситуации, как правило, происходят нечасто и достаточно спонтанно, но их можно сознательно культивировать – например с помощью регулярного чтения поэтических и философских текстов, участия в экстремальных видах деятельности и т. д., экзистенциалы как целостные бытийные состояния человека являются специфическим предметом философского анализа, поскольку не могут быть сведены лишь к эмоциональным явлениям. Напротив, экзистенциалы – это тот смысл, который не просто «скрывается» за эмоциональными состояниями человека, но проявляется именно через их катарсис – т. е. положительную трансформацию в контексте целостного бытийного опыта человека.

В советской философии независимо от М. Хайдеггера была осознана потребность в концептуализации, во-первых, самой специфики сложных эмоционально-смысловых переживаний, а во-вторых, типологии их конкретного содержания. В частности, В.И. Шинкарук продемонстрировал оригинальный подход к этим задачам, который соответствовал исторической ситуации секуляризованного советского общества. Для обозначения того, что М. Хайдеггер назвал «настроениями», украинский философ использовал термин раннего К. Маркса «духовные чувства», хотя, как будет показано далее, конкретная семантика и контекст использования этих терминов иногда являются прямо противоположными, однако есть все основания утверждать, что оба термина ориентированы на одну и ту же предметность исходных экзистенциалов человека, но концептуализируют ее по-разному.

В частности, в работе «Категориальная структура научного мировоззрения» В.И. Шинкарук в контексте вопроса о «категориальной связи мира имеющегося бытия и мира будущего» утверждает, что определенный режим работы сознания, в котором происходит «восприятие и переживание воображаемого как существующего, будущего как современного,

возможного как действительного» и т. д., обеспечивается именно феноменом «духовных чувств». «Особенности же предмета духовных чувств еще нуждаются в прояснении» [5, с. 20]. В первом приближении «особенностью человеческих чувств как духовных является то, что он (предмет) представляет собой внутренне расчлененное единство идеального и реального, материального и духовного» [5, с. 21]. Отсюда такая важнейшая особенность духовных чувств, что «ради них человек способен идти на самопожертвование», поскольку «предметы духовных чувств являются смысложизненными предметами» [5, с. 23]. В.И. Шинкарук в первую очередь выделяет среди них веру, надежду и мечту, но интегральным, наиболее «положительным проявлением их всех является любовь в самом широком значении этого слова» [5, с. 23].

Характерно, что для К. Маркса термин «духовные чувства» был, по сути, ситуативным и остался без дальнейшего использования в более поздний период. Однако украинский философ нашел в нем большой эвристический потенциал, обусловленный, прежде всего, внутренней диалектичностью самого термина. Действительно, чувства в советской философии, как правило, трактовались в узко-сенсуалистическом духе, вследствие чего все сверхчувственное автоматически выталкивалось в сферу абстракций рационалистического мышления. Отсюда в теории возникал разрыв между непосредственной чувственной практикой жизни и ее духовно-смысловым наполнением. Термин «духовные чувства» позволял удачно ликвидировать этот разрыв и охватить как единую предметность то, что в реальной жизни существует и переживается как неразрывная целостность чувства и мысли, смысла и эмоции, интуиции и рефлексии. (Понятно, что и в реальной жизни человека существует разрыв этого единства как одна из «болезней» современной цивилизации, но это уже совсем другая тема.) Именно такая целостность составляет уровень базовых экзистенциалов мироотношения, требующих своей концептуализации и особого понятийного аппарата, который отличается как от традицион-

ных понятий рационального мышления, так и от понятий психологии эмоций.

Таким образом, в отличие от хайдеггеровского «настроения», термин «духовные чувства», во-первых, сразу же указывает на внутреннюю сложность и диалектичность этого феномена, а во-вторых, является не чисто феноменологическим термином, но несет в себе и деонтологический, морально-регулятивный смысл – своеобразный императив одухотворения чувственности, т. е. освоения на уровне индивидуального опыта высших реалий и ценностей духовной жизни. Концепция «духовных чувств» у В.И. Шинкарука четко связана с философской интерпретацией символов истины, добра и красоты, которые происходят из платоновской традиции и в свое время довольно смело были введены им в советский философский дискурс. По авторской логике, «духовные чувства» таковы именно лишь в той мере, насколько жизненные данности переживаются в «горизонте» идеала, что и предопределяет их одухотворенный, императивно-деонтологический характер. Однако идеал не является чем-то «эфемерным», но, наоборот, становится сущностным регулятивом человеческой жизни ровно в той мере, насколько ориентирует человека на идеальные ценности, связанные с сверх-индивидуалистической перспективой.

В целом для теоретической концептуализации этого измерения человеческого бытия в поздней советской философии использовалось терминологическое выражение «духовно-практическое освоение мира». В частности, В.И. Шинкарук определял духовно-практическое освоение мира как такое «преодоление чуждости мира», что «реализуется путем создания образов его иного, идеализированного и желаемого состояния в соответствии с идеалами истины, добра и красоты» [6, с. 28]. Высшей формой духовно-практического освоения мира становится мировоззренческое сознание, т. е. такой режим мышления и миропереживания, в котором все реалии объективного и субъективного миров человеческого бытия воспринимаются в «горизонте» идеалов Истины, Добра и Красоты благодаря «работе»

«духовных чувств». В одной из своих последних работ, своеобразном философском «завещании» – статье «Вера, Надежда, Любовь» (1994) – В.И. Шинкарук для определения предмета мировоззренческого сознания уже использует термин «трансцендентный мир»: на уровне мировоззренческого сознания «трансцендентный мир воспринимается и переживается как реальность более высокого порядка, чем видимый мир имеющегося бытия. Последний – преходящий, а первый – вечный, и именно в нем постулируется истинное бытие, недостижимые “при этой жизни” идеалы» [7, с. 145].

Это, в свою очередь, определяет и гносеологическую специфику мировоззренческого сознания, которую он трактует следующим образом: «реальность бытия духовного мира в отличие от материального основывается не на данных внешних чувств (известно пять внешних чувств), а на особого рода чувственности, которая издавна получила обобщенное название – любовь» [7, с. 146]. Любовь как высшее из «духовных чувств» является и «органом» духовного познания трансцендентного мира идеальных смыслов человеческого бытия, и «органом» их живого переживания.

Концепция «духовных чувств» актуальна и эвристична для нашего времени в первую очередь в контексте проблемы отчуждения человека. Она давно стала одной из основных философских проблем современности, а в отечественной философии исследование данного феномена резко активизировалось на рубеже 1980–1990-х годов по вполне понятным историческим причинам. Само отчуждение – это объективный процесс, характеризующийся превращением деятельности человека и его результатов в самостоятельную силу, которая господствует над ним и даже враждебна ему. Отчуждение связано в первую очередь с фетишизацией социокультурных отношений, которым приписываются такие социальные характеристики, которыми они не обладают, а мир культуры становится при этом не только чуждым, но и враждебным личности. Данный

процесс свойственен также и для духовной жизни общества, он охватывает как производственную, так и непроизводственную сферы деятельности и разнообразные формы идеологического давления.

Человек, «заброшенный» в потребительское общество, не может по достоинству оценить усилия прошлых поколений, не чувствует ответственности за нынешнее, за сохранение и приумножение достояний своих предков. Такая неуравновешенность прав и обязанностей дезорганизует его, отрывает от истинной сущности жизни, в которой всегда есть непредсказуемость, угрозы, отрешенность. Воплощением противоречивой сущности человеческой жизни стало формирование нового типа личности, который по-разному называют исследователи – «человек самодовольный», «человек массы», «одномерный человек». Тотальное доминирование ценностей технократической рациональности является одной из форм дегуманизации современного социума. Технократизм, по мнению ведущих современных философов, остается основным социокультурным фактором дегуманизации и отчуждения. Научно-технический прогресс в корне изменил современный мир, «техническая рациональность» формируется как особая мировоззренческая парадигма. Современный научно-технический прогресс давно уже приобрел самостоятельные, враждебные формы развития, разрушающие человека, его индивидуальность, отчуждающие личность от сущностных потребностей через «массовый обман» – массовую культуру современного общества.

В социокультурном пространстве всегда существуют определенные формы отчуждения, которые неизбежны в силу разрыва социокультурных и духовных традиций. Освоение социокультурной традиции и ее главного духовно-мировоззренческого «ядра» позволяет человеку стать личностью и закрепить умения и навыки, с помощью которых он может найти эффективные формы взаимодействия с социокультурной средой и гармонизации своего внутреннего мира для предупреждения самоотчуждения. Основой этого процесса является

сознательная интенция на освоение традиции как главной (наряду с творчеством) ценности культуры. Освоение культурных традиций предыдущих поколений позволит возродить и сохранить русскую духовную культуру, а стремление российского общества к переменам должно получить поддержку в духовном и социокультурном пространстве.

В рамках Киевской философско-антропологической школы 1980-х годов разрабатывался и ряд других экзистенциально-антропологических категорий, в частности категории «мир», «мир человека» и «целостность», в первую очередь в работах В.П. Иванова [8]. Еще одной важной для этой школы была категория коммуникации, которая трактовалась особым образом – как подлинное содержание человеческой практики и, соответственно, понимание самой практики не только как предметной деятельности, но и как формы коммуникации. В частности, один из ведущих представителей этой школы В.Г. Табачковский писал о том, что изначально заданная коммуникативность содержания сознания превращается без остатка в «форму» предметного действия, в котором она выражена по отношению к другому субъекту. Поэтому в структуре предметного содержания практики коммуникативность пребывает хотя и в «скрытой» форме, но вместе с тем составляет ее конечную смысловую цель: «Вследствие того что в самой практике коммуникативность ее предметного содержания как бы “растворяется” в орудийности, изначально коммуникативность предметного содержания сознания оказывается скрытой» [9, с. 30–32]. Тем самым, *человеческую* практику от животной жизни отличает именно то, что она всегда опосредована идеально-смысловыми моделями и коммуникативными процессами. И наоборот, коммуникативные процессы всегда так или иначе «растворены» в практике, являются ее «смысловой» частью.

«Центральной» фигурой поздней советской философии был М.К. Мамардашвили, который также разрабатывал целый ряд антропологических категорий-экзистенциалов, главной из которых была категория сознания. Исследуя

феномен сознания, он считал ключевыми категориями символа, пути, и «второго рождения» как экзистенциального процесса. В частности, в «Лекциях о Прусте (психологическая топология пути)» он дал определение этой специфики как «тему пути, который стоит проходить и который несет на себе отпечаток смертного пути... философы считают, что без символа смерти, без того, чтобы жить в тени этого символа, – ничего нельзя понять, ничего нельзя в действительности испытать» [10, с. 15–16]. Это символ «второго рождения»: «люди не рождаются биологическим способом, а лишь проходя путь, становятся или не становятся людьми», отсюда возникает «религиозный образ второго рождения» [10, с. 26]. В свою очередь, важную для его концепции категорию символа М.К. Мамардашвили определял следующим образом: «существует такая категория фактов и явлений, которые в принципе нельзя знать, хотя о них могут говорить знаки... то, чего нельзя знать, как раз и есть *procreateur*, рождающее» [10, с. 466].

Прохождение через такие состояния, фиксируемые в базовых символах культуры, символически определяется как «второе рождение». Символ прохождения через смерть как «новое рождение» является базовым архетипом человеческой культуры. Как писал об этом психолог А.А. Пузырей, также в позднесоветский период совершивший «выход» на эту экзистенциальную и антропологическую проблематику, «известная во всех эзотерических духовных движениях основная трехчленная формула работы над собой, гласящая: пробудиться – умереть – родиться, реализуется в терминах матрицы основных состояний... умирание и есть высвобождение места для прихода и действия силы, преобразующей ветхого человека в нового человека, что ведет к подлинному исцелению, т. е. восстановлению цельного, полного “человека в человеке”... это рода душевная и духовная работа, которую выполняет человек, преодолевая кризисную ситуацию, – и есть в наших словах прохождение через “маленькую смерть” в направлении “второго рождения”» [11, с. 175]. Архетипический смысл переживания символи-

ческой смерти для духовного воскресения человека в новую жизнь является базовым для его экзистенциального становления, хотя он и по-разному реализуется в разных типах культур и цивилизаций. В архаических культурах прямо и непосредственно «второе рождение» осуществлялось в обрядах «инициации». В современной цивилизации таких обрядов нет, и их функцию берет на себя культура. Однако она уже не гарантирует того, что «второе рождение» произойдет – это теперь результат личного усилия.

М.К. Мамардашвили в цитируемой работе исследует «механизм» и таинство «второго рождения» как результат работы с общекультурными символами, на основании которых, в частности, построены художественные произведения и философские тексты. Он пишет: «путешествие, которое проделывается у Данте, в действительности – символическое путешествие... в глубины своей собственной души. Там – и Ад, и Рай, и Чистилище... это символы, указывающие на то, что мы должны сделать, чтобы суметь в это путешествие отправиться» [10, с. 19]. Тем самым исследуемая в его работах символическая «топология пути» представляет собой экзистенциальную антропологию, построенную на герменевтике ключевых символов культуры в качестве экзистенциалов, порождающих в человеке новые содержания сознания – которые, однако, становятся «новыми» только для него лично, но на самом деле являются самыми архаическими смыслами культуры.

Стоит также кратко рассмотреть наследие Г.С. Батищева, который внес важные инновации в разработку экзистенциальных категорий в поздний период своего творчества, когда он стал православным мыслителем, хотя и продолжал писать на языке своей философской среды. Так, в выступлении на круглом столе «Жизнь и смерть: загадки и противоречия» (1989) ярко он концептуализировал категорию смерти в том же смысле, о котором говорил и М.К. Мамардашвили. Поскольку этот текст Г.С. Батищева остался малоизвестным и не публиковался после его смерти, то стоит привести

здесь ряд интересных выдержек. Он говорил: «умирание происходит, увы, очень часто при продлении физической жизни, ролевого функционирования, имитации и мимикрии под жизненность. Но на самом деле под личиной живого человека ходит лишь социализированный организм» [12, с. 32–33]. Парадокс состоит в том, что для того, чтобы родиться в подлинную жизнь, нужно умереть для жизни неподлинной – но этот процесс, растянутый на всю земную жизнь, в культуре дан в формах «инициации», которые его моделируют и ускоряют.

Общий принцип «запуска» процесса «инициации» на уровне волевых и культурных интенций человека Г.С. Батищев определяет так: «чем богаче инаковыми образами личностный культурный мир человека, чем глубже его онтологическая укорененность... В нем становится все больше и больше того, что поистине “тлена избежит”, ибо достойно этого» [12, с. 33–34]. Таким образом, «ключ» к «новому рождению» лежит в «инаковых образах личности», инаковых по отношению к моему смертному его, которые нужно найти и которым нужно открыться. Эти образы в культуре разнообразны, высший из них – образ Христа.

Г.С. Батищев определял экзистенциал смерти как особый смысловой «топос» сознания, который уничтожает все, недостойное вечной жизни, следующим образом: «Продления было бы достойно только то время жизни, которое... какой-то степени приобщается к надвременному, вечному» [12, с. 34–35]. Таким образом, смерть как особая экзистенциальная категория сознания (в отличие от смерти тела как эмпирического факта биографии) – это точка перехода воли человека от позиции смертного его к осознанию бессмертия души. Г.С. Батищев определил феноменологию такого перехода к осознанию бессмертия в ходе философской рефлексии следующим образом: «Суть дела не в том, чтобы отыскать “рецепт бессмертия” для того в нас, что достойно уничтожения и прехождения, а в том, чтобы в конечных границах выйти на уровень приобщенности и сопричастности беспредельным, абсолютным смысло-

вым содержаниям и вместить их претворение в здесь-и-теперь» [12, с. 35–36]. Откуда же в человеке могут появиться такие вечные и беспредельные содержания? Это возможно только в результате приобщения к живой религиозной традиции. Сам Г.С. Батищев крестился в православие в конце жизни под именем Иоанн и ездил к духовнику – старцу Псково-Печерского монастыря, продолжая работать в Институте философии Академии наук Союза Советских Социалистических Республик вплоть до своей смерти в 1990 году. Похожий путь прошли многие философы позднего советского времени. В этом смысле можно сказать, что в анализируемый период русская философия вернулась к своей исконной религиозной традиции и продолжила труд ученых Серебряного века.

Религиозный опыт как тип познания был изначальным предметом исследования философии с самого момента ее исторического возникновения – т. е. намного раньше, чем изучение специфики познания научного, художественного, нравственного и обыденного. В классической философии, начиная с древности, познание Бога всегда было высшим предметом познания как такового, к которому восходил разум путем своего развития, преобразования и очищения. В наше время многие философские направления, возникшие на Западе, не рассматривают религию как тип познания в силу того, что исходят только из крайне ограниченного опыта секулярного человека. К чести русской философии, для нее религия всегда была и остается главным предметом исследования, а религиозное познание – высшим типом опыта и познания. Содержательные аспекты религиозного познания как в высших его проявлениях, так и на начальных стадиях зарождения и преодоления «духовной слепоты» позволяют сделать вывод о его онтологической основе, поскольку этот тип познания является актуализацией внутренних структур человеческой субъектности, а также предполагает необходимость личностного усилия как главного условия этой актуализации. Основа религиозного познания всегда – особое экзистенци-

альное состояние нравственного и духовного усилия, которое в христианской терминологии называется «подвиг».

Рассмотренный спектр антропологических категорий (экзистенциалов), которые разрабатывались в поздней советской философии, позволяет сделать вывод о ее общем тяготении, с одной стороны, к экзистенциальной проблематике как таковой, а с другой – к спонтан-

ному возрождению элементов христианского сознания на основе нового духовного и интеллектуального опыта кризиса секулярного сознания. Поэтому можно сказать, что именно в исследуемый период были заложены основа и модель последующего развития оригинальной российской философии, которая уже в XXI веке приобрела более разнообразные и развитые формы.

Список литературы

1. Пуцаев Ю.В. Философия советского времени: М. Мамардашвили и Э. Ильенков (энергии отталкивания и притяжения): моногр. М.: РАН. ИНИОН, 2018. 356 с.
2. Замалеев А.Ф. О советской философии // Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 6: Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения. 2004. Вып. 2. С. 4–8.
3. Мотрошилова Н.В. Отечественная философия 50–80-х годов XX века и западная мысль. М.: Акад. Проект, 2012. 376 с.
4. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Вопр. философии. 1989. № 9. С. 116–165.
5. Категориальная структура научного мировоззрения // Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики / отв. ред. В.И. Шанкарук, А.Я. Яценко. Киев: Наукова думка, 1981. С. 11–25.
6. Сущность мировоззрения. Научное мировоззрение как его высший исторический тип // Научное мировоззрение и социалистическая культура / отв. ред. В.И. Шанкарук, В.П. Иванов. Киев: Наукова думка, 1988. С. 21–47.
7. Шинкарук В.І. Віра, надія, любов // Віче. 1994. № 3. С. 144–152.
8. Даренский В.Ю. Парадоксы целостности человека в наследии Киевской философско-антропологической школы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2017. № 5. С. 67–77. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2017.5.67](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.5.67)
9. Категориальность мировосприятия и структура практики // Категориальные структуры познания и практики / отв. ред. В.Г. Табачковский. Киев: Наукова думка, 1986. С. 10–82.
10. Мамардашвили М. Лекции о Прусте (психологическая топология пути). М.: Ad Marginem, 1995. 550 с.
11. Пузырей А.А. Драма неисцеленного разума // Зоценко М.М. Повесть о разуме. М.: Педагогика, 1990. С. 149–183.
12. Батищев Г.С. Выступление // Жизнь и смерть: загадки и противоречия (По материалам «круглого стола». М., 1989 г.) / сост. И.Н. Михеева. М.: Знание, 1990. С. 32–36.

References

1. Pushchaev Yu.V. *Filosofiya sovetskogo vremeni: M. Mamardashvili i E. Il'enkov (energii ottalkivaniya i prityazheniya)* [Philosophy of the Soviet Era: M. Mamardashvili and E. Ilyenkov (Energies of Repulsion and Attraction)]. Moscow, 2018. 356 p.
2. Zamaleev A.F. O sovetskoy filosofii [On Soviet Philosophy]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 6: Filosofiya, politologiya, sotsiologiya, psikhologiya, pravo, mezhdunarodnye otnosheniya*, 2004, no. 2, pp. 4–8.
3. Motroshilova N.V. *Otechestvennaya filosofiya 50–80-kh godov XX veka i zapadnaya mysl'* [Soviet Philosophy of the 1950s – 1980s and Western Thought]. Moscow, 2012. 376 p.
4. Heidegger M. Osnovnye ponyatiya metafiziki [The Basic Concepts of Metaphysics]. *Voprosy filosofii*, 1989, no. 9, pp. 116–165.
5. Kategorial'naya struktura nauchnogo mirovozzreniya [Categorical Structure of the Scientific Worldview]. Shankaruk V.I., Yatsenko A.Ya. (eds.). *Mirovozzrencheskoe sodержание kategoriy i zakonov materialisticheskoy dialektiki* [Worldview Content of the Categories and Laws of Materialist Dialectics]. Kiev, 1981, pp. 11–25.

6. Sushchnost' mirovozzreniya. Nauchnoe mirovozzrenie kak ego vysshiy istoricheskiy tip [The Essence of the Worldview. Scientific Worldview as Its Highest Historical Type]. Shankaruk V.I., Ivanov V.P. (eds.). *Nauchnoe mirovozzrenie i sotsialisticheskaya kul'tura* [Scientific Worldview and Socialist Culture]. Kiev, 1988, pp. 21–47.

7. Shinkaruk V.I. *Vira, nadiya, lyubov* [Faith, Hope, Love]. *Viche*, 1994, no. 3, pp. 144–152.

8. Darenskiy V.Yu. Paradoxes of Personal Wholeness in the Legacy of the Kiev School of Philosophical Anthropology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2017, no. 5, pp. 67–77. DOI: [10.17238/issn2227-6564.2017.5.67](https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2017.5.67)

9. Kategorial'nost' mirovospriyatiya i struktura praktiki [Categorical Worldview and the Structure of Practice]. Tabachkovsky V.G. (ed.). *Kategorial'nye struktury poznaniya i praktiki* [Categorical Structures of Cognition and Practice]. Kiev, 1986, pp. 10–82.

10. Mamardashvili M. *Lektsii o Pruste (psikhologicheskaya topologiya puti)* [Lectures on Proust (Psychological Topology of Path)]. Moscow, 1995. 550 p.

11. Puzyrey A.A. Drama neistselennogo razuma [The Drama of the Unhealed Mind]. Zoshchenko M.M. *Povest' o razume* [A Tale of Reason]. Moscow, 1990, pp. 149–183.

12. Batishchev G.S. Vystuplenie [A Speech]. Mikheeva I.N. (comp.). *Zhizn' i smert': zagadki i protivorechiya* [Life and Death: Riddles and Contradictions]. Moscow, 1990, pp. 32–36.

DOI: 10.37482/2687-1505-V278

Vera N. Darenskaya

Lugansk State Pedagogical University;
ul. Oboronnaya 2, Lugansk, 291011;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4839-4734> e-mail: vera_darenskaya@mail.ru

ANALYSIS OF EXISTENTIALS AS ANTHROPOLOGICAL CATEGORIES IN LATE SOVIET PHILOSOPHY

The article deals with the analysis of existentials as anthropological categories in late Soviet philosophy. A number of key categories and authors who developed them are highlighted. It is shown that during the 1970s and 1980s, Soviet philosophers autonomously studied the problem of understanding a person, which is called existential. Being isolated from Western schools of thought, Soviet philosophers followed an independent and original path in the analysis of existentials. Therefore, these texts have not lost their significance as examples of that independent philosophy, which is based on real spiritual and intellectual experience. The concepts of spiritual feelings by V.I. Shinkaruk, practices as a special form of communication by V.G. Tabachkovsky, the philosophy of “second birth” by M.K. Mamardashvili and the existential of spiritual death as interpreted by G.S. Batishchev represent original achievements of Soviet philosophy that have no direct equivalents in Western philosophy of the 20th century. They were based on a deep and specific spiritual experience of living in a secular culture. The considered range of anthropological categories (existentials), which were developed in late Soviet philosophy, allows us to conclude that the latter generally gravitated, on the one hand, towards existential problems as such and, on the other, towards a spontaneous revival of elements of Christian consciousness on the basis of a new spiritual and intellectual experience of the crisis of secular consciousness. Therefore, it can be said that it was during this period that the foundation and model for the subsequent development of the original Russian philosophy were established, which in the 21st century assumed more diverse and developed forms.

Keywords: existentials, anthropology, anthropological categories, late Soviet philosophy, V.I. Shinkaruk, V.G. Tabachkovsky, M.K. Mamardashvili, G.S. Batishchev.

Поступила 03.04.2023

Принята 10.08.2023

Опубликована 22.09.2023

Received 3 April 2023

Accepted 10 August 2023

Published 22 September 2023

For citation: Darenskaya V.N. Analysis of Existentials as Anthropological Categories in Late Soviet Philosophy. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V278

УДК [122/129+32]:37

DOI: 10.37482/2687-1505-V272

МАКУЛИН Артем Владимирович, доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 62 научных публикаций, в т. ч. трех учебных пособий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650>

МИРЕЛЛИ Морис Александрович, аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 5 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1796-7109>

ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В НАУКЕ И ОБРАЗОВАНИИ: СОЦИАЛЬНО-ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются социально-эпистемологические функции науки, научного сообщества и системы образования как важнейших элементов «мягкой силы». Дана социально-философская интерпретация понятия «мягкая сила» в его преломлении через призму социальной эпистемологии. Выявлены фундаментальные структурно-функциональные особенности указанного феномена, берущего свое начало из современной специфики цивилизационного взаимодействия, фундированного повесткой глобализации и становлением информационного общества. Результаты исследования показывают наличие методологических затруднений в интерпретации роли науки в ситуациях проявления и применения «мягкой силы» по той причине, что наука и имманентная ей система образования традиционно рассматриваются как общеуниверсальная познавательная деятельность человечества по получению и распространению новых знаний и не могут быть напрямую редуцированы к инструментам политического влияния. Однако в статье также отмечается, что научные сообщества и результаты их деятельности действительно используются как «мягкая (умная) сила», направленная на контролируруемую трансформацию глобальных геополитических субъектов. В качестве новых условий функционирования науки и образования как элементов «мягкой силы» в системе цифровой глобализации рассматриваются не только проблемы когнитивного капитализма, трагедии антиобщин, утечки умов, но и стратегии российской науки и образования по формированию когнитивного суверенитета Российской Федерации. Цель статьи состоит прежде всего в изучении социально-эпистемологического значения «мягкой силы» в процессах трансформации роли науки и образова-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: a.makulin@narfu.ru

**Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: moris.mirelli@yahoo.com

Для цитирования: Макулин А.В., Мирелли М.А. Глобальные векторы «мягкой силы» в науке и образовании: социально-эпистемологические аспекты // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 92–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V272

ния, с одной стороны, и геополитического взаимодействия глобальных игроков – с другой. Методология исследования выстроена на основе идей историзма, социальной эпистемологии и сложности открытых социальных систем, теоретического анализа социально-политологической и социально-философской литературы. В конце статьи намечены пути создания новой интерпретации проявления феномена «мягкой силы» в сфере науки и образования.

Ключевые слова: «мягкая сила», рефлексивное управление, наука, система образования, социальная эпистемология, когнитивный суверенитет, инструменты политического влияния.

Социально-эпистемологическая рефлексия функционирования и трансформации знания, детерминированного социальными факторами, чрезвычайно неоднородна как в методологическом, так и в предметном плане.

Несмотря на известный «кризис фрагментации» современного обществознания, на фоне теоретического разнообразия особую тематическую значимость приобретают наука и образование, причем они осмысливаются и практикуются уже не столько в классическом смысле как институты производства знаний посредством образования, имеющие полезные приложения в социальной реальности, сколько как «мягкая сила» [1–4], механизм мощного влияния на межгосударственном уровне, как важнейший инструмент конкурентной борьбы цивилизаций в условиях так называемого когнитивного капитализма.

Данная разновидность капитализма, как известно, предполагает, что знание, технологии и образование становятся доминантой в процессе накопления капитала, причем именно знание является основным источником стоимости. В связи с этим особую значимость приобретает феномен «мягкой силы», особенно если учесть, что в Российской Федерации (РФ) период с 2021 по 2031 год был объявлен «Десятилетием науки и технологий», которое включает в себя комплекс инициатив, проектов и мероприятий, направленных на усиление роли науки и технологий в решении важнейших задач развития общества и страны, обеспечении ее когнитивного суверенитета.

Понятие «мягкая сила» впервые зафиксировал в научном дискурсе в 1990 году американ-

ский политолог Джозеф Най. Данное понятие, построенное на акцентировании внимания на феномене специфического «мягкого», но не становящегося от этого менее эффективным воздействия в международных отношениях, можно назвать поворотным пунктом в истории становления множества социально-политических и социально-философских интерпретаций взаимодействия культур, народов и цивилизаций, геополитических игроков в условиях всевозможных дилемм.

Дж. Най пишет о «мягкой силе» следующее: «“Мягкая” сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек... Соблазн всегда эффективнее принуждения, а такие ценности, как демократия, права человека и индивидуальные возможности, глубоко соблазнительны. Но влечение может обернуться и отвращением, если в политике чувствуется надменность или лицемерие» [5].

В целом суть «мягкой силы» сводится к тому, что «мягкое» управляемое информационное взаимодействие, одностороннее или предполагающее обратную связь, признается более результативным и эффективным, чем применение «жесткой силы», т. е. использование классических открыто принудительных экономических, политических и даже военных мер воздействия как на внутреннюю социальную структуру, так и на внешние объекты, в частности, например, на геополитического оппонента.

Значимость феномена «мягкой силы» отражается в ежегодных глобальных мониторингах, ранжирующих страны по степени влияния на международную систему с помощью данно-

го инструмента. В июле 2015 года международная консалтинговая компания Portland опубликовала рейтинг «мягкой силы» государств мира под названием The Soft Power 30 [6]. Согласно его результатам, Великобритания была мировым лидером с точки зрения «мягкой силы», за ней следовали Германия и Соединенные Штаты Америки (США). Китай занял 30-е место в данном рейтинге, Россия же не попала в первую тридцатку [7]. Примечательно, что в 2021 году, согласно рейтингу от компании Brand Finance, Россия уже находилась на 9 месте, но была после начала специальной военной операции (СВО) [8].

Как показала историческая практика, в условиях соревнования глобальных планов-альтернатив мироустройства, отчетливо проявившихся в XX столетии, принципиальным в феномене «мягкой силы» являлось то, что он представлял собой «игру в долгую» и ориентировался не на сиюминутный результат, но на стратегическую отдаленную цель максимального контроля и управления объектом, т. е. на процедуры длительного, системного, всеохватывающего целенаправленного воздействия на выбранную цель, т. е. на так называемую игру с нулевой суммой, подразумевающую выигрыш одной стороны с полным проигрышем другой. «Мягкая сила» как воздействие государства или группы государств на другую державу осуществлялось по всем направлениям, задевая в объекте воздействия его культуру, экономику, политику, язык, социально-историческую память и образы самовосприятия, искусство, моду, науку, воспитание и образование будущих поколений, мировоззрение, оборону, безопасность, идеологию, религию, т. е. «генетические» основания деятельности, жизнедеятельности, роста и воспроизводства конкретной культуры-цивилизации. Древняя китайская мудрость описывает этот процесс более лаконично: «Хочешь победить своего врага – воспитай его детей».

По большому счету, «мягкая сила» является разновидностью рефлексивного управления объектом: когда воздействие производится за счет специальным образом подготовленной информации, передаваемой управляемой стороне; когда объект управления ошибочно считает себя субъектом и полагает будто может принимать независимые решения; в реальности управляемый всегда сделает тот выбор, который уже подготовлен управляющим, т. е. исполнит навязанный ему алгоритм действий.

Как известно, основы теории рефлексивного управления были заложены советским философом В.А. Лефевром, который рассматривал данный тип управления «как воздействие на субъектов, склоняющее их принять решения, заранее подготовленные управляющей стороной» [9, с. 72].

Значительную роль процедура рефлексивного управления и «мягкая сила» играют в международной коммуникации, причем «мягкое» и взвешенное управление именно наукой, научным сообществом и образованием является ключом к выигрышной стратегии в гонке технологий и инновационного развития любой страны.

Отвечая на вопрос о соотношении «мягкой силы» и науки, следует сказать несколько слов о природе последней. В некоем универсальном смысле, обозначенном в свое время Р. Мертоном в знаменитой концепции «этоса науки» [10], декларирующей общие принципы деятельности для всех ученых мира, наука на первый взгляд стоит в стороне от политики, т. е. стремится к высоким идеалам: универсализму, коммунизму, бескорыстности, организованному скептицизму¹. Однако внимательное изучение роли «мягкой силы» показывает, что наука не может остаться в стороне как от политики, так и геополитики. Не может она этого сделать по той причине, что научно-технические революции, несомненно, оказали фундаментальное

¹CUDOS по первым английским буквам каждой из них: C – Communism + U – Universalism + D – Disinterestedness + OS – Organized Skepticism.

воздействие на военную мощь государств и их экономическую конкурентоспособность.

Несмотря на то, что науке как феномену присуща некая внутренняя этическая гармония, заключающаяся в благородном коллективном стремлении всех ученых к истине и в том, что интересы научного мирового сообщества в целом и конкретного ученого в конкретной стране в конечном счете совпадают, нельзя при всем этом не учитывать, что вполне общим интенциям ученых сопутствует множество явлений политической жизни (см. Оксфордская группа, дело Пеньковского и др.). Передовая наука всегда вовлечена в государственную политику, государственную повестку – зачастую процветание данной области является прямым следствием заботы государства. Развитие науки в конкретной стране всегда связано с такими явлениями, как научная дипломатия, научный и технический шпионаж, утечка мозгов. Не секрет, что сама наука в современном однополярном мире имеет как бы два лица, первое ассоциируется с некой коллективной западной наукой, которая на протяжении длительного времени была локомотивом всей мировой науки. Второе лицо – это национальные науки, в частности различные альтернативные проекты, наиболее ярким из которых была советская наука. После крушения Союза Советских Социалистических Республик (СССР) мир в известном смысле стал однополярным, общее экономическое разделение на капитализм ядра, метрополии (Запад) и капитализм окраин (сырьевые экономики и сырьевые колонии) не могло не сказаться на российской науке. В связи с этим ученые стали говорить о так называемых научной метрополии и научных колониях [11], т. е. о ситуации, когда развитые в экономическом, инфраструктурном и техническом планах государства подобно магниту вытягивают из других стран за счет различных грантовых программ самых талантливых и перспективных исследователей, практиков и изобретателей, оставляя в них жалкий минимум, гарантирующий только поддержание процесса воспроизводства тривиальных хронически недофинансированных наукообразных структур, не способных

оказать решающее воздействие на научно-техническое развитие данных стран. Общим ориентиром для ученых из сырьевых колоний становится выражение: «Рыба ищет где глубже, а человек – где лучше». Патриотически настроенные гении-одиночки с трудом исправляют недостатки и перекосы, изобретая и внедряя что-либо новое скорее вопреки, чем благодаря.

В этом смысле развивающиеся страны оказываются в буквальном смысле интеллектуально и когнитивно обезоруженными, т. к. те, кто что-либо мог придумать, изобрести или внедрить, делают это в другой стране. Вполне красноречиво о данном факте писал З. Бжезинский: «Фундамент растущих геополитических амбиций Америки обеспечивался быстрой индустриализацией страны... Такой замечательной динамике экономического роста способствовала культура, поощрявшая эксперименты и новаторство. Американские политические институты и свободная рыночная экономика создали беспрецедентные возможности для амбициозных и не имеющих предрассудков изобретателей... Короче говоря, национальная культура уникальным образом благоприятствовала экономическому росту, привлекая и быстро ассимилируя наиболее талантливых людей из-за рубежа, она облегчала экспансию национального могущества» [12, с. 15].

Примечательна в этом плане работа с кричащим названием «Lonely Ideas: Can Russia Compete?» (Одинокие идеи: может ли Россия конкурировать?) американского исследователя российской и советской науки Л. Грэхэма. Он, удивляя в некотором смысле западного читателя (о чем он сам пишет), заявляет на страницах своей книги, что россияне в XIX и XX веках действительно были пионерами в подавляющем числе передовых технологий, однако, будучи первопроходцами практически во всех направлениях науки (от первого в континентальной Европе паровоза и первого в мире тепловоза до первой в Европе электронной вычислительной машины и космических технологий), они не смогли довести дело от изобретения до инновации, т. е. до лидерства на международном

рынке высоких технологий. Вспоминая свою поездку Россию в 2010 году, Л. Грэхем приводит пример дискуссии между американскими представителями Массачусетского технологического института (MIT) и российскими учеными, выявляя разницу в менталитете: «Российские же коллеги постоянно возвращались к самим технологиям: как создать нечто “лучшее в мире” в области высоких технологий? В конце концов менеджер MIT раздраженно выпалил: “Вы хотите получить молоко без коровы!” Это утверждение отражает огромную проблему, перед которой стоит Россия. Чтобы стать ведущим участником международного рынка высоких технологий, стране необходимо реформировать свое общество. Ее проблеме – добиться ведущего положения в области высоких технологий – теоретически решить можно, но на практике это чрезвычайно сложно» [13, с. 161–162]. По иронии судьбы в 1991 году Россия уже меняла общественный строй с известными разрушительными последствиями, но оказывается, что в 2010 году, по мнению Л. Грэхэма, процедуру необходимо было повторить вновь.

В этом фрагменте выявляются фундаментальные позиции науки как «мягкой силы», которую используют для далеко идущих политических и социальных планов.

Понятно, что в данном историческом явлении мы можем увидеть проявление эффектов «мягкой силы». Само собой разумеется, что борьба и конкуренция имманентны общественным отношениям, так же как и сотрудничество. Знаменитый «гераклитовский полемос», являющийся отцом всего: «Следует знать, что война всеобща и правда – борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости» [14, с. 48], конечно, стал неотъемлемой чертой социальной динамики, – но конкуренция, опять же, может быть всего лишь средством для достижения новых форм сотрудничества, новой гармонии для общества грядущего. Именно об этом писал Р. Аксельрод, автор знаменитой работы «Эволюция сотрудничества» [15], в рамках которой он показал, что пролонгированное, т. е. не заканчивающееся в некоем доступном

и обозримом будущем взаимодействие вынуждает конкурирующие стороны отказываться от стратегии предательства в пользу сотрудничества, т. е. последнее более выгодно даже при том условии, что конкурирующие стороны всегда остаются эгоистичными в преследовании собственных интересов, т. е. максимизации выигрыша и минимизации проигрыша.

Анализируя вопросы использования науки и научного сообщества в качестве «мягкой силы», а также, соответственно, ее применения для привлечения науки и ее плодов к защите национальных интересов, нельзя забывать о фундаментальном противоречии в развитии современной мировой науки в условиях, по большому счету, рыночных отношений. Последние определяют два важнейших аспекта: проблему открытых данных и так называемую трагедию антиобщин.

Речь, конечно, идет об «открытых научных данных» (см. *Dataverse Network*, *Figshare*) и трагедии антиобщин. Говоря в целом, многовековая мечта философов, просветителей и гуманистов о том, что однажды наука и знание смогут решить все беды человечества, наталкивается на так называемую трагедию антиобщин, модель социального взаимодействия, производимую от «трагедии общин». Если в последней речь идет о ситуации, когда пользователи коллективного и общедоступного блага сталкиваются с тем, что этот ресурс всегда истощается, т. к. им пользуются все, но он никому не принадлежит и не на кого возложить ответственность (см. «трагедия общинного поля», «трагедия общинных владений», «трагедия ресурсов общего пользования»). В науке, в свою очередь, складывается другая ситуация, так называемая трагедия антиобщин. «На конференции *Science Commons*, посвященной открытым данным (Вашингтон, 2006), было указано, что защита данных в таких областях, как биотехнология, приводит к возникновению трагедии антиобщин: необходимость получения лицензий от значительного числа их владельцев делает исследования в этих областях экономически невыгодными» [16, с. 132] (см. *таблицу*).

ТРАГЕДИИ ОБЩИН И АНТИОБЩИН

TRAGEDIES OF THE COMMONS AND ANTICOMMONS

	Неконкурентные	Конкурентные
Неисключаемые	ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА государственная оборона	ОБЩИЕ РЕСУРСЫ пресная вода <u>трагедия общин</u>
Исключаемые	КЛУБНЫЕ БЛАГА телефонная связь (неперегруженная) <u>трагедия антиобщин</u>	ЧАСТНЫЕ БЛАГА товар <u>трагедия антиобщин</u>

Сущность данной модели лучше всего выразить в табличной-матричной форме [17], когда заданные условия определяют эсхатологически конечное количество вариаций развития событий.

Сущность трагедии общин, т. е. явления, связанного с фундаментальным противоречием между личными интересами и общественным благом, заключается в том, что все блага, которыми пользуется человечество, можно разделить на «исключаемые» и «неисключаемые», к первым имеют доступ те, кто способен заплатить за их использование, и наоборот. Также блага делятся на конкурентные и неконкурентные: в первом случае ими может воспользоваться ограниченный круг лиц, второй вид предполагает общедоступность данных благ. Следовательно, трагедия общин проявляется везде, где речь идет об исключительном праве пользования.

Итак, если мы говорим о роли научных открытий и научной коммуникации в современном мире рыночной конкуренции и «собственности на знания», т. е. необходимости «получения лицензий от их владельцев», становится невыполнимой идея (мечта) классического просветительского дискурса в отношении критики «собственности на истину», выраженная многими мыслителями и особенно колоритно высказанная М. Монтенем: «Истина и доводы разума принадлежат всем, и они не в большей мере достояние тех, кто высказал их впервые, чем тех, кто высказал их впоследствии» [18, с. 196].

Учитывая наметившиеся и стремительно развивающиеся тенденции разрушения однополярного мира, базировавшегося на незы-

блемости «рыночных механизмов» и «конца истории» (Ф. Фукуяма), следует ожидать в ближайшем будущем распад технологического мира на национальные сегменты. Условно такие сегменты можно назвать «западным», «китайским» или «российским». Понятно, что делится прорывными технологии навряд ли предполагается, т. к. это приведет к усилению одних и ослаблению других. Следовательно, обладать «мягкой силой» в форме привлекательной передовой науки смогут те страны, которые овладеют элементами технологического и цифрового суверенитета. Те, кто не сможет / кому не позволят обладать этим суверенитетом, будут технологически и, как следствие, культурно поглощены и навсегда утратят компетенции международной политической субъектности.

Примечательна также и роль самого научного сообщества как элемента «мягкой силы». Как известно, существует множество интерпретаций данного феномена [19]. По-видимому, одна из наиболее популярных связана с работой Т. Куна «Структура научной революции», объединяющей понятие научного общества с проблемами «экстраординарной», или «революционной» науки, решением концептуальных или инструментальных «головоломок», «парадигмами», т. е. господствующими образцами решения научных проблем.

Таким образом, попытка понять роль научного сообщества как элемента «мягкой силы» на современном уровне развития мировой науки связана с ответом на вопрос о его социально-эпистемологической природе. Не секрет, что,

несмотря на постоянную эволюцию наука в отдельных своих эманациях, в частности в сфере всего того, что относится к естественному, техническому и точному блоку наук, в известной степени, несмотря на смену парадигм и постоянную работу преобразователей парадигм, все же тяготеет к некой общей парадигме, выражающейся в математической формализации, экспериментальной проверяемости теорий, цифровизации, конвенционально принятых процедурах демаркации научных знаний от ненаучных. Напротив, гуманитарная составляющая мировой науки за редким исключением (логические исследования) продолжает находиться в условно «беспарадигмальном» состоянии, состоянии «брожения умов» и формально делится на два лагеря, один из которых черпает свое концептуальное понимание из либеральной модели и «либеральных аксиом» («невидимая рука», «конец истории» Ф. Фукуяма), другой – опирается на духовные основания, традиции, национальные интересы, глокализацию.

Понятно, что векторы «мягкой силы», связанные с фундированием влияния науки на геополитические процессы, были разнонаправлены по своему идейному приложению, особенно в условиях так называемой холодной войны. Так, статус советской науки всегда декларировался как научно-технический и идеологический базис советской цивилизации, устремленной коммунистическое будущее. Западная наука на протяжении нескольких десятилетий идейно декларировала академические свободы, сетевую природу взаимодействия ученых, что не всегда соответствовало действительности, если речь шла о разработках, связанных с национальной безопасностью или стратегическими интересами, а в последнее время и вообще стали появляться работы, доказывающие крах академических свобод в западном научном обществе (Н. Хомский). Стоит хотя бы вспомнить успехи советских ученых в космических исследованиях, чтобы понять роль научно-технического фактора в международных политических отношениях. Сравнение разных типов интеллектуальной деятельности в разных социальных

системах часто проходило с использованием дихотомических штампов: изоляционизм – космополитизм; закрытое общество – открытое общество; национализм – интернационализм и т. д.

Полемично выглядит на этом фоне фраза А.П. Чехова: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука» [20, с. 43]. Возникает нетривиальный вопрос: может ли быть у ученого национальность или он обязан быть космополитом? Особенно это касается ситуации, когда его собственная страна находится в уязвимом положении: будучи космополитом, исследователь в большинстве случаев вынужден будет работать на транснациональные компании и мегакорпорации, которые в свою очередь в лучшем случае управляются несколькими олигархическими группами или банально группой лиц, принимающих монопольные решения. С А.П. Чеховым, правда, можно согласиться только в том, что не может быть именно эпистемологического суверенитета, т. е. действительно сложно представить себе этническую физику или национальную математику, но также понятно, что когнитивный суверенитет (национальные стратегии науки и образования) все же должен существовать, в противном случае все культуры и цивилизации абсолютно одинаково бы осваивали науку и технологии, имели бы одинаковый прогресс в гонке за знаниями и инновациями.

Немаловажное значение для проявления «мягкой силы» государства в научной дипломатии на международном уровне имеет и система образования конкретной страны. Она в значительной степени представляет из себя кита, на котором строится процветание государственной машины. Очевидно, что стабильно функционирующий механизм образовательной системы позволяет государству достигать высочайших результатов и процветания.

В условиях проектов по всеобщей цифровизации и вызовов, декларируемых «Индустрией 4.0.», существенно трансформируется понимание роли образования как элемента «мягкой силы». Планируемые трансформации фиксируются в так называемых атласах профессий бу-

дущего². Наряду с ответами на вопрос: «Работа будущего – какой она будет?», приводятся также и «профессии-пенсионеры», т. е. устаревающие интеллектуальные и рабочие специальности. Стратегии образования в конкретных странах проходят под разными лозунгами: от формирования всесторонне развитой личности и «грамотного потребителя» до WorldSkills Russia – российского движения, входящего в международную организацию WorldSkills International (WSI). Дистанционное образование занимает существенную нишу, вытесняя «аналоговое».

Говоря о «мягкой силе» в образовании прежде всего, видимо, следует иметь в виду феномены «экспорта образовательных услуг» и «мягкой мощи» обменных программ [21]: первый связан с конкурентоспособностью российского образования на международном рынке образовательных услуг, второй – с идеологическим сопровождением академической мобильности студентов. Не секрет, что если «экспорт российских образовательных услуг» базируется на авторитете российского образования, выработанном еще в советские времена (особенно это касается математического и естественно-научного блока), то обменные программы до некоторого времени базировались на опасном для когнитивного суверенитета страны явлении – утечке талантов, когда студенты и специалисты официально уезжали в западные страны на стажировку с целью приобретения навыков и знаний, необходимых для развития и модернизации собственной страны, но по факту попадали в условия, когда талантливая их часть переманивалась на работу в западные компании или идеологически переформатировалась. Недавнишняя ситуация с СВО показала, что западные вузы активно разрывают отношения с российскими учебными заведениями, отчисляют российских студентов, ущемляют их в правах в связи с новой политической обстановкой, хотя, казалось бы, университетская и сту-

денческая жизнь должна быть индифферентна к политике. «11 апреля 2022 года члены BFUG приняли решение приостановить представительство России в Болонской системе. 24 мая министр образования РФ Валерий Фальков назвал Болонскую систему “пережитым этапом” для страны и заявил, что Россия создаст собственную модель высшего образования»³.

Примечательно, что с проблемой утечки талантов сталкивался и сталкивается по сей день Китай, активно занимающийся привлечением репатриантов за счет создания социально-экономической и культурной привлекательности для высококвалифицированных кадров.

Анализируя утечку умов в рамках действия «мягкой силы», не следует забывать, что это сложное и многоуровневое явление, определяемое не только геополитическими запросами. Так, утечка умов в современном мире обусловлена переходом ученых из фундаментальных наук в прикладные или даже коммерцию, профессиональной и гражданской идентичностью ученых в рамках глобальной академической мобильности [22], следовательно, утечка мозгов может быть внутренней и внешней. Говоря о внутренней утечке, нельзя забывать об утечке мозгов из регионов России в центр. Концептуальной экспликацией обозначенных выше проблем, конечно, является аксиома, сформулированная еще в 2006 году исследователем В.Н. Шевченко: «периферийный капитализм и достойное место на мировой арене – вещи несовместимые» [23, с. 35].

Говоря о «мягкой силе» в образовании, следует обратить внимание еще на один важный вопрос – где получают высшее образование главы государств, где находилась их альма-матер? Британский Институт политики в сфере высшего образования (Higher Education Policy Institute, HEPI) в сентябре 2021 года дал на этот вопрос вполне точный ответ: «Больше всего глав государств и правительств (65 человек) учились в США. На втором месте рейтинга (57) –

²Атлас новых профессий / под ред. П. Лукши. М.: Олимп-Бизнес, 2015. 216 с.

³Что для России означает отказ от Болонской системы высшего образования // Информ. агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/infographics/9463> (дата обращения: 20.02.2023).

Великобритания. Третья – Франция с 30 выпускниками, возглавившими государства» [24].

Резюмируя вышесказанное, можно подвести определенные итоги. Исследуя потенциал «мягкой силы» на примере функций науки, научного сообщества и образования, следует обратить внимание на то, что характер трансформации их природы и функций в цифровую эпоху, связанных в единую систему, обеспечивающую технологическое и идеологическое преимущество одной политической экономико-политической и социально-культурной системы над другой, не должен отождествляться лишь с внешним социально-экономико-политическим влиянием одной группы геополитических игроков на другие, напротив, он должен трактоваться и интерпретироваться с учетом всего спектра полиэкранный методологии социальной философии, дающей комплексное представление о сложных социально-информационных феноменах и их скрытых потенциалах, а также предельно широкое их описание и объяснение, что позволит надеяться на продуктивное прогнозирование

успешной стратегии России на международной арене за счет многочисленных эффектов «мягкой силы», гарантирует достижение цивилизационных целей с минимальными затратами. Проблема несовместимости трагедии антиобщин и «открытых научных данных» подталкивает глобальных игроков к борьбе за раздел мира на технологические зоны влияния. В ход идут все средства, в т. ч. и те, которые подрывают этические основания науки как общечеловеческой ценности. Сложившаяся после распада СССР система западной культурно-научной гегемонии по классическому типу «метрополия–колонии» завершила свое формирование посредством мировой сети Интернет. Не все международные игроки согласны с существующим порядком вещей. В список стран, выступающих против безальтернативности существующего порядка, входит и Россия, которая способна, если учесть ее вклад в мировую научную копилку знаний и технологий, сформировать конкурентоспособную повестку, одним из способов ее реализации выступают многочисленные средства «мягкой силы».

Список литературы

1. Антюхова Е.А. Образование как «Мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23, № 4. С. 197–209. DOI: [10.15688/jvolsu4.2018.4.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17)
2. Лебедева М.М., Фор Ж. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2009. № 6(9). С. 200–205.
3. Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестн. МГИМО-Ун-та. 2012. № 4(25). С. 85–93.
4. Масич В.А. Наука и образование как инструменты «мягкой силы» // Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2015. № 1. С. 117–125.
5. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Свободная мысль-XXI. 2004. № 10. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (дата обращения: 20.02.2022).
6. McClory J. The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power. Portland, 2015. URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (дата обращения: 20.02.2022).
7. Харитонова Е.М. Рейтинг «мягкой силы» The Soft Power 30. URL: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rejting-myagkoy-sily-the-soft-power-30?ret=640> (дата обращения: 20.02.2022).
8. Vainrauh V. Индекс «Глобальной мягкой силы» Global Soft Power Index 2022: Соединенные Штаты стали лидером. URL: <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/indeks-globalnoj-mjagkoj-sily-global-soft-power-index/> (дата обращения: 20.02.2022).

9. Томас Т.Л. Рефлексивное управление в России: теория и военные приложения // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2, № 1. С. 71–89.
10. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 873, [1] с.
11. Макулин А.В. Сырьевая наука и эльдорадо колониальных ученых // Медицинское образование в XXI веке: традиции и инновации: материалы XX Межрегион. учеб.-метод. конф., Архангельск, 22 апр. 2015 года / отв. ред. А.С. Оправин. Архангельск: Изд-во Сев. гос. мед. ун-та, 2015. С. 58–60.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы. М.: АСТ, 2014. 702 с.
13. Graham L.R. Lonely Ideas: Can Russia Compete? Cambridge: The MIT Press, 2013. 204 p.
14. Материалисты древней Греции. Собрание текстов Гераклита, Демокрита и Эпикура / общ. ред. М.А. Дынина. М.: Госполитиздат, 1955. 238 с.
15. Axelrod R. The Evolution of Cooperation. N.Y.: Basic Books, 1984. 241 p.
16. Корзина М.И. Социально-философский аспект технологий визуальных коммуникаций в условиях новых вызовов Четвертой промышленной революции: дис. ... канд. филос. наук. Архангельск, 2021. 239 с.
17. Макулин А.В. Эволюция табличного метода в истории философии: от мистики Древнего Востока до новоевропейского мышления // Общество: философия, история, культура. 2015. № 6. С. 24–26.
18. Монтень М. Опыты. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954–1960: [в 3 т.]. Т. 1. 1954. 558 с.
19. Анисимова В.Б., Аскарлов У.Б., Бакаев И.В. и др.; Актуальные проблемы истории и философии науки: моногр. / под ред. А.Н. Лощилина; Рос. акад. наук, Рос. филос. о-во, секция «Теория и методология творчества». М.: Перо, 2018. 153 с.
20. Чернозуб С.П. Концепт национальной науки в новом дискурсе цивилизаций // Ист. психология и социология истории. 2012. № 1. С. 43–61.
21. Фоминых А. «Мягкая мощь» обменных программ // Междунар. процессы. 2008. Т. 6, № 1(16). С. 76–85.
22. Иконникова Н.К. Профессиональная и гражданская идентичность ученых в зеркале глобальной академической мобильности // Вопр. соц. теории. 2011. Т. 5. С. 319–336.
23. Шевченко В.Н. Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема // Жизнеспособность Российского государства как философско-политическая проблема / отв. ред. В.Н. Шевченко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. М., 2006. С. 5–40.
24. 2021 HEPI Soft-Power Index: UK Slips Further Behind the US (Again). URL: <https://www.hepi.ac.uk/2021/09/02/2021-hepi-soft-power-index-uk-slips-further-behind-the-us-again/> (дата обращения: 20.02.2023).

References

1. Antyukhova E.A. Education as a Soft Power in Modern Foreign and Russian Politological Research. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 4: Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 23, no. 4, pp. 197–209 (in Russ.). DOI: [10.15688/jvolsu4.2018.4.17](https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2018.4.17)
2. Lebedeva M.M., Fort J. Vysshee obrazovanie kak potentsial “myagkoy sily” Rossii [Higher Education as Soft Power Potential of Russia]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2009, no. 6, pp. 200–205.
3. Torkunov A.V. Obrazovanie kak instrument “myagkoy sily” vo vneshney politike Rossii [Education as a Soft Power Tool in Russia’s Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2012, no. 4, pp. 85–93.
4. Masich V.A. Nauka i obrazovanie kak instrumenty “myagkoy sily” [Science and Education as the Instruments of “Soft Power”]. *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovedenie*, 2015, no. 1, pp. 117–125.
5. Nye J.S. Jr. “Myagkaya sila” i amerikano-evropeyskie otnosheniya [Soft Power and European-American Affairs]. *Svobodnaya mysl’-XXI*, 2004, no. 10. Available at: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/> (accessed: 20 February 2022).

6. McClory J. *The Soft Power 30: A Global Ranking of Soft Power*. Portland, 2015. Available at: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf (accessed: 20 February 2022).
7. Kharitonova E.M. *Reyting "myagkoy sily" The Soft Power 30* [The Soft Power 30 Ranking]. Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/rejting-myagkoy-sili-the-soft-power-30?ret=640> (accessed: 20 February 2022).
8. Vainrauh V. *Indeks "Global'noy myagkoy sily" Global Soft Power Index 2022: Soedinennye Shtaty stali liderom* [Global Soft Power Index 2022: The US Is on Top]. Available at: <https://internationalwealth.info/news-of-the-offshore/indeks-globalnoj-mjagkoj-sily-global-soft-power-index/> (accessed: 20 February 2022).
9. Thomas T.L. *Refleksivnoe upravlenie v Rossii: teoriya i voennye prilozheniya* [Russia's Reflexive Control: Theory and Military Uses]. *Refleksivnye protsessy i upravlenie*, 2002, vol. 2, no. 1, pp. 71–89.
10. Merton R.K. *Social Theory and Social Structure*. New York, 1968. 702 p. (Russ. ed.: Merton R.K. *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura*. Moscow, 2006. 873 p.).
11. Makulin A.V. *Syr'evaya nauka i el'dorado kolonial'nykh uchenykh* [Resource-Based Science and the El Dorado of Colonial Scientists]. Opravin A.S. (ed.). *Meditsinskoe obrazovanie v XXI veke: traditsii i innovatsii* [Medical Education in the 21st Century: Traditions and Innovations]. Arkhangelsk, 2015, pp. 58–60.
12. Brzezinski Z. *The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives*. New York, 1997. 223 p. (Russ. ed.: Bzhezinskiy Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy*. Moscow, 2014. 702 p.).
13. Graham L.R. *Lonely Ideas: Can Russia Compete?* Cambridge, 2013. 204 p.
14. Dynnik M.A. (ed.). *Materialisty drevney Gretsii. Sobranie tekstov Geraklita, Demokrita i Epikura* [Materialists of Ancient Greece. Collected Texts by Heraclitus, Democritus and Epicurus]. Moscow, 1955. 238 p.
15. Axelrod R. *The Evolution of Cooperation*. New York, 1984. 241 p.
16. Korzina M.I. *Sotsial'no-filosofskiy aspekt tekhnologiy vizual'nykh kommunikatsiy v usloviyakh novykh vyzovov Chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Socio-Philosophical Aspect of Visual Communication Technologies in the Context of New Challenges of the Fourth Industrial Revolution: Diss.]. Arkhangelsk, 2021. 239 p.
17. Makulin A.V. *Evolyutsiya tablichnogo metoda v istorii filosofii: ot mistiki Drevnego Vostoka do novoevropeyskogo myshleniya* [The Evolution of the Tabular Method in the History of Philosophy: From Mysticism of the Ancient East to the Early Modern Thought]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, 2015, no. 6, pp. 24–26.
18. Montaigne M. *Opyty* [The Essays]. Moscow, 1954–1960. Vol. 1. 1954. 558 p.
19. Anisimova V.B., Askarov U.Y., Bakaev I.V., et al. *Aktual'nye problemy istorii i filosofii nauki* [Topical Issues of the History and Philosophy of Science]. Moscow, 2018. 153 p.
20. Chernozub S.P. *Kontsept natsional'noy nauki v novom diskurse tsivilizatsiy* [The Concept of National Science in the New Civilization Discourse]. *Istoricheskaya psikhologiya i sotsiologiya istorii*, 2012, no. 1, pp. 43–61.
21. Fominykh A. *"Myagkaya moshch'" obmennykh programm* ["Soft" Power of Exchange Programs]. *Mezhdunarodnye protsessy*, 2008, vol. 6, no. 1, pp. 76–85.
22. Ikonnikova N.K. *Professional'naya i grazhdanskaya identichnost' uchenykh v zerkale global'noy akademicheskoy mobil'nosti* [Professional and Civic Identity of Scientists in the Mirror of Global Academic Mobility]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2011, vol. 5, pp. 319–336.
23. Shevchenko V.N. *Zhiznesposobnost' Rossiyskogo gosudarstva kak filosofsko-politicheskaya problema* [Viability of the Russian State as a Philosophical and Political Problem]. Shevchenko V.N. (ed.). *Zhiznesposobnost' Rossiyskogo gosudarstva kak filosofsko-politicheskaya problema* [Viability of the Russian State as a Philosophical and Political Problem]. Moscow, 2006, pp. 5–40.
24. *2021 HEPI Soft-Power Index: UK Slips Further Behind the US (Again)*. Available at: <https://www.hepi.ac.uk/2021/09/02/2021-hepi-soft-power-index-uk-slips-further-behind-the-us-again/> (accessed: 20 February 2023).

DOI: 10.37482/2687-1505-V272

Artem V. Makulin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7028-9650> e-mail: a.makulin@narfu.ru

Moris A. Mirelli

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1796-7109> e-mail: moris.mirelli@yahoo.com

GLOBAL VECTORS OF SOFT POWER IN SCIENCE AND EDUCATION: SOCIO-EPISTEMOLOGICAL ASPECTS

This article examines the socio-epistemological functions of science, the scientific community and the education system as the most important elements of soft power. A socio-philosophical interpretation of the concept of soft power through the prism of social epistemology is provided. Further, the author identifies the fundamental structural and functional features of this phenomenon, originating from the modern specifics of civilizational interaction, based on the agenda of globalization and on the making of the information society. The results of the study revealed methodological difficulties in interpreting the role of science in the manifestations and use of soft power due to the fact that science and the education system inherent in it are traditionally considered as a universal cognitive activity of humankind involving obtaining and disseminating new knowledge and cannot be directly reduced to instruments of political influence. However, the article notes that the scientific communities and the results of their activities are actually used as a soft (smart) power aimed at controlled transformation of global geopolitical actors. It is not only the problems of cognitive capitalism, tragedies of the anticommons and brain drain, but also the strategies of Russian science and education for establishing the country's cognitive sovereignty that are considered to be new conditions for the functioning of science and education as elements of soft power in the system of digital globalization. The primary purpose of this article is to study the socio-epistemological significance of soft power in the transformation of the role of science and education on the one hand, and geopolitical interaction of global players on the other. The research methodology is based on the ideas of historicism, social epistemology and complexity of open social systems, as well as on the theoretical analysis of socio-political and socio-philosophical literature. The article concludes by outlining ways of creating a new interpretation of the manifestations of soft power in the field of science and education.

Keywords: *soft power, reflexive control, science, education system, social epistemology, cognitive sovereignty, instruments of political influence.*

Поступила 28.02.2023
Принята 10.08.2023
Опубликована 25.09.2023

Received 28 February 2023
Accepted 10 August 2023
Published 25 September 2023

For citation: Makulin A.V., Mirelli M.A. Global Vectors of Soft Power in Science and Education: Socio-Epistemological Aspects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 92–103. DOI: 10.37482/2687-1505-V272

УДК 141.3:[130.2+130.3]

DOI: 10.37482/2687-1505-V274

ТЕРЕБИХИН Николай Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Российского музея центров биологического разнообразия Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лавёрова Уральского отделения Российской академии наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 315 научных публикаций, в т. ч. 11 монографий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X>

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ТЕКСТ РУССКОЙ ГЕОИСТОРИОСОФИИ, ГЕОПОЭТИКИ И САКРАЛЬНОЙ ГЕОГРАФИИ¹

В статье представлены результаты исследований автора в области сакральной географии, геософии, мифопоэтики, семиотики пространства культуры Севера и Арктики, которые могут быть использованы в процессе разработки ценностно-смысловых и символических аспектов современных региональных программ и проектов пространственного развития северных территорий. Методологическую основу составили семиотический подход и герменевтика текстов традиционной поморской культуры и произведений, входящих в мифопоэтическое пространство Северного текста русской геофилософии и словесности. Основное внимание было уделено анализу геоисториософского дискурса «русского северянства», истолкованию символики «северо-восточной ориентации» и геокультурной идентичности Руси-России как «Востока на Севере» в сакрально-географических, геофилософских и мифопоэтических текстах. В статье определяется семиотический статус поморской «розы ветров» как осевого, лоцманского (вожевого) символа, знаменовавшего направления «божьей дороги» мореходов-странников в Северном Ледовитом океане и пучине вод «моря житейского». Установлено, что в сакральных метеорологических лоциях поморов, изложенных в «книгах мореходных», особым судьбоносным промыслительным значением наделялся северо-восточный ветер-полуношник, исторгавшийся из устрашающих нуминозных глубин «высокоширотного» поморского «инобытия». Важное место в статье отведено изложению религиозных (провиденциальных, эсхатологи-

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: terebihinn@mail.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20502. URL: <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>

Для цитирования: Теребихин Н.М. Северо-Восточный текст русской геоисториософии, геопоэтики и сакральной географии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 104–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V274

ческих) оснований традиционного русского образа (парадигмы) освоения пространства Севера и Сибири. Раскрыты механизмы культурно-семиотического трансфера (трансмиссии) русской «освоенческой» традиции, укорененные в святоотеческих недрах земского (соборного) строя «древлего благочестия». Отмечена знаковая роль творцов Серебряного века русской культуры в актуализации и развертывании Северо-Восточного текста русской геософии и геопозитики. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о доминантной, ключевой роли северо-восточной сакральной ориентации в предопределении и предзнаменовании геокультурных и геоисторических судеб России.

Ключевые слова: сакральная география, Северо-Восточный текст, русская геоисториософия, геопозитика, Север, Сибирь, «русское северянство».

В статье, основанной на результатах многолетних исследований автора в области семиотики пространства культуры, сакральной географии, геософии и геопозитики Севера и Арктики, раскрывается символика «северо-восточной ориентации», ее метафизический (метагеографический) статус и промыслительная (провиденциальная) роль в исторических судьбах России. Представленная работа вписывается в современный историософский и социокультурный дискурс «русского северянства», заданный трудами А.А. Кара-Мурзы [1–3], которые существенно расширяют проблемное поле историософии России и актуализируют североведческие штудии в области «северной цивилизации, северного текста русской литературы и философии Севера» [4, с. 154].

Анализируя историософское наследие известного деятеля Русского Зарубежья И.И. Бунакова-Фондаминского, начертавшего «Пути России» в контексте мировой истории, А.А. Кара-Мурза отметил, что «говоря о геокультурной идентичности России, Фондаминский отходит от привычной системы координат “Запад–Восток” или “Европа–Азия”, и предпочитает говорить о “России как Севере” <...> Погружая историю России в этот пространственный контекст, Бунаков-Фондаминский выдвигает оригинальную концепцию российской цивилизации как “Востока на Севере”» [5, с. 12].

И.И. Бундаков-Фондаминский включает Московское православное царство в «культурный округ Востока», в сакральное пространство великих восточных теократий, весь жизненный

уклад которых покоился на метафизических основаниях: «Весь строй народной души Московского царства – восточный, и весь стиль его культуры – с Востока. Православное Московское царство – великая восточная теократия. Как во всех восточных теократиях, вся жизнь Московского царства пронизана религией и верой в Бога. Нет автономного государства, хозяйства, права, нравственности, искусства и быта... Служение Богу и его земному наместнику – царю и есть основное начало московской жизни» [5, с. 13]. Если «восточность» определяет духовный облик и царственное величие России, то ее континентальная «северность» порождает чувство геополитического трагизма и замороженности русского северянского бытия в ледяной полярной пустыне Северной Евразии, на берегу «мертвого» ледовитого моря: «Трагедия России не только в том, что это самая “континентальная” страна на свете, что ее жизненные пункты отстоят на тысячу верст от морского берега. Трагедия России в том, что ее “береговое кружево” сковано льдами Ледовитого океана, что великие русские реки несут свои воды в этот “мертвый” океан» [5, с. 12]. В геософской концепции И.И. Бундакова-Фондаминского, «картографировавшего» Россию как «Восток на Севере», эти сакрально-географические румбы и координаты евразийской картины мира были наделены не только диаметрально противоположными мифопоэтическими коннотациями – «легендами» («Восток» – «цветущая сложность» жизни / «Север» – ледяной холод пустыни мертвого

арктического Средиземноморья), но и совмещены на ментальной карте Евразии сугубо механистически, без учета их мистического, мета-географического сопряжения, запечатленного на картоидах (чертежах) русской сакральной географии и метеорологии, в северо-восточном «историософском тексте» русской геофилософии и словесности, которые свидетельствуют о том, что «северность России», блестяще обоснованная в трудах известного российского североведа-этнолога и антрополога А.В. Головнева [6], должна непременно контаминироваться с ее «восточностью».

В традиционной поморской «розе ветров» как путеводном (ориентационном) священном знании и осевом навигационном символе, наставлявшем полярных мореходов на путь истинный и размечавших их спасительную «божьёю дорожку» в Дышущем море-океане, особое судьбоносное промыслительное значение уделялось северо-восточному ветру – «полуношнику», который вторгался в умиротворенный поморский космос из высоких «горних» широт Полуночных стран и пределов, источающих мистический свет Севера, прозреваемый духовидцами в «светописи» Полуночного солнца и лазорях полярного сияния. В мифопоэтическом образе поморского Борея-«полуношника» распознаются родовые, архетипические черты великих и ужасных Владык Севера, повелителей северных ветров, обладавших как разрушительной, так и созидательной мощью, амбивалентный характер которой порожден был изначальной недифференцированностью инобытийной области полярного центра мира, которая воспринималась «как нечто единое и одинаково противоположное миру обычному, профаническому. Переход от профанического к сакральному во всех случаях предполагал столкновение с периферией сакрального, с его “темной”, “негативной” стороной. И лишь по мере духовного пути к центру, к полюсу потустороннего, мрак “стражей порога” рассеивался и обнажался пресветлый мир сада, рая. Северная гора, ось мира рассматривалась в сакральной географии как раз как та точка, в которой происходит таинство

перехода от посюстороннего к потустороннему. Поэтому эта точка внушала благоговение и ужас одновременно. Традиционные цивилизации древности выработали довольно сходную, в общих чертах, картину, где северные земли, прилегающие к Полярной Горе, наделялись сугубо двойственным значением – это были регионы ада и рая одновременно, так как контакт с потусторонним, локализованным на Севере, означал вхождение в совершенно новую по сравнению с обыденным миром сферу, пугающую, опасную, но одновременно спасительную и духовную» [7, с. 606–607].

Космогенные и хаосогенные ипостаси Владыки Севера отражены в семантике поморского «списка имен» (ономастиконе) северо-восточного, полуночного ветра, мифопоэтика которого раскрывается в поморских речениях, бережно собранных и сохраненных памятливым гением Поморья – К.П. Гемп: «Ох, рванет полуношник нежеланный. // Встанет взводень, зарыдат. // Да свистит полуношник, пылит по морю-океану» [8, с. 143]; «Полуношник свищет, страшит» [8, с. 145]; «Ветер и гудит, и воет – все выдержишь, а как засвищет – поберегайся вдвое: то полуношник, шалой, свистун» [8, с. 155]. В наборе мифологических характеристик смертоносного ветра-полуношника (свистун, шалый, темный, ярый, буйный, пыльный) раскрывается хтонический (океанический) образ Владыки Севера – бога северного ветра (поморского Борея). Его владения («Полуночные страны», «Полуночное море») – царство холода и мрака, куда уходят души «взятых морем» людей. Полуношник – судьбоносный ветер, выпрядающий нити, вяжущий «морские узлы» и размеряющий версты жизненного пути помора. Как и «сухопутный» его брат – вихрь, он поднимает над морем столб пыли («На море пыль стоит страшная, лютует батюшко, полуношник его подбивает»). Слово «вихрь» (ветер) этимологически связано с глаголом «вить». Поморы никогда не говорили «начнется» ветер, но «завяжется». Столб водяной пыли, «завиваемый», «завязываемый» полуночным ветром до небес, и есть

та нить Ариадны, которая связывает поморскую судьбу с «компасной розой» смысложизненных ценностей северного бытия.

По словам известного русского писателя, «вдохновенного певца Поморья», запечатлевшего «поморские ветра» своей беломорской отчизны, П.Г. Кренева (Поздеева): «Северо-Восточный ветер, самый штормовой, разрушительный и холодный, зовущийся у поморов говорящим названием – “полуночник” дует напрямиком из акватории Баренцева моря. Нагулявший огромную силу на просторах двух морей, он гонит высокие волны и постепенно теряет страшную мощь в горлах двух беломорских заливов: Онежском и Двинском. Большинство корабельных и рыболовецких трагедий разыгралось именно по причине сокрушительных ударов свирепого полуночника. У этого ветра есть и другие названия, не менее нелестные – рекостав, заморозник, моряна» [9].

«Полярное вторжение» поморского Борея, несущее хаос, смерть и разрушение, обладало и мощной порождающей («оплодотворяющей») энергией, символизируемой поморским женским ритуалом заклинания (призывания) ветра, а также огромным творческим мироустроительным потенциалом «вечной мерзлоты», скрепляющей сакральный криософский каркас севернорусского Домостроя [10].

Амбивалентность мифопоэтического образа ветра отмечается и в новейших лингвокультурологических исследованиях традиционной языковой картины мира поморов: «Эмоциональная оценка концепта ВЕТЕР в культурном сознании поморов амбивалентна: с одной стороны, ветер осмысливается поморами как “обитатель моря”, “друг вод морских”, “помощник”, “спокойствие”, с другой стороны, – как “опасность”, “разрушительная сила”, “неуправляемая стихия”, “холод”. Ветер воспринимается поморами преимущественно как сила антропоморфного характера, обитатель моря, живущий по своим временным циклам и законам, сосуществующий с человеком; фактор, от которого зависит промысел помора и уклад в целом» [11, с. 82].

Мифологема поморского ветра-полуночника полнее всего раскрывается в сопоставлении его с «соседним» образом финно-пермского бога северо-восточного ветра Войпеля, который входил в триаду верховных божеств зырянского языческого пантеона и почитался великим и ужасным Владыкой Севера, обитающим на Полярном Урале в горном «гнезде ветров».

Выдающийся коми философ-мифомыслитель, этнолог и геопоэт К.Ф. Жаков, которого именовали «зырянским Ломоносовым», создал эпическую поэму-сагу о таинственной колдовской стране северного Края Земли – Биармии, открытой европейскому миру отважными скандинавскими мореходами и воинами-викингами. Важное место в биармийской (финно-пермской) саге отведено изложению священного знания пермян, описанию их языческого пантеона. В жаковской «версии пантеона большое внимание уделяется Войпелю, не только как божеству северного ветра, но и как покровителю лесов. Его резиденция – на горе Тэлпозиз, “каменном гнезде ветров”, он чутко следит за нарушениями шумовых запретов, карая снежной бурей тех, кто издает любые звуки: поет, свистит, стучит и проч., проходя мимо святой горы. В мифопоэтике Жакова Войпель занимает место традиционного Вёрса “лесного” или лешего, и, если в других произведениях Жакова это был одиночный образ, то в поэме появляются дети Войпеля – Боги леса, лешие – они живут в пармах, семьями, в серых избушках, вихрем носятся по дремучим лесам» [12, с. 114–115].

По мнению известного российского востоковеда И.М. Стеблин-Каменского, имя зырянского бога северного ветра – Войпеля было заимствовано из индоиранского сакрального ономастикона: «Коми *вой* ‘ночь, север’ и *войпелт* ‘северный ветер’ усвоены из древнеиранского *vaui-* ‘смертельный северный ветер – ‘Вайу’, также с эпипетом *upara-(karya-)* ‘преодолевающий, побеждающий’ (воспеваемым как олицетворение смерти в зороастрийском тексте, читаемом на похоронах)» [13, с. 15].

Этимологические изыскания И.М. Стеблин-Каменского, распознавшего индоиранские

(арийские, индоевропейские) истоки имяславия финно-пермского Владыки Севера – бога Войпеля, открывают широкую перспективу сравнительно-мифопоэтического исследования северного сакрального «ветрового» ономастикона, исходящего из установленных и предполагаемых связей «Вайу» с «Ватой», с гоголевским «Виём», с богом германской мифологии – Вотаном (Воданом, Одином) – богом «бури и натиска», неистовства, одержимости, архаической (шаманской, воинской, поэтической) техники экстаза.

Лингвистические сравнительно-исторические исследования академика В.Н. Топорова в области индоевропейских древностей позволили ему воссоздать целостный мифопоэтический образ бога ветра в индийской мифологии: «Вата (др.-инд. Vata, собств. “ветер”), в ведийской мифологии божество ветра. Вата тесно связано с Ваю, на основании чего иногда объединяют эти два имени в единый мифологический образ <...> в ряде случаев Вата обожествленная сила ветра. В “Ригведе” ему посвящено два небольших гимна <...>. Вата узнают не по его образу, а по свисту, зазыванию. Его колесница, запряженная конями <...>, мчится, все сокрушая, грохоча, порождая красноватые отблески, вздымая пыль, по земле и по воздуху. За Вата следуют вихри. Вата – первожденный, он – дитя мира, друг вод, дыхание богов, подчинен космическому порядку. Он никогда не отдыхает, с ним на его колеснице всегда находится бог – царь всего мира. Помимо Индры Вата связан с богом грозовой тучи и дождя Парджаньей <...>. Отсюда и связь Вата с дождем <...>, бурей, грозой» [14, с. 219].

Мифологема ветра и, прежде всего, ее борельный извод средиземноморской (черноморской) «Боры» («Северо-Востока», «Норд-Оста») занимает чрезвычайно важное место в геофилософии и геопоэтике Серебряного века, эсхатологические ожидания, прозрения и умозрения которого актуализировали и эксплицировали провиденциальный геосториософский текст России как «Востока на Севере», подлинным мифографом и гимнографом которого явился вели-

кий русский геопоэт-пророк М. Волошин, воспевавший «жгучий ветер полярной преисподней»:

*Расплясались, разгулялись бесы
По России вдоль и поперек –
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный Северовосток.*

<...>

*Этот ветер был нам верным другом
На распутье всех лихих дорог:
Сотни лет мы шли навстречу выюгам*

< ... >

*В этом ветре вся судьба России –
Страшная, безумная судьба.*

<...>

*Нам ли весить замысел Господний,
Все пойдем, все вынесем любя –
Жгучий ветер полярной Преисподней –
Божий Бич! – приветствую тебя!*

Известный специалист в области истории русской литературы рубежа XIX–XX столетий Д.М. Магомедова, сопоставляя «блоковскую» и «волошинскую» интерпретации «пушкинского» мифа о бесовстве, пришла к выводу о том, что «ветровая», «бесовская» символика пути в поэме А. Блока «Двенадцать» означает шествие отряда красногвардейцев, в то время как в стихотворении М. Волошина «Северо-Восток» она знаменует «исторический путь русской нации» [15, с. 46].

И.Л. Бражников, исследовавший мифологе-му ветра в структуре историософского текста русской революции в художественной литературе XIX–XX веков, отмечал, что «этот буйный и страшный “бесовский” ветер здесь оказывается интимно близок России. Это не сама она (у Волошина, как и у Блока, Россия – всегда женственное начало), но это ее другой: ветер-друг, ветер-сопровождающий – ветер-судьба России. Судьба же для символистов почти синонимична истории, которая понимается ими... как осуществление провиденциальных целей, замысла Творца. Таким образом, ветер – это время, ветер – это дыхание или дух истории. <...> это исторический путь русского народа, географический вектор которого в самом деле направлен на северо-восток» [16, с. 147].

Исследователь историософии и поэтики книги М.А. Волошина «Путями Каина» Г.П. Опарин отмечает, что северо-восточный ветер является образным выражением неизменности России, ее судьбы и национального характера [17, с. 158–159].

Значимый вклад в разработку геоисториософского дискурса России как Северо-Востока вносит концепция М.Ю. Лотмана, который, анализируя семиотику пространства страха в русской культуре, пришел к выводу о том, что в системе сакрально-географических ориентаций российский «Северо-Восток – это не самостоятельное направление и не компромисс между северным и восточным направлениями, а именно Восток, причем, если можно так выразиться, Восток в его крайнем выражении <...> Таким образом, идентификация Востока с Северо-Востоком получает и сакральное измерение. Северо-Восточное направление имеет явное преимущество перед всеми остальными, оно тесно связано с самой судьбой России <...>: (1) не важно, светлая миссия или злой рок, но на Северо-Востоке – судьба России, (2) Северо-Восток – это одновременно и самая сердцевина России, и запредельное по отношению к ней пространство, (3) это пространство пустынное, опасное и враждебное..., (4) Северо-Восток – это пространство специфической русской духовности, пространство русской идентичности» [18, с. 27].

Совместность иеротопосов Севера и Востока очевидным образом представлена в древнерусском сказании «О человецах неизвестных в Восточной стране», в котором речь идет о коренных насельниках Севера, обитающих в «полуночных странах» и пределах «лукоморского мифа». Соположение Севера и Востока на ментальных картах святой Руси имеет первостепенное значение для постижения сакральной природы традиционной русской ценностно-смысловой парадигмы-матрицы освоения пространства, которая не была отягощена утилитарным целеполаганием материального присвоения и трансформации земель и водных просторов Севера и Сибири, но прообразовывала эсхатологический исход симфонической соборной личности «многона-

родного» русского народа на Восток, в райскую преображенную страну «нового неба и новой земли». Образ «страны Востока» являлся путеводным знаменем Русского мира в процессе его продвижения не только в «географически» восточные земли Сибири, но и в «эсхатологически» восточные земли Севера. Поэтому доместикацию географического пространства Севера, Сибири и Дальнего Востока следует рассматривать как единый непрерывный процесс развертывания священного свитка «русской идеи», направлявшей человека на поиски чаемой обетованной земли – Царства Небесного Иерусалима Нового. По словам известного церковного деятеля Русского Зарубежья священника Алексея Буткевича, исследовавшего религиозный смысл движения русского народа на Восток, «встречь солнцу»: «Русское государство распространяло свою власть и свои государственные пределы в XVII-м веке по бассейнам исполинских рек сибирских не отвагою какого-либо одного полководца, не силою массы организованных войск, не завоевательными планами высшего правительства, а именно самобытною предприимчивостью, великим русским духом – духом Христовым, владеющим русской народностью <...> Если это так, то движение русских на Восток следует рассматривать не только как историческое явление, имеющее по своему влиянию на судьбы мировой истории огромную важность, но и как некое провиденциальное действие, руководившее духовными силами русского народа и возложившее на него высокую миссию во исполнение эсхатологических слов евангельских» [19].

Идеями, символами и образами эсхатологического исхода из падшего града – блудницы «Вавилонской» в святую землю «Беловодья» пронизан общинный религиозный быт и уклад староверов-странников, игравших важную роль в духовном освоении и просвещении Севера и Сибири. Известная исследовательница истории и феноменологии сибирского старообрядчества Е.Е. Дутчак разработала концептуальную модель конфессиональной миграции таежных общин староверов-странников, которая в принципе, обладая высоким эвристическим потенциалом,

вполне приложима к анализу иных религиозных переселенческих (освоенческих) движений: «Конфессиональная миграция есть движение, преследующее не просто духовные цели. Она связана с представлениями о важности выполняемой миссии, в случае со староверием – миссии спасения “древлего благочестия”. Поэтому, во-первых, правила культурного и витального жизнеобеспечения в пути, которых будет придерживаться старовер-странник, должны не просто сохранять народное понимание путешествия/странствования, но и отражать “старобрядческую специфику” (эсхатологическое осмысление происходящего; особые ритуалы, сопровождающие дорожные контакты). Во-вторых, сама ситуация поиска нужной географической точки обязательно будет связана с символической оценкой пространства, способностью оценивать любой физический объект по религиозно-нравственным критериям» [20, с. 26].

Святая земля Беловодья, незримый град Китеж, искомые русскими «паломниками в стране Востока», обретаются лишь на путях восхождения по духовной лестнице в высоких широтах циркумполярного космического Норда (Севера): «Этот мистический сверхчувственный Восток, место Зарождения и Возвращения, цель вечного Поиска, есть ничто иное, как небесный полюс; это Полюс с заглавной буквы, крайний север, столь крайний, что его можно считать порогом “инобытийного” измерения <...> Orient, искомый мистиком, Восток, не находящий себе места на наших картах, расположен в направлении севера, по ту сторону севера. Приблизить нас к этому космическому северу, избранному как точка ориентации, может лишь движение, направленное вверх» [21, с. 18–19].

«Пороговые» «инобытийные» просторы Севера предназначено было осваивать и обживать народам-странникам, наделенным особым даром мистического умозрения, экстатического и эсхатологического мирозерцания. Таковы скандинавы эпохи викингов со своим духовным вождем – воином и вечным странником, шаманом и поэтом – богом Одином. Таковы саамы, ненцы, коми-зыряне и другие народы Севера и Арктики, чей духовный склад и весь кочевой образ жизни были воплощены в образе колдуна-шамана, ведущего странников-номадов не по земле их тайги и тундры, но по космографии Мирового Древа – древа жизни и смерти, древа поэзии и познания. Таков, наконец, и русский народ – странник, который в поисках «последней», «Божьей» правды, обетованной земли – Небесного Царства Иерусалима Нового, – поднялся до «высоких широт» мироздания, где ему в мистическом озарении, в молчаливой молитве (священномолчании-исихии) открылись запредельные светонесные уже не пространства, но просторы Севера, распахнулся весь «белый свет» и, как небесные знамения обретенной реальности инобытия, запылали сполохи и лазури полярного сияния.

Северо-восточные румбы «хождения» русского народа «за три моря» направляли его не по широкому торным дорогам навстречу обыденному дневному солнцу географического Востока, но по узкому нуминозному, неведомому пути «встречь» Полуночному солнцу сверхчувственного духовного Востока, на поиски которого устремлялись очарованные странники, мифомыслители и геопоэты-мифотворцы, соткавшие путеводное полотно Северо-Восточного текста русской геоисториософии и геопоэтики.

Список литературы

1. *Кара-Мурза А.А.* Концепция «русского северянства» в героических одах Г.Р. Державина (к вопросу о российской идентичности) // Полит. концептология: журн. метадисциплинар. исслед. 2017. № 3. С. 187–194.
2. *Кара-Мурза А.А.* «Русское северянство» князей Вяземских (к вопросу о национальной идентичности) // Вопр. философии. 2018. № 3. С. 5–13.
3. *Кара-Мурза А.А.* У истоков «русского северянства»: споры о Ломоносове (конец XVIII – начало XIX вв.: Муравьев, Карамзин, Батюшков) // Полилог=Polylogos. 2022. Т. 6, № 1. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110019114-7-1/> (дата обращения: 07.04.2023). DOI: [10.18254/S258770110019114-7](https://doi.org/10.18254/S258770110019114-7)

4. *Тюгашев Е.А., Шумакер А.Е.* Социокультурный феномен «русского северянства» // *Личность. Культура. Общество.* 2021. Т. 23, № 3(111). С. 151–156. DOI: [10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156](https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156)
5. *Кара-Мурза А.А.* Восточная теократия на севере Евразии: «пути России» в историософии И.И. Бунакова-Фондаминского // *Филос. журн.* 2021. Т. 14, № 2. С. 5–20. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20)
6. *Головнёв А.В.* Северность России. СПб.: МАЭ РАН, 2022. 450 с.
7. *Дугин А.* Абсолютная Родина. М.: Арктогея-центр, 1999. 752 с.
8. *Гемп К.П.* Сказ о Беломорье. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1983. 239 с.
9. *Кренёв П.* Поморские мои ветра. Шелоник // *Журн. мир.* URL: <https://xn--80alhdjhdxcxy5hl.xn--p1ai/content/pomorskie-moi-vetra-shelonik> (дата обращения: 07.04.2023).
10. *Теребихин Н.М., Мелютина М.Н.* Мифопоэтические аспекты традиционной поморской криософии и антропологии холода: реконструкция и интерпретация // *Вестн. Сев. (Арктич.) фед. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2021. Т. 21, № 4. С. 122–133. DOI: [10.37482/2687-1505-V123](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V123)
11. *Ильина Е.В.* Объективация концепта ветер в языковой картине мира поморов (на материале «Словаря поморских речений» К.П. Гемп) // *Международ. науч.-исслед. журн.* 2013. № 4-2(11). С. 80–82.
12. *Лимеров П.Ф.* Поэма «Биармия» как итог исследовательской деятельности Каллистрата Жакова по реконструкции древнего мировоззрения коми-зырян // *Изв. Коми науч. центра УрО РАН.* 2015. Вып. 1(21). С. 110–116.
13. *Гаты Заратуштры / пер. с авест., вступ. ст., коммент. и прил. И.М. Стеблин-Каменского.* СПб.: Петерб. Востоковедение, 2009. 182 с.
14. *Топоров В.Н.* Вата // *Мифы народов мира: энцикл.: в 2 т. Т. 1: А–К. / гл. ред. С.А. Токарев.* М.: Сов. энцикл., 1991. С. 219.
15. *Магомедова Д.М.* Блок и Волошин: (Две интерпретации мифа о бесовстве) // *Блоковский сборник.* Вып. XI. Тарту: Тартус. ун-т, 1990. С. 39–49. (Уч. зап. Тартус. ун-та; Вып. 917).
16. *Бражников И.Л.* Русская литература XIX–XX веков: историософский текст. М.: МПГУ, 2011. 240 с.
17. *Опарин П.Г.* Книга М.А. Волошина «Путями Каина» в литературном контексте первой трети XX века: историософия и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2005. 190 с.
18. *Лотман М.* О семиотике страха в русской культуре // *Семиотика страха / сост. Н. Букс, Ф. Конт.* М.: Рус. ин-т: Изд-во «Европа», 2005. С. 13–35.
19. *Буткевич А.* Религиозный смысл движения русских на Восток в XVII–XVIII веках // *Импер. арх.* URL: <http://archive-khvalin.ru/predel-rossii/> (дата обращения: 07.04.2023).
20. *Дутчак Е.Е.* Из «Вавилона» в «Беловодье»: адаптационные возможности таежных общин староверов-странников (вторая половина XIX – начало XXI в.). Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2007. 414 с.
21. *Корбен А.* Световой человек в иранском суфизме. М.: Сандра, 2013. 240 с.

References

1. Kara-Murza A.A. Kontseptsiya “russkogo severyanstva” v geroicheskikh odakh G.R. Derzhavina (k voprosu o rossiyskoy identichnosti) [The Concept of “Russian Northernerdom” in the Heroic Odes by G.R. Derzhavin (on the Issue of Russian Identity)]. *Politicheskaya kontseptologiya: zhurnal metadistsiplinarnykh issledovaniy*, 2017, no. 3, pp. 187–194.
2. Kara-Murza A.A. “Russkoe severyanstvo” knyazey Vyazemskikh (k voprosu o natsional’noy identichnosti) [“Russian Northerness” of the Vyazemsky Princely Family (on National Identity)]. *Voprosy filosofii*, 2018, no. 3, pp. 5–13.
3. Kara-Murza A.A. At the Origins of “Russian Northernism”: Disputes About Lomonosov (Late 18th – Early 19th Centuries: Muravyov, Karamzin, Batyushkov). *Polylogos*, 2022, vol. 6, no. 1. Available at: <https://polylogos-journal.ru/s258770110019114-7-1/> (accessed: 7 April 2023) (in Russ.). DOI: [10.18254/S258770110019114-7](https://doi.org/10.18254/S258770110019114-7)
4. Tyugashev E.A., Shumakher A.E. Sotsiokul’turnyy fenomen “russkogo severyanstva” [Sociocultural Phenomenon of “Russian Northerness”]. *Lichnost’. Kul’tura. Obshchestvo*, 2021, vol. 23, no. 3, pp. 151–156. DOI: [10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156](https://doi.org/10.30936/1606_951X_2021_23_3_151_156)
5. Kara-Murza A.A. Vostochnaya teokratiya na severe Evrazii: “puti Rossii” v istoriosofii I.I. Bunakova-Fondaminskogo [Eastern Theocracy in Northern Eurasia: “The Ways of Russia” in the Historiosophy of I.I. Bunakov-Fondaminsky]. *Filosofskiy zhurnal*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 5–20. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-2-5-20)
6. Golovnev A.V. *Severnost’ Rossii* [Russian Northerness]. St. Petersburg, 2022. 450 p.
7. Dugin A. *Absolyutnaya Rodina* [The Absolute Motherland]. Moscow, 1999. 752 p.
8. Gemp K.P. *Skaz o Belomor’e* [A Tale of the White Sea]. Arkhangelsk, 1983. 239 p.

9. Krenev P. Pomorskie moi vetra. Shelonik [My Pomor Winds. Shelonik]. *Zhurnal'nyy mir*. Available at: <https://xn--80alhdjhdexhy5hl.xn--p1ai/content/pomorskie-moi-vetra-shelonik> (accessed: 7 April 2023).

10. Terebikhin N.M., Melyutina M.N. Mythopoetic Aspects of Traditional Pomor Cryosophy and Anthropology of the Cold: Reconstruction and Interpretation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 122–133. DOI: [10.37482/2687-1505-V123](https://doi.org/10.37482/2687-1505-V123)

11. Il'ina E.V. Ob'ektivatsiya kontsepta veter v yazykovoy kartine mira pomorov (na materiale "Slovyar' pomorskikh recheniy" K.P. Gemp) [Objectification of the Concept of Wind in the Linguistic Worldview of the Pomors (Based on the *Dictionary of Pomor Phrases* by K.P. Gemp)]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 2013, no. 4-2, pp. 80–82.

12. Limerov P.F. Poema "Biarmiya" kak itog issledovatel'skoy deyatelnosti Kallistrata Zhakova po rekonstruktsii drevnego mirovozzreniya komi-zyryan [The Poem "Biarmia" as a Result of Kallistrat Zhakov's Research Activities on the Reconstruction of the Ancient Komi-Zyrian World Outlook]. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*, 2015, no. 1, pp. 110–116.

13. *Gaty Zaratushtry* [The Gathas of Zarathushtra]. St. Petersburg, 2009. 182 p.

14. Toporov V.N. Vata. Tokarev S.A. (ed.). *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 1: A–K. Moscow, 1991, p. 219.

15. Magomedova D.M. Blok i Voloshin: (Dve interpretatsii mifa o besovstve) [Blok and Voloshin (Two Interpretations of the Myth of the Possessed)]. *Blokovskiy sbornik* [Blok Collection]. Iss. 11. Tartu, 1990, pp. 39–49.

16. Brazhnikov I.L. *Russkaya literatura XIX–XX vekov: istoriosofskiy tekst* [Russian Literature of the 19th – 20th Centuries: A Historiosophical Text]. Moscow, 2011. 240 p.

17. Oparin P.G. *Kniga M.A. Voloshina "Putyami Kaina" v literaturnom kontekste pervoy treti XX veka: istoriosofiya i poetika* [M.A. Voloshin's Book *The Ways of Cain* in the Literary Context of the First Third of the 20th Century: Historiosophy and Poetics: Diss.]. Kirov, 2005. 190 p.

18. Lotman M. O semiotike strakha v russkoy kul'ture [On the Semiotics of Fear in Russian Culture]. Buhks N., Conte F. (comps.). *Semiotika strakha* [Semiotics of Fear]. Moscow, 2005, pp. 13–35.

19. Butkevich A. Religioznyy smysl dvizheniya russkikh na Vostok v XVII–XVIII vekakh [Religious Meaning of the Movement of Russians to the East in the 17th – 18th Centuries]. *Imperskiy arkhiv* [Imperial Archives]. Available at: <http://archive-khvalin.ru/predel-rossii/> (accessed: 7 April 2023).

20. Dutchak E.E. *Iz "Vavilona" v "Belovod'e": adaptatsionnye vozmozhnosti taezhnykh obshchin staroverov-strannikov (vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v.)* [From "Babylon" to "Belovodye": Adaptive Capabilities of the Taiga Communities of Old Believers Called "Wanderers" (Second Half of the 19th – Early 21st Centuries)]. Tomsk, 2007. 414 p.

21. Corbin H. *L'Homme de lumière dans le soufisme iranien*. Chambéry, 1971. 230 p. (Russ. ed.: Korben A. *Svetovoy chelovek v iranskom sufizme*. Moscow, 2013. 240 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V274

Nikolay M. Terebikhin

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2981-285X> e-mail: terebihinn@mail.ru

THE NORTH-EASTERN TEXT OF RUSSIAN GEOHISTORIOSOPHY, GEOPOETICS AND SACRED GEOGRAPHY

This article presents the results of the author's research in the field of sacred geography, geosophy and mythopoetics, as well as semiotics of the cultural space of the North and the Arctic, which can be used in the process of elaborating the value-semantic and symbolic aspects of modern regional

For citation: Terebikhin N.M. The North-Eastern Text of Russian Geohistoriosophy, Geopoetics and Sacred Geography. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 104–113. DOI: 10.37482/2687-1505-V274

programmes and projects for the spatial development of the northern territories. The methodological basis for the study is the semiotic approach and hermeneutics of the texts of the traditional Pomor culture and works included in the mythopoetic space of the Northern text of Russian geophilosophy as well as written and oral literature. Primary attention in the study is paid to the analysis of the geohistoriosophical discourse of "Russian northerness", interpretation of the symbolism of the "north-eastern orientation" and geocultural identity of Rus' (Russia) as the "East in the North" in sacred-geographical, geophilosophical and mythopoetic texts. The paper defines the semiotic status of the Pomor wind rose as an axial, pilot symbol, which marked the directions of the "God's way" for wandering sailors in the Arctic Ocean and in the depths of the "sea of life". It has been established that in the sacred meteorological sailing directions of the Pomors, set out in the "nautical books", a special fateful, providential significance was attached to the northeast "midnight" wind, which erupted from the frightening numinous depths of the "high-latitude" Pomor "otherness". An important part of the article is the presentation of the religious (providential, eschatological) foundations of the traditional Russian image (paradigm) of the exploration of the North and Siberia. Further, the mechanisms of cultural-semiotic transfer (transmission) of the Russian exploratory tradition, rooted in the patristic depths of the zemstvo (sobor) system of "ancient piety", are described. In addition, the significant role of the creators of the Silver Age of Russian culture in the actualization and expansion of the North-Eastern text of Russian geosophy and geopoetics is noted. The research conducted allows us to draw a conclusion about the dominant, key role of the north-eastern sacred orientation in predetermining and foreshadowing the geocultural and geohistorical destinies of Russia.

Keywords: *sacred geography, North-Eastern text, Russian geohistoriosophy, geopoetics, North, Siberia, "Russian northerness".*

Поступила 14.04.2023

Принята 10.08.2023

Опубликована 25.09.2023

Received 14 April 2023

Accepted 10 August 2023

Published 25 September 2023

УДК 130.30:004

DOI: 10.37482/2687-1505-V276

АФАНАСЬЕВА Мария Анатольевна, аспирантка кафедры философии Ивановского государственного университета. Автор 19 научных публикаций*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1533-8640>

ЦИФРОВИЗАЦИЯ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье исследуется ход цифровизации религиозного сознания, рассматриваются различные проблемы, возникающие в результате ее развития. Цифровизация религиозного сознания – это процесс модернизации религиозной жизни человечества, характеризующийся внедрением в нее цифровых технологий и переходом религиозной сферы в сетевую среду. Цифровизация религиозного сознания является одним факторов глобализации. Автор раскрывает проблему распространения цифровых технологий на религиозную сферу, отмечая положительные и отрицательные стороны данного феномена. Оказывая влияние на субъективный мир человека и внося в него свои коррективы, цифровизация приводит к фундаментальным изменениям в сознании человечества, что особенно заметно отражается на культуре и религии. В статье дается краткий обзор работ по исследуемой теме, принадлежащих как зарубежным, так и отечественным авторам. Кратко описываются результаты анализа данных, полученных за последние десятилетия, объясняется актуальность изучаемой проблематики. Также в статье затрагивается тема религиозной безопасности в свете развития и толкования религиозных учений в виртуальном пространстве, где ослабевают различия между профанным и сакральным. Выводятся три уровня проблемы процессов цифровизации религиозного сознания: конкурентный, замещающий и трансформационный. Первый олицетворяет столкновение традиционных и нетрадиционных религиозных учений в сетевой среде. Второй показывает, как многие практики традиционных религий меняют свою форму и иногда содержание, перемещаясь в цифровое пространство. Третий раскрывает радикальные изменения в ключевых религиозных постулатах, что формирует принципиально новый тип религиозности в киберрелигии. Показано, как с внедрением цифровых технологий, имеющих гетерархическую модель функционирования, трансформируется восприятие религии как института иерархической модели. В результате действия рассмотренных факторов ключевой проблемой исследуемой темы остается религиозная безопасность. Данный вопрос раскрывается в соответствии с выделенными уровнями проблемы цифровизации религиозного сознания. Предложены возможные меры по укреплению безопасности религиозного сознания в динамически развивающемся цифровом обществе.

Ключевые слова: *цифровизация, религия, религиозное сознание, цифровизация религиозного сознания, цифровая религия, киберрелигия.*

---

*Адрес: 153025, г. Иваново, ул. Тимирязева, д. 5; e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

Для цитирования: Афанасьева М.А. Цифровизация религиозного сознания: проблемы и перспективы // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 114–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V276

Введение

Современный мир уже не первое десятилетие находится под влиянием процессов цифровизации, охвативших большую часть сфер человеческой деятельности. Если многие области социальной жизни достаточно органично встроены в цифровую динамику общества, то религиозная сфера и процессы ее цифровизации все еще являются предметом дискуссии. В настоящее время цивилизация вторгается в субъективные миры с помощью цифровых технологий. В связи с этим актуализируются вопросы информационной, религиозной безопасности, защиты сознания, индивидуального и коллективного. Традиционные религии, новые религиозные движения, а также радикальные фундаменталистские религиозные течения, различные околорелигиозные и околоспиритические концепции находят множество последователей в сетевой среде.

Объектом исследования данной статьи являются процессы цифровизации религиозного сознания, предметом – влияние цифровизации на религиозную жизнь современного человека. Цель работы состоит в изучении основных проблем цифровизации религиозного сознания и их влияния на его безопасность.

Исходя из цели выделяются следующие задачи исследования. Во-первых, раскрыть факторы, влияющие на процессы цифровизации религиозного сознания, которые связаны с безопасностью самих религий в цифровой среде. Во-вторых, описать факторы, определяющие безопасность сознания индивидов, идентифицирующих себя с определенной религией. В-третьих, обозначить перспективы развития цифровизации религиозного сознания, возможные тенденции этого процесса. Новизна статьи заключается в выявлении трех уровней проблемы цифровизации религиозного сознания, их влияния на безопасность религиозного сознания. Для решения этих задач используется несколько методов. Аналитический применяется для исследования процессов цифровизации религиозного сознания и выявления основных сторон данного про-

цесса. Компаративистский – для сравнения офлайн- и онлайн-религий – с целью установления уровней проблем цифровизации религиозного сознания.

Теоретическая значимость статьи заключается в дальнейшем продвижении понимания изучаемых процессов, формировании концепции цифровизации религиозного сознания, в т. ч. в исследовании безопасности религиозного сознания. Практическая значимость состоит в выработке рекомендаций по обеспечению безопасности религиозного сознания в условиях цифровизации.

Краткий обзор процессов цифровизации религиозного сознания

Вопросы цифровизации религии актуализировались для западных исследователей еще в 90-х годах XX века. Одним из первых ученых в данной области был С. О'Лири. В 1996 году он описал свой опыт взаимодействия с «онлайн-литургией» [1]. Далее концепцию цифровой религии разрабатывала Х. Кемпбелл, выделив четыре волны формирования цифровой религии. В качестве первого этапа она обозначает возникновение общественного дискурса о «киберрелигии» в 1990-х годах. На втором этапе, в 2000-х годах, уже появляются взвешенные оценки существования и развития религии в цифровом пространстве. Третий связан с обратным процессом – попытками введения виртуального религиозного мира в офлайн-религию. Последняя, четвертая волна изучает отношения между традиционным и цифровым религиозными пространствами [2].

Специфика коммуникации в цифровой религиозной жизни является центральным исследовательским полем социолога П.Х. Чон. Ее концепция стратегического арбитража показывает адаптацию религий к плюрализму мировоззрений в цифровой среде, это – «постепенная реструктуризация идентичности духовенства, отходящего от позиции руководителей и мудрецов и принимающих позицию посредников и экспертов в медиации знаний» [3, с. 111]. Так, религиозная информация становится совместным продуктом духовенства и обычных людей.

Существенный вклад в исследование цифровизации религии внес К. Хелланд, который предпринял попытки определить и выделить категории религии в Интернете. Он разделил религию онлайн и онлайн-религию [4]. Первая представляет собой иерархически выстроенный поток информации – трансляцию религии на широкую публику. Вторая – сетевой поток информации, создающий условия для религиозной коммуникации, трансляции субъективного религиозного опыта.

Российский ученый Э.А. Нимяев выделил четыре типа религиозных онлайн-ресурсов: статичные (официальные сайты религиозных организаций), пользовательские (форумы, социальные сети), цифровые (сайты культов и учений, существующих только в сети, но не представленных в реальности) и активные (сайты религиозных благотворительных организаций, активные миссионерские онлайн-сообщества, которые действуют как в реальном, так и в цифровом мире) [5].

Процессы цифровизации религии рассматривали такие отечественные ученые, как М.М. Мчедлова [6], Е.А. Островская [7], М.Ю. Смирнов [8], Е.Н. Честнова [9], Г.А. Буваева [10], К.Г. Соколовский [11], Э.Э. Манукян [12], А.В. Иванов [13] и др. В России проблемы цифровой религии приобрели особую значимость в период пандемии (начиная с 2019 года).

Таким образом, проблемы цифровизации религии, цифровой религии изучаются как зарубежными, так и отечественными учеными. Перечислены четыре основных волны цифровизации в религиозной сфере, выведены типы стратегий религиозных авторитетов в их онлайн-деятельности, частично определены категории религии в Интернете, типы религиозных онлайн-ресурсов, разделены понятия «религия онлайн» и «онлайн-религия», актуализируется дискурс отношений между традиционной и цифровой религиями. Тем не менее еще многое предстоит сделать для понимания феномена цифровизации религиозного сознания и его последствий.

Уровни проблемы цифровизации религиозного сознания

Анализ процессов цифровизации религиозного сознания позволяет выделить три уровня данной проблемы.

Первый уровень – конкурентный, заключается в создании большой конкуренции между традиционными религиозными учениями и альтернативными концепциями, среди которых – новое религиозное сознание, теософические, астрологические, магические, околопсихологические точки зрения, предлагающие свой взгляд на духовный мир. Выход религии в цифровую сферу встречается с плюрализмом альтернативных мнений, создающих мощную конкуренцию и борьбу за своих виртуальных прихожан. Поэтому, цифровизируясь, религиозные организации вынуждены отстаивать собственное учение, прибегая к популярным формам интернет-активности, к которым относятся создание сайтов, форумов, видеоблогов, различных приложений, систематическое ведение прямых эфиров/трансляций, позиционирование своей организации практически во всех социальных сетях. Цифровая среда создает возможность формирования новых мировоззрений, как писала Х.А. Кэмпбелл, такая «религиозная практика освобождена от традиционных ограничений и шаблонов, чтобы ее можно было переосмыслить за пределами экрана» [14, с. 1]. Вышеперечисленные направления органично встроены в виртуальное пространство, их онлайн-деятельность успешно развивается, многие из них являются коммерческими организациями, владеющими навыками маркетинга и пиара. Среди положительных моментов цифровизации – знакомство широких социальных слоев с философско-религиозными системами различных конфессий. Минусом данного среза цифровизации религиозной жизни является возможность подпасть под влияние течений, сильно отличающихся от существующих мировых религий, включая такие, которые ведут экстремистскую и подрывную деятельность по отношению к государству и обществу.

Второй уровень проблемы – замещающий, проявляется в замещении традиционных религиозных практик на религиозные практики

онлайн, а также в некотором искажении содержания религиозных учений вследствие их перехода в сетевую среду. Встает дискуссионный вопрос о том, что теряет религия и что она приобретает, перемещаясь в Интернет. Религиозное пространство имеет дело не только с толкованием и восприятием религиозного учения, но и с практиками, связанными с вещественными и энергетическими компонентами. Присутствие в храме, соприкосновение с вещественной религиозной атрибутикой, личное общение с духовенством создают некое энергетическое религиозное поле, которое трудно заменить в дистанционном режиме. Примером может являться одно из важных таинств православной церкви – обряд причащения, олицетворяющий в некотором роде энергетический процесс. Виртуальной альтернативой ему служит причащение онлайн, при котором миряне используют свою пищу. Вопрос о пользе таких дистанционных религиозных практик остается открытым. Это своего рода духовный вызов, вскрывающий глубину веры и степень религиозной дисциплины людей, привыкших как к эмоциональному, так и практическому посредничеству в лице церкви. Так, религиозные практики онлайн могут являться неким зеркалом отношения к собственной вере для каждого человека с определенной конфессиональной идентичностью. Нужно сказать, что цифровая религия приносит свой компонент, так необходимый современному верующему человеку – это осознанность выполняемых ритуалов, сознательный подход к религиозному учению.

Третий уровень проблемы религиозной цифровизации – *трансформационный*, заключается в полной трансформации религии как таковой и ее основ ввиду создания принципиально новой киберрелигии трансгуманистического типа. Речь идет уже не о функционировании религиозных институтов онлайн, а о создании принципиально новой цифровой религии, где такие фундаментальные религиозные категории, как жизнь, смерть, тело, душа, осмысливаются иначе. Наиболее ярко подобная модель проявляется в теориях трансгуманизма, где размыш-

ления о человеческом бессмертии неизбежно пересекаются с религиозным началом [15]. В. Бейнбридж, американский социолог религии, отстаивал возможность существования цифровой технорелигии, которая со временем сможет оказаться более востребованной, чем традиционные религии [16]. С помощью переноса человеческого сознания в цифровое измерение, воссоздания аватаров умерших людей, генерации множества миров, возможности контактировать с внеземными цивилизациями религия приобретет форму космополитизма и будет включать в себя новую этику [17]. Подобная ситуация может произойти с моделью религии, т. е. ее трансформацией вне привычного физического пространства. Приобретая новые качества, отличные от качеств своей «исходной» версии, онлайн-религия может необратимо поменять свои основания. Формируется принципиально новое религиозное сознание человечества, в котором постепенно утрачивается различие профанного и сакрального [18, с. 49]. Исходя из этого, религиозная безопасность в современном цифровизирующемся мире приобретает существенное значение.

Таким образом, выделенные уровни процессов и проблем цифровизации религиозного сознания освещают специфические особенности цифровизации религиозного сознания, которое имеет большое влияние на национальную и этническую идентичность, на эмоциональную и ментальную жизнь личности. Все это усугубляет проблемы безопасности религиозного сознания, опасности межэтнических, межконфессиональных конфликтов, искажения религиозного сознания и основ личностного сознания. Рассмотрим, как выделенные нами уровни влияют на безопасность религиозного сознания.

Проблема безопасности религиозного сознания в связи с процессами цифровизации

Отметим, что методы цифровой безопасности, хоть и существуют, но являются до сих пор ненадежными и недолговременными. А.И. Овчинников и М.Д. Фоминская предлагают следующее определение религиозной

безопасности: «...религиозная безопасность – это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от угроз в религиозной сфере общественной жизни, обеспечиваемое государственной конфессиональной политикой и общественно-политической деятельностью традиционных конфессий» [19, с. 8]. Известно, что цифровое пространство, мир Интернета на сегодняшний день является одной из самых незащищенных сфер человеческой жизни [20, с. 45]. Некоторые российские ученые полагают, что национальная безопасность в настоящее время как никогда нуждается в выделении своего особого аспекта – религиозной безопасности [21]. Так, религия, сфера общественной жизни, связанная с ценностями, моралью, мировоззрением, попадая в цифровые пространства, становится достаточно уязвимым объектом.

Выявленные уровни проблем цифровизации религиозного сознания мы используем для исследования проблем безопасности религиозного сознания. Так, конкурентный уровень раскрывает факторы влияния цифровизации на безопасность существующих религий (внешние факторы). На данном уровне особенно актуальными являются проблемы потери традиционными религиями своих прихожан, религиозный маркетинг в лице околорелигиозных и псевдорелигиозных движений, подрывающих моральный статус религии в принципе, а также возможность религиозного экстремизма ввиду увеличения масштаба мировоззренческого плюрализма.

Замещающий уровень показывает внутренние факторы влияния цифровизации религиозного сознания на религиозную безопасность. Он заключается в возможности утраты некоторых религиозных практик, обеспечивающих более тесную связь человека с религиозными организациями, действующим священством, контакты с которыми приносят верующим психологическую стабильность и уверенность в выборе конфессиональной идентичности. Наиболее остро встает проблема религиозного фундаментализма и экстремизма вследствие

появления широкого спектра субъективных интерпретаций определенных религий, что размывает границы между Священным Писанием и его личным пониманием, транслируемым в массы.

На трансформационном уровне раскрываются и внутренние, и внешние факторы влияния цифровых технологий на религиозную безопасность. Формируется проблема, связанная не с борьбой традиционных религий за свои ценности и утратой религиозных посредников и религиозных ритуалов, а с фундаментальным преобразованием религиозности в целом, ее глобальной этики и принципов, присущих многим религиозным направлениям. Перспективы борьбы с данным процессом видятся в активизации межрелигиозного сотрудничества и повышении уровня совместного конфессионального социального служения [22]. Подобные мероприятия показывают незаменимость и значимость религии офлайн в обсуждении существующих религиозных ценностей, решении многих социальных вопросов.

Таким образом, цифровизация оказывает существенное влияние и на формы, и на содержание религиозного сознания. Цифровые системы представляют гетерархичную (сетевую) модель функционирования, а религия долгое время оставалась в иерархичной модели. С внедрением цифровых технологий исчезают грани иерархического устройства религиозной организации. При этом существенно меняются основные принципы, заложенные в отношении религии и верующих людей. Подобные трансформации можно заметить в вышеописанных религиозных практиках онлайн, где между духовным лицом, представителем определенной конфессии, и верующим человеком образуется посредник в виде цифрового пространства. Таким образом, нарушается момент сакрального уединения, доверия и откровенности. Гетерархичная модель также свойственна новым религиозным движениям, которые, используя цифровизацию, удачно заполняют собой трансформирующееся религиозное пространство. В данном смысле цифровизация религиозного сознания сравнима с кризисными моментами

в истории человечества, такими как войны и революции, при которых религия ослабевала и на мировоззренческую арену выходили эзотерические и магические культы, присущие в основном новым религиозным движениям.

Среди факторов повышения религиозной безопасности укажем различные межрелигиозные конференции, культурно-религиозные мероприятия, совместное социальное конфессиональное служение. В нашей стране на государственном уровне сформирован и действует Межрелигиозный Совет России¹, нацеленный на обсуждение и решение межрелигиозных и социальных проблем страны. На региональном уровне существуют организации, систематически осуществляющие межрелигиозный диалог, такие как Дома народов России, Дома национальностей и культур и др. В России как поликонфессиональном государстве межрелигиозный диалог является обязательным условием мирного сосуществования религиозных групп и этносов. Достаточно высокий уровень межрелигиозного диалога постепенно образует общее религиозное поле, в котором религии находятся в отношениях сотрудничества и совместного развития.

Для того, чтобы личность могла эффективно и критически противостоять потоку псевдорелигиозной информации в цифровом пространстве, необходимо развивать религиозное образование и собственное мышление. Для повышения религиозной образованности рекомендуется введение новых образовательных курсов без акцентирования на конкретном религиозном учении, но базирующихся на политике поликонфессионального мира. Информация об основных принципах и смыслах мировых религий, их истории развития и связи с иными сферами общественного бытия – наиболее важные разделы для изучения. На уровне высшей школы цель подобных курсов заключается также в ознакомлении студентов с процессами религиозной глобализации, обе-

спечении понимания ими современных глобальных религиозных процессов применительно к сознанию человека [23]. Это предполагает умение выстраивать причинно-следственные связи между различными глобальными процессами и религиозной сферой бытия, умение сопоставлять системы религиозных учений и применять системный подход для осмысления религиозного сознания.

Заключение

Таким образом, в статье раскрываются три уровня проблемы цифровизации религиозного сознания: конкурентный, замещающий и трансформационный. Первый олицетворяет столкновение традиционных и нетрадиционных религиозных учений в сетевой среде. Второй показывает, как многие практики традиционных религий меняют свою форму и порой содержание, перемещаясь в цифровое пространство. Третий раскрывает радикальные изменения в ключевых религиозных постулатах, формирующие принципиально новый тип религиозности в киберрелигии. Оказывая влияние на субъективный мир человека и внося в него свои коррективы, цифровые технологии приводят к фундаментальным изменениям в сознании человечества, что особенно заметно отражается на сферах жизни, имеющих непосредственное влияние на мировоззрение человека, – культуре и религии.

Исходя из действия рассмотренных факторов, ключевой проблемой исследуемой темы остается религиозная безопасность. Динамически развивающиеся и необратимые процессы цифровизации приобретают все большую значимость для религиозной жизни и религиозного сознания на индивидуальном, глобальном, национальном уровнях и требуют дальнейшего исследования, формирования адекватных теоретических представлений об этих процессах, тенденциях, возможных рисках и их предупреждении в практике религиозной жизни.

¹Межрелигиозный Совет России. URL: <http://interreligious.ru/> (дата обращения: 18.04.2023).

Список литературы

1. O'Leary S.D. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks // J. Am. Acad. Relig. 1994. Vol. 64, № 4. P. 781–808. DOI: [10.1093/jaarel/LXIV.4.781](https://doi.org/10.1093/jaarel/LXIV.4.781)
2. Campbell H.A. Surveying Theoretical Approaches Within Digital Religion Studies // New Media Soc. 2017. Vol. 19, № 1. P. 1–10. DOI: [10.1177/08862605221138654](https://doi.org/10.1177/08862605221138654)
3. Cheong P.H. Authority // Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / ed. by H.A. Campbell. Abingdon: Routledge, 2013. P. 72–87.
4. Helland C. Digital Religion // Handbook of Religion and Society / ed. by D. Yamane. Cham: Springer, 2016. P. 177–196.
5. Нимяев Э.А. Исследование цифровой религии: классификация религиозных онлайн-ресурсов // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2022. № 3. С. 220–229. DOI: [10.35231/18186653_2022_3_220](https://doi.org/10.35231/18186653_2022_3_220)
6. Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н., Шевченко А.Г. Религия в условиях пандемии: отношение к цифровизации религиозных практик // Россия реформирующаяся. 2021. № 19. С. 462–483.
7. Островская Е.А. Социология религии: введение. СПб.: Петерб. Востоковедение, 2018. 320 с.
8. Смирнов М.Ю. Цифровизация как «обнуление» религий // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А.С. Пушкина. 2019. № 3. С. 137–145.
9. Чеснова Е.Н. Цифровизация религии: ислам // Гуманит. ведомости. ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2021. № 4(40). С. 70–82. DOI: [10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82)
10. Буваева Г.А. Интернет-пространство религии и «цифровизация буддизма» // Вестн. Калмыц. ун-та. 2020. № 2(46). С. 86–91.
11. Соколовский К.Г. Киберрелигия и риски духовной безопасности // Гуманитарное знание и духовная безопасность: сб. материалов VIII Междунар. науч.-практ. конф., Грозный, 10–11 декабря 2021 года. Махачкала: ЧГПУ; АЛЕФ, 2021. С. 256–259.
12. Манукян Э.Э. Влияние цифровой культуры на религиозную самоидентификацию молодежи // Современная культурология: проблемы и перспективы. Вып. 7: сб. ст. молодых ученых / под ред. Е.В. Листвиной, Н.П. Лысиковой. Саратов: Саратов. источник, 2021. С. 56–59.
13. Иванов А.В. Цифровая религия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 377–381. DOI: [10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381)
14. Campbell H.A. Introduction. The Rise of the Study of Digital Religion // Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds / ed. by H.A. Campbell. N. Y.: Routledge, 2013. P. 1–21.
15. Хвастунова Ю.В. Цифровая религия для трансчеловека // Науч. вестн. Горно-Алтайск. гос. ун-та. № 15. Горно-Алтайск: БИУ ГАТУ, 2020. С. 188–192.
16. Bainbridge W.S. Religion for a Galactic Civilization 2.0. URL: <http://giulioprisco.blogspot.com/2009/08/bill-bainbridges-religion-for-galactic.html> (дата обращения: 20.04.2023).
17. Шкаев Д.Г. Вирусы разума, цифровая религия и мифология девиаций: социально-философское сопоставление // Соц. и гуманит. науки. Отечеств. и зарубеж. литература. Сер. 3: Философия. Рефератив. журн. 2020. № 3. С. 49–54.
18. Лисов Д.С. Религия и киберпространство: цифровое перевоплощение // Осенняя школа по гуманитарной информатике: сб. тез. докл., Калининград, 09–12 ноября 2017 года. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2017. С. 46–51.
19. Овчинников А.И., Фоминская М.Д. Религиозная безопасность России и роль права в ее обеспечении // Сев.-Кавказ. юрид. вестн. 2014. № 3. С. 7–15.
20. Филимонова Т.А. Религиозная безопасность как полноправный раздел формирования культуры безопасности жизнедеятельности // Актуальные проблемы формирования безопасности жизнедеятельности населения: материалы XIII Междунар. науч.-практ. конф. по проблемам защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Москва, 14–15 мая 2008 г. М.: КУНА, 2008. С. 44–48.
21. Прокудина Н.В. Религиозный аспект национальной безопасности современной России // Magistra Vitae: электрон. журн. по ист. наукам и археологии. 2017. № 1. С. 75–82.
22. Белова Т.П. Конфессиональное социальное служение как форма гражданской активности // На пути к гражданскому обществу. 2014. № 2. С. 92–98.
23. Афанасьева М.А. Процессы глобализации религиозного сознания: описание курса // Россия в XXI веке: образование как важный цивилизационный институт развития и формирования российской культурно-исторической

идентичности: сб. докл. и материалов XXX Моисеевских чтений – науч.-практ. конф., Москва, 24–25 марта 2022 года / под общ. ред. М.Ч. Залиханова, С.А. Степанова; сост. Г.Р. Исакова. М.: РАН; Изд-во МНЭПУ, 2022. С. 251–259.

References

1. O'Leary S.D. Cyberspace as Sacred Space: Communicating Religion on Computer Networks. *J. Am. Acad. Relig.*, 1994, vol. 64, no. 4, pp. 781–808. DOI: [10.1093/jaarel/LXIV.4.781](https://doi.org/10.1093/jaarel/LXIV.4.781)
2. Campbell H.A. Surveying Theoretical Approaches Within Digital Religion Studies. *New Media Soc.*, 2017, vol. 19, no. 1, pp. 15–24. DOI: [10.1177/1461444816649912](https://doi.org/10.1177/1461444816649912)
3. Cheong P.H. Authority. Campbell H.A. (ed.). *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. Abingdon, 2013, pp. 72–87.
4. Helland C. Digital Religion. Yamane D. (ed.). *Handbook of Religion and Society*. Cham, 2016, pp. 177–196.
5. Nimyaev E.A. Issledovanie tsifrovoy religii: klassifikatsiya religioznykh onlayn-resursov [Digital Religion Study: A Classification of Religious Online Resources]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2022, no. 3, pp. 220–229. DOI: [10.35231/18186653_2022_3_220](https://doi.org/10.35231/18186653_2022_3_220)
6. Mchedlova M.M., Kofanova E.N., Shevchenko A.G. Religiya v usloviyakh pandemii: otnoshenie k tsifrovizatsii religioznykh praktik [Religion in the Context of a Pandemic: Attitude to the Digitalization of Religious Practices]. *Rossiia reformiruyushchayasya*, 2021, no. 19, pp. 462–483.
7. Ostrovskaya E.A. *Sotsiologiya religii: vvedenie* [Sociology of Religion: An Introduction]. St. Petersburg, 2018. 320 p.
8. Smirnov M.Yu. Tsifrovizatsiya kak “obnulyeniye” religiy [Digitalization as “Zeroing” of Religions]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2019, no. 3, pp. 137–145.
9. Chesnova E.N. Tsifrovizatsiya religii: islam [Digitalization of Religion: Islam]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2021, no. 4, pp. 70–82. DOI: [10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2021-1-4-70-82)
10. Buvaeva G.A. Internet-prostranstvo religii i “tsifrovizatsiya buddizma” [Attempts to Revive Religion in Virtual Space and “Digitalization of Buddhism”]. *Vestnik Kalmytskogo universiteta*, 2020, no. 2, pp. 86–91.
11. Sokolovskiy K.G. Kiberreligiya i riski dukhovnoy bezopasnosti [Cyber Religion and the Risks of Spiritual Security]. *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost'* [Humanitarian Knowledge and Spiritual Security]. Makhachkala, 2021, pp. 256–259.
12. Manukyan E.E. Vliyanie tsifrovoy kul'tury na religioznuyu samoidentifikatsiyu molodezhi [The Influence of Digital Culture on the Religious Identity of Young People]. Listvina E.V., Lysikova N.P. (eds.). *Sovremennaya kul'turologiya: problemy i perspektivy* [Modern Cultural Studies: Problems and Prospects]. Iss. 7. Saratov, 2021, pp. 56–59.
13. Ivanov A.V. Digital Religion. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2018, vol. 18, no. 4, pp. 377–381 (in Russ.). DOI: [10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-377-381)
14. Campbell H.A. Introduction. The Rise of the Study of Digital Religion. Campbell H.A. (ed.). *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. New York, 2013, pp. 1–21.
15. Khvastunova Yu.V. Tsifrovaya religiya dlya transcheloveka [Digital Religion for Transhumans]. *Nauchnyy vestnik Gorno-Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, no. 15, pp. 188–192.
16. Bainbridge W.S. *Religion for a Galactic Civilization 2.0*. Available at: <http://giulioiprisco.blogspot.com/2009/08/bill-bainbridges-religion-for-galactic.html> (accessed: 20 April 2023).
17. Shkaev D.G. Virusy razuma, tsifrovaya religiya i mifologiya deviatsiy: sotsial'no-filosofskoe sopostavlenie [Viruses of the Mind, Digital Religion and the Mythology of Deviations: A Socio-Philosophical Comparison]. *Sotsial'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 3: Filosofiya. Referativnyy zhurnal*, 2020, no. 3, pp. 49–54.
18. Lisov D.S. Religiya i kiberprostranstvo: tsifrovoye perevoploshchenie [Religion and Cyberspace: A Digital Transformation]. *Osenniyaya shkola po humanitarnoy informatike* [Autumn School on Humanitarian Informatics]. Kaliningrad, 2017, pp. 46–51.
19. Ovchinnikov A.I., Fominskaya M.D. Religioznaya bezopasnost' Rossii i rol' prava v ee obespechenii [Religious Safety of Russia and the Role of Law in Its Maintenance]. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik*, 2014, no. 3, pp. 7–15.
20. Filimonova T.A. Religioznaya bezopasnost' kak polnopravnyy razdel formirovaniya kul'tury bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti [Religious Security as an Integral Part of the Formation of a Culture of Life Safety]. *Aktual'nye problemy formirovaniya bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti naseleniya* [Current Issues of the Formation of Life Safety of the Population]. Moscow, 2008, pp. 44–48.

21. Prokudina N.V. Religioznyy aspekt natsional'noy bezopasnosti sovremennoy Rossii [Religious Aspect of the National Security in Modern Russia]. *Magistra Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii*, 2017, no. 1, pp. 75–82.

22. Belova T.P. Konfessional'noe sotsial'noe sluzhenie kak forma grazhdanskoy aktivnosti [Religious Social Service as a Form of Civic Engagement]. *Na puti k grazhdanskomu obshchestvu*, 2014, no. 2, pp. 92–98.

23. Afanas'eva M.A. Protsessy globalizatsii religioznogo soznaniya: opisanie kursa [Globalization of Religious Consciousness: A Course Description]. Zalikhanov M.Ch., Stepanov S.A. (eds.). *Rossiya v XXI veke: obrazovanie kak vazhnyy tsivilizatsionnyy institut razvitiya i formirovaniya rossiyskoy kul'turno-istoricheskoy identichnosti* [Russia in the 21st Century: Education as an Important Civilizational Institute for the Development and Formation of Russian Cultural and Historical Identity]. Moscow, 2022, pp. 251–259.

DOI: 10.37482/2687-1505-V276

Mariya A. Afanas'eva

Ivanovo State University;

ul. Timiryazeva 5, Ivanovo, 153025, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1533-8640> e-mail: mari.afanasieva@bk.ru

DIGITALIZATION OF RELIGIOUS CONSCIOUSNESS: PROBLEMS AND PROSPECTS

The article examines the digitalization of religious consciousness and discusses various problems arising in its course. Digitalization of religious consciousness is a process of modernization of the religious life of humankind, characterized by the introduction of digital technologies into it and the transition of the religious sphere into a network environment. Digitalization of religious consciousness is one of the factors of globalization. The author dwells on the spread of digital technologies to the religious sphere, indicating both positive and negative sides of this phenomenon. By influencing the subjective human world and making adjustments to it, digitalization brings fundamental changes to the consciousness of humankind, which is especially noticeable in culture and religion. The article provides a short overview of literature on the topic under study by both Russian and foreign authors. The results of the data obtained over the past decades are briefly described and the relevance of the studied issues is explained. In addition, the article touches on the topic of religious security in the light of the development and interpretation of religious teachings in the virtual space, where the differences between the profane and the sacred are weakened. Three levels of the problem of the processes of digitalization of religious consciousness are deduced: competitive, substituting and transformational. The competitive level represents the clash between traditional and non-traditional religious teachings in a network environment. The substituting level shows how a lot of practices of traditional religions change their form and, sometimes, content, when moving into the digital space. The transformational level exposes radical changes in key religious postulates, which forms a fundamentally new type of religiosity in cyber religion. Further, it is demonstrated how, with the introduction of digital technologies based on a heterarchical model of functioning, the perception of religion as a hierarchical institution is transformed. As a result of the action of the factors considered, the key problem of the topic under study is, and in the near future will remain, religious security. This issue is described in accordance with the highlighted levels of the problem of digitalization of religious consciousness. Possible measures to strengthen the security of religious consciousness in a dynamically developing digital society are proposed.

Keywords: digitalization, religion, religious consciousness, digitalization of religious consciousness, digital religion, cyber religion.

Поступила 26.03.2023

Принята 15.08.2023

Опубликована 25.09.2023

Received 26 March 2023

Accepted 15 August 2023

Published 25 September 2023

For citation: Afanas'eva M.A. Digitalization of Religious Consciousness: Problems and Prospects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 114–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V276

УДК 18:72

DOI: 10.37482/2687-1505-V285

ЮРЬЕВА Алла Васильевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры общественных наук Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна. Автор 36 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и трех учебных пособий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557>

МЕТАФОРА «НОВИЗНЫ» В СОВРЕМЕННОМ АРХИТЕКТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Данная работа представляет собой попытку прояснения существования метафоры «новизны» в современном архитектурном пространстве. Разностороннее изучение этого феномена помогает приблизиться к прояснению его сущности и указать на его значимость в мышлении человека и преобразовании им мира. **Цель** научного исследования заключается в обнаружении сущностных характеристик метафоры «новизны», описании ее свойств на примерах конкретных архитектурных объектов. Целью работы также является указание на творческий характер восприятия современной архитектуры, требующий от зрителя креативного мышления и желания расширять свои горизонты символического. **Актуальность** данного исследования заключается в недостаточной изученности метафоры «новизны» применительно к современным архитектурным объектам. **Новизна** состоит в расширении знания в области символического в культуре. В работе применяется философский метод анализа и синтеза на базе профессиональной литературы и объектов архитектуры. В качестве источников были использованы философские тексты, связанные с феноменом пространства, проблемой его восприятия, а также теоретические работы в области архитектурного творчества. Основным **результатом** данного исследования является прояснение сущности метафоры «новизны» в современном архитектурном пространстве, а именно использование определенных средств выразительности в его преобразовании. Метафора «новизны» зачастую исключает поиск прообраза, который был бы знаком зрителю в прошлом. Еще хочется отметить нарастающее усложнение взаимодействия между объектом архитектуры и субъектом его созерцающим, приводящее к очевидному творческому синтезу. **Теоретическое значение** итогов работы состоит в прояснении способов взаимодействия объектов современной архитектуры и зрителя.

Ключевые слова: метафора «новизны», современное архитектурное пространство, нелинейная архитектура, религиозные постройки, архитектурный минимализм.

---

*Адрес: 191189, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18; e-mail: 4alla@bk.ru

Для цитирования: Юрьева А.В. Метафора «новизны» в современном архитектурном пространстве // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 123–132. DOI: 10.37482/2687-1505-V285

Пространство и особенности его отражения в сознании индивида всегда были областью повышенного внимания ученых различных отраслей науки. Вопросами восприятия, категоризации и описания пространства человеком занимаются психология, философия, семиотика, литературоведение и другие науки. Это связано с тем, что пространство – важнейшая категория бытия, универсалия человеческого опыта.

История культуры демонстрирует различные примеры взаимосвязи философии и архитектуры. Недаром большинство архитекторов склоняются к тому, чтобы именовать строительное искусство замершей в камне философией своего времени. А мыслители, в свою очередь, часто обращались к строительству как к метафоре в собственных философских концепциях. К примеру, Анаксагор и Демокрит создали работу, посвященную перспективе, и она стала отправной точкой для рассуждений в трудах Витрувия, Леонардо да Винчи, П. Флоренского. С другой стороны, архитектура заимствует терминологию, впервые введенную именно в философии. Подобное произошло с демокритовскими категориями («форма», «порядок», «положение», «величина», «мера», «объем»), а учение великого математика и философа Пифагора отразилось на понятиях «гармония», «ритм», «пропорция». Такой синтез рождает постоянный интерес обеих сторон к сущности визуального наполнения пространства.

Помимо активного преобразования пространства вокруг себя, человек традиционно подвергает рефлексии свое существование в нем. Важнейшей проблемой в философии архитектуры становится изучение способов восприятия архитектурного пространства. При этом, учитывая особенности нашего сознания, стоит отметить, насколько часто в культуре фиксируется использование метафоры в качестве актуального средства выразительности. Что же касается архитектурного пространства, то метафора нередко выступает базисом коммуникативного процесса между архитектурной формой и зрителем. Или же, цитируя слова А.С. Самигулиной, можно сказать, метафора – это «когнитивный

механизм, который позволяет удачно трансформировать объективную данность в субъективную реальность» [1, с. 3]. Но в конечном счете метафора позволяет нам понять специфику восприятия индивидом самого себя и мира.

Человек, наделенный созидательным потенциалом и творческим мышлением, крайне предрасположен к метафорическому восприятию и воспроизведению окружающей действительности. К примеру, дизайнеры бытовых предметов часто прибегают к этому способу создания оригинальных вещей для яркого интерьера (культовая соковыжималка Juicy Salif Филиппа Старка или акустическая колонка в виде ракушки от Bowers&Wilkins). Однако еще до появления профессионального дизайнера как вида искусства история культуры показывает нам примеры метафоры в предметах материальной культуры далекого прошлого (ковш в виде утки, лодка в виде лебедя и т. д.). На подобных метафорических образцах отчетливо видно, как через конкретный материальный объект человек может переживать целую гамму различных, подчас полярных эмоций.

Используя или воспринимая метафору, он будто узнает в ней что-то знакомое, ранее виденное и осмысленное, но в то же время желает делать это не напрямую, а через некоторую «надстройку», образность, перенос. В данном факте кроется послание от человека к человеку, сигнал, пронзающий время и пространство, уходящий в бесконечность. Можно допустить, что в подобном творческом акте человек делает попытку соединить мир в единое целое посредством объективации внутреннего и внешнего, формы и содержания. Потребность сравнивать вещи с собой и окружающим миром становится ключевой для вхождения в творческий процесс метафоры как средства художественной выразительности. В свою очередь она дает возможность архитектору «формулировать» или выражать свое открытие, а зрителю – понимать новизну образа и одновременно выстраивать новые стратегии интерпретации постройки.

С учетом того, что неотъемлемым инструментарием архитектурного мышления выступают

философские категории «пространство», «содержание», «форма», «культурный код» и др., **целью** данной работы является прояснение сущностного наполнения метафоры «новизны» в современном архитектурном пространстве с помощью философского анализа. **Объектом** исследования выступают архитектурные сооружения современности, преломляемые в философско-культурологическом контексте.

Актуальность работы определяется усложнением символического языка современной архитектуры, необходимостью внимательного изучения изменяющегося пространства вокруг человека.

Новизна исследования состоит в конкретизации понятия «метафора “новизны”» в современном научном дискурсе.

Вопрос о сущности пространства всегда критически осмысливался в философии и архитектуре, ведь он отражает не только определенную картину мира, но и онтологические основания художественной формы в целом. В этом направлении больших результатов добились М. Фуко, П.П. Гайденко, А.В. Розенберг, С. Ситар, Г. Ревзин, Д.В. Никулин и др.

Семиотический взгляд на культуру, крайне актуальный для понимания метафоры, разрабатывался в трудах Ю. Лотмана, Р. Барта, У. Эко, В.Ф. Маркузона, Р. Якобсона, Ч.С. Пирса, П. Рикера, В.Н. Топорова, О.И. Явейна, В. Лучковой и других авторов.

В современном языкознании отмечается повышенный интерес к проблеме понимания «профессиональной» метафоры (О.С. Зубкова, С.В. Лебедева, С.Л. Мишланов). Метафору как средство выразительности в архитектуре исследовали М.В. Алпатов, М.А. Симоненко, Т.В. Семешкина, А.В. Степанов, Е.В. Жердев, А.С. Самигулина. Теория концептуальной метафоры прослеживается в работах Дж. Лакоффа, М. Джонсона, А.Н. Баранова, А.П. Чудинова и др.

В связи с повышенным интересом к исследованию метафоры специалисты в разных областях науки интересовались этим вопросом (Н.Д. Арутюнова, А.П. Чудинов, И.В. Полозова, А.Н. Баранов, А.М. Шахнарович, А.А. Залев-

ская, Л.И. Шрагина, А.Н. Янов, Н.С. Валгина, В.П. Москвин, В.К. Харченко и др.).

История архитектуры показывает нам, что сам ее язык не стремится к однозначности. Напротив, многозначность художественных форм – основа художественной действительности, которая вызывает широкий спектр ассоциаций. Классическим примером здесь служит здание Сиднейской оперы в Австралии архитектора Йорна Утзона. Множественность интерпретаций абстрактного образа этой постройки (ракушка, панцирь черепахи, семейство динозавров и т. д.) не помешала ему закрепиться как шедевр современной архитектуры. Здесь впечатление складывалось из некоторой множественности элементов – формы, цвета, фактуры.

Динамическое состояние строительного искусства всегда находится в тесной связи с социальными и художественными задачами времени. Архитектура согласно этой мысли была и остается процессом познания, созидания и преобразования окружающего мира. Функциональная организация архитектурных сооружений и их внешний облик изменились очень значительно, что даже смело можно говорить о появлении нового типа здания. В связи с этим можно вспомнить классификацию построек Роберта Вентури: от домов-уток (иконические образы сооружений, типа здания Сиднейской оперы) до «декорированных сараев» (традиционный функционализм) [2]. В первом случае метафора вырабатывает у зрителя мыслительный образ, поиск которого ведется в любом, даже неудачном случае метафоризации. Во втором – служит основой решения проблемы функционального назначения здания.

В свою очередь, особенность зрительного восприятия архитектурных объектов подробно изучена и однозначно учитывается при проектировании зданий. Даже можно сказать, что знание законов восприятия и удачное или неудачное их использование рождает силу воздействия строительного искусства на зрителя. И как результат – его эмоциональный отклик. Восприятие зачастую затруднено неготовностью

зрителя понимать новый язык форм и конструкций, а иногда и действительной вычурностью или неудачным творческим решением.

Описывая специфику крайне эклектичного архитектурного стиля прошедшего века, хочется процитировать: «в XX веке вместо массивности восторжествовала пространственность, вместо непроницаемой телесности – проницаемая каркасная структурность, вместо тысячелетней композиционной каноничности – произвольность объемно-планировочных схем, а вместо изобразительной пластики и “рукотворной” живости форм – их неизобразительность и машинный технологизм» [3, с. 26]. В этот период архитектура отходит от строгого логоцентризма, создавая игру означающих и означаемых, порождая непредугадываемые раскодировки знака.

Отметим, что философские направления, наполнившие XX век, такие как герменевтика, семиотика, нашли себе применение в анализе архитектурной формы. Тем более теория постмодерна, активно затронувшая строительное искусство, требовала явной философской поддержки и обоснования. Поэтому пристальное внимание к историческому экскурсу проясняет состояние так называемой архитектурной картины мира, ее близкое родство с различными философскими концепциями.

Стремление архитекторов адаптироваться к культурным запросам современности связано с гонкой за «современным» обликом построек, соответствующих требованиям стиля и моды. Что можно назвать «новым» в быстро меняющемся мире с высокоразвитыми технологиями и бесконечным потоком информации? Одним из художественных средств решения поставленной задачи и является метафора, значимость которой заключается в том, что она дает возможность переноса некоторых особенностей социокультурных или природных явлений жизни человека на материальный объект. Порой она способна формировать неожиданный (незаданный) эффект.

Современная архитектура крайне разнообразна, эклектична, насыщена. На сегодняшний день мы видим ее полистилистические об-

разцы, в которых узнаем элементы прошлых периодов. Как писал Ч. Дженкс: «сегодня мы можем слышать невнятный гомон языков, свободное смешение отдельных диалектов, а не классический язык дорического, ионического и коринфского ордера» [4, с. 23]. С этим сложно не согласиться.

Но, несмотря на то, что архитектура творится здесь и сейчас, не каждый ее образец мы назовем примером современной архитектуры, который становится воплощением чего-то нового, ранее не существовавшего. Ответ на вопрос, что же делает современную архитектуру современной, новой, постараемся дать посредством раскрытия метафоры «новизны».

Для начала стоит обратиться к понятию нелинейной архитектуры, где моделирование архитектурной формы происходит на основе работы компьютера. Как пишет И.А. Добрицына: «нелинейная архитектура – это попытка выйти за пределы евклидовой геометрии, построенной на рациональных формах, ограниченных гладкими поверхностями, к криволинейным поверхностям, принципиально несводимым к плоскости как таковой» [5, с. 35]. Исследуя объекты нелинейной архитектуры (музей Гуггенхайма в Бильбао Фрэнка Гери, Аронов-центр в Цинциннати Питера Эйзенмана и Еврейский музей в Берлине Дэниэля Либескинда, культурный центр Гейдара Алиева в Баку Захи Хадид и др.), мы замечаем единое свойство – линия в ней обретает первостепенное значение.

Метафора создается не в привычном ее понимании, как отсылка к конкретному образу в нашей памяти, попытка найти похожее, но рождается как ощущение нового, ни с чем не связанного в прошлом. Можно сказать, что подобные примеры заложили базу и для формирования метафоры «новизны» для многих других архитектурных объектов, частично или полностью повторяющих нелинейный стиль.

Таким образом, на примерах нелинейной архитектуры мы видим, как метафора «новизны» рождается не столько с помощью некоторого образа, а в большей степени с помощью линий и использованных материалов (стекло,

металл) или же фактуры. Линии и образуемые ими формы и фигуры имеют не только эмоциональное выражение, но и глубокий символический смысл, связанный с их эмоционально-эстетическим содержанием. Эмоциональное воздействие тех или иных линий на человека связано с нашей физиологией. Горизонтальная линия воспринимается глазом с минимальным напряжением и поэтому вызывает ощущение покоя и умиротворенности. Она связана с земной поверхностью, женским началом. Вертикальная линия вызывает большее напряжение и символизирует движение, прогресс, мужскую силу. А ломаные линии создают еще большую динамику, т. к. связано это с напряжением глазной мышцы и постоянной сменой направления. Но только вызывая в сознании индивида определенный отклик, эти линии в совокупности способны нести некое содержание, т. е. человек все же остается центральным элементом.

Для развития данной мысли приведем пример недавней постройки 2021 года, не относящейся к нелинейной архитектуре, однако с уверенностью ее можно назвать современной, порождающей метафору «новизны». Нью-йоркский архитектор Диана Келлог спроектировала школу для девочек Раджкумари Ратнавати, расположенную посреди пустыни Тар недалеко от Джайсалмера в западном индийском штате Раджастхан. Это учебное заведение предназначено для девочек из беднейших слоев общества, у которых были минимальные шансы получить образование. В регионе, где женская грамотность едва достигает 36 %, более 400 девочек, живущих за чертой бедности, посещают данное учреждение от детского сада до средней школы.

Архитектор черпала вдохновение в народной архитектуре этого района, проектируя овальное сооружение из песчаника, которое гармонично вписывается в ландшафт пустыни, а также является символом расширения прав и возможностей женщин.

Сама школа располагается вокруг обширного внутреннего двора овальной формы, в который выходят классные комнаты. Извилистые

коридоры соединяют классы, в то время как широкая лестница и примыкающий к ней пандус ведут на террасу на крыше, опоясывающую здание. Окруженные решетчатыми парапетами сетчатые стены, традиционно используемые в национальной архитектуре, порождают игру света.

Очевидно, что восприятие архитектурного пространства представляет собой сложный психологический процесс. Для его актуализации требуется работа всей системы личности, потому как восприятие – только начальный этап познания, за которым следует абстрактная, логическая форма мыслительной деятельности.

Метафоричность этой постройки рождается из выбранной формы здания – овала, которая дублируется в ряде элементов внутреннего декора. Первое впечатление от здания, даже вне понимания его функционального предназначения, – это символ женского начала, создающий ощущение гармонии, легкости, воздушности, но в то же самое время устойчивости. Здесь мы видим, как смысл объекта передается через его метафорическое значение, т. е. постигается в образе. Понять данный объект – значит увидеть смысл, сущность архитектурной метафоры. Таким образом, семантика метафоры рассматривается как выражение смысла художественного содержания.

Но метафору «новизны» данному объекту придает простота и четкость линий, строгость минималистичного декора, позиционирование здания как арт-объекта среди горизонтального пространства пустыни. Содержание метафоры «новизны» и ее «проявленность» в конкретном объекте в большей степени обусловлено уровнем развития и общей эрудицией воспринимающего человека.

По словам известного историка и теоретика архитектуры А.В. Иконникова [6], процесс восприятия строительного искусства по сути является комбинацией различных информационных потоков, воздействующих на человека, начиная от практических, заканчивая художественными и этическими. Такой симбиоз материального и духовного начал оказывается

довольно непростой задачей для анализа. Когнитивные установки, общекультурный статус, психическое состояние создают мощный фон нашего восприятия произведения архитектуры и, как следствие, значительно воздействуют на развитие его образа в нашем сознании.

В действительности пространство не может оставаться нейтральным, оно определяет и переопределяет поведение, обуславливает представления, обеспечивает основания для конструирования и распространения смыслов. Оно является механизмом, через который достигаются распределение и циркуляция тел, осмысливаются и определяются социальные отношения, и, наконец, посредством него реализуется закон.

Еще одним примером метафоры «новизны» хотелось бы обозначить не вполне архитектурный объект, в строгом смысле данного слова, но в некотором роде этот объект сам по себе является истинной метафорой. Американский художник Майкл Хейзер создал город посреди пустыни, который он строил с 1970 года. В метафоричности этого проекта сомневаться не приходится. Как известно, он заявил, что скульптуры могут конкурировать с самыми знаменитыми архитектурными объектами, что они не должны играть второстепенную роль в монументальном искусстве. Вопрос в том, что Хейзер понимает под скульптурой, в его случае она иногда может быть приравнена к архитектурным объектам, несмотря на то, что никто и никогда не сможет воспользоваться ими как объектами строительного искусства для нужд человека.

Уже в конце 1960-х годов абстрактный стиль Хейзера был узнаваем. К примеру, он начертил линии в пустыне мотоциклетными следами («Circular Surface Planar Displacement Drawing», 1970), взорвал 240 тыс. т породы со склонов горы в Неваде, чтобы создать две длинные траншеи шириной 9 и глубиной 15 м («Двойной негатив», 1969). Эти творческие эксперименты автор называл лэнд-артом.

Город Хейзера расположен в пустынной долине и занимает 2 км в длину и 800 м в ширину, его грандиозность сложно переоценить –

чтобы пройти всю длину, требуется полчаса. Этот обширный комплекс курганов и впадин вдохновлен традициями строительства курганов, распространенными среди коренных американцев, и церемониальными местами Центральной и Южной Америки. Но по своей сути город является воплощением метафоры. Два монументальных сооружения, закрепляющих площадку с обоих концов, еще больше подчеркивают грандиозность проекта.

«Комплекс один» – самый первый сегмент, который построил Хейзер, напоминает древнеегипетскую гробницу в форме гигантского прямоугольного кургана, в то время как «45°, 90°, 180°» – коллекция гигантских бетонных прямоугольников и прямоугольных треугольников, аккуратно расположенных на бетонной плите, отсылающая к доколумбовым памятникам. Между ними – ухоженные земляные насыпи, дороги, бугры и впадины, которые расположены в неочевидном порядке и в разных направлениях. Это место, построенное из утрамбованной грязи, камня и бетона, состоит из палитры бежевых, серых и темно-красных тонов. Более того, автор полагает, что появление большого количества посетителей посреди подобного пространства нарушит чистоту восприятия ландшафта, т. к. сам человек своей формой, изгибами линий, вертикальностью тела моделирует фактуру данного проекта.

По своей сути город – это метафора монументальной архитектуры давно исчезнувших цивилизаций, это глубоко абстрактное произведение искусства. Отсутствие какой-либо функциональности или цели придает совокупности угловатых и извилистых геометрических объемов, лежащих форм, мягких и твердых текстур некое качество, которое отвергает конкретное толкование, но не лишает его смысла.

Город Хейзера напоминает абстрактное пространство в теории А. Лефевра [7]. Напомним, что оно характеризуется тем, что включает в себя различные формы социальных установок. Они могут быть связаны с ментальными категориями, которые имеют далекую историческую перспективу, что и было продемонстрировано в данном проекте.

Метафора «новизны» рождается здесь также за счет доминирования линии в создании формы объекта. С одной стороны, мы действительно угадываем образы прошлого, но с другой – они совершенно самостоятельны и расширяют горизонты символического контекста. Но очевидно одно, что Хейзер с помощью города показывает зрителю некоторую схему по созданию человеком второй природы, идеально вписывающейся в первую.

Вопрос символического толкования пространства всегда был актуален для наиболее консервативной части архитектурного наследия – религиозного. Это обусловлено высокой значимостью структурных элементов постройки, их символической нагрузкой, традицией.

Очевидно, что подобные пространства для каждого верующего человека имеют большое значение. Это так называемые святые места. Все они, имея символическое значение, порождают маркировку «свое/чужое», связанную с уникальным мировоззрением верующего. Это усугубляет восприятие реального земного пространства как неоднородного. Интенсивные ощущения, возникающие при нахождении в подобных пространствах, доходят до того, что создается иллюзия своеобразной грани – наличия перехода, стыка двух миров, которая вызывает в верующих почти физические ощущения «воспарения» или «вознесения».

Здесь будет уместно вспомнить идею М. Фуко о гетеротопиях, которыми полнится пространство вокруг человека [8]. По мнению философа, всем историческим эпохам свойственно образовывать гетеротопии. Понимая подобные пространства как «другие места», он ставит их в противовес к утопии. Индивид, попадающий туда, должен адаптироваться к конкретным обстоятельствам и непременно изменить собственное поведение, совершив переход в новые условия. Это напрямую относится к религиозным постройкам любого типа.

Мечеть Санкактар, спроектированная Эмре Аролатом, была окончена в 2012 году. Ее называют одним из самых удивительных религиозных творений мира и это не преувеличение.

Утверждение Аролатом модернизма как основы современной турецкой архитектуры можно расценивать как смелое заявление, ведь его дизайнерская стратегия бросила вызов устоявшимся предположениям и популярным образам.

При первом взгляде на постройку невозможно определить ее религиозный статус, она отдаленно напоминает павильон Германии на Всемирной выставке в Барселоне (1929–1930) авторства Людвига Мис ван дер Роэ. При строительстве мечети были использованы прочные материалы (камень и бетон), контрасты тени и света, а также умелая интеграция здания и ландшафта. Чтобы пройти в саму мечеть, нужно спуститься по ступеням, вырубленным в травянистом склоне холма, затем пройти по нижнему двору, обрамленному каскадными водными террасами, впадающими в длинный отражающий бассейн. Потолок имеет форму контурных линий, словно на топографической карте, и напоминает одновременно пещеру и неглубокий купол. Сам архитектор упоминал, что вдохновлялся не сложными узорами традиционных мечетей Османской империи, а пещерой Хира в Саудовской Аравии, где пророку Мухаммеду были даны откровения. В результате получилось простое, но мощное пространство со спокойной атмосферой, которая побуждает к созерцанию и молитве.

Метафора «новизны» прослеживается в данной постройке благодаря своему неклассическому модернистскому облику, использованию актуальных строительных материалов и самое главное – ощущению чего-то нового, ранее не существовавшего в рамках религиозной архитектуры. Можно сказать, что здесь она используется как средство выхода за пределы рациональности [9–11], что для подобного типа построек кажется непереносимым условием.

Таким образом, анализ архитектурного наследия приводит к глубокому изучению не только визуального наполнения любого строительного объекта, но и того, каким образом это наполнение обретает определенный культурный смысл [12]. Объектом подобного анализа может выступать соотношение внешних

средств со смысловым полем архитектурного пространства, что удивительным образом проясняет понятия человека творящего и человека воспринимающего [13–15].

Резюмируя все вышесказанное, стоит подвести некоторые итоги.

Во-первых, изучая метафору в строительном искусстве, можно приблизиться к пониманию сложных когнитивных процессов, происходящих в сознании человека, творчески осмысливающего поставленную перед ним архитектурную задачу.

Во-вторых, начиная с эпохи постмодерна и до настоящего времени в архитектуре выработывались новые способы воздействия на зрителя, поэтому архитектурные метафоры становятся все более сложными для прочтения и понимания. Мы можем наблюдать, каким мощным спектром визуальных эффектов, в т. ч. связанных с разнообразием архитектурных форм, располагает современная культура. С одной стороны, это породило гонку за вычурностью метафорического высказывания в архитектуре. Но с другой – архитектурная постройка вообще перестает что-либо означать.

В-третьих, метафора «новизны» в современной архитектуре реализуется благодаря использованию актуальных материалов (стекла, металла, рельефных текстур), доминированию линий в проектировании формы здания, отсут-

ствию конкретного образа, рождающегося при восприятии объекта, привязанного к прошлому социально-культурному опыту человека.

В-четвертых, положительный эффект использования метафоры «новизны» в современном архитектурном пространстве заключается в обретении собственных, ненавязанных путей возникновения архитектурного образа. В этом видится совокупная деятельность автора и зрителя, их единый творческий акт, возможность творить в момент восприятия.

В-пятых, философский анализ архитектурных объектов приводит к глубокому изучению не только визуального наполнения любого строительного объекта, но и пониманию почему и каким образом это наполнение обретает определенный культурный смысл.

В заключение хотелось бы наметить векторы развития проблемы метафоры «новизны» в современном архитектурном пространстве. Крайне актуально будет проведение сравнительной характеристики метафоры «новизны» в различные исторические периоды, на конкретных примерах строительного искусства. В разработке проблемы восприятия метафоры перспективным становится изучение особенностей развития творческого восприятия современной архитектуры и расширения символического наполнения в культуре.

Список литературы

1. Самигулина А.С. Пространство за пределами пространства: когнитивно-семиотический ракурс: моногр. Уфа: РИО БашГУ, 2006. 142 с.
2. Вентури Р., Браун Д.С., Айзенур С. Уроки Лас-Вегаса: Забытый символизм архитектурной формы. М.: Strelka Press, 2015. 212 с.
3. Тасалов В.И. Очерк эстетических идей архитектуры капиталистического общества. М.: Наука, 1979. 335 с.
4. Дженкс Ч.А. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 137 с.
5. Добрицына И.А. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: Архитектура в контексте современной философии и науки. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 413 с.
6. Иконников А.В. Функция, форма, образ в архитектуре. М.: Стройиздат, 1986. 288 с.
7. Лефевр А. Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 405 с.
8. Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2002. 384 с.
9. Башляр Г. Поэтика пространства. М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. 350 с.

10. Бюхли В. Антропология архитектуры. Харьков: Гуманит. центр, 2017. 288 с.
11. Кавтарадзе С.Ю. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2021. 472 с.
12. Ситар С. Архитектура внешнего мира: искусство проектирования и становление европейских физических представлений. М.: Нов. изд-во, 2013. 480 с.
13. Youssef M. Architecture and Metaphor. Beirut: Beirut Arab University Press, 2016. 310 p.
14. Caballero R. Thinking, Drawing and Writing Architecture Through Metaphor // *Ibérica*. 2014. № 28. P. 155–180. URL: http://www.aelfe.org/documents/07_28_Caballero.pdf (дата обращения: 07.09.2023).
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 2003. 276 p.

References

1. Samigulina A.S. *Prostranstvo za predelami prostranstva: kognitivno-semioticheskiy rakurs* [Space Beyond Space: A Cognitive-Semiotic Perspective]. Ufa, 2006. 142 p.
2. Venturi R., Brown D.S., Izenour S. *Uroki Las-Vegasa: Zabytyy simbolizm arkhitekturnoy formy* [Learning from Las Vegas: The Forgotten Symbolism of Architectural Form]. Moscow, 2015. 212 p.
3. Tasalov V.I. *Ocherk esteticheskikh idey arkhitektury kapitalisticheskogo obshchestva* [Essay on the Aesthetic Ideas of Architecture in a Capitalist Society]. Moscow, 1979. 335 p.
4. Jencks C.A. *The Language of Post-Modern Architecture*. London, 1977. 104 p. (Russ. ed.: Dzhensk Ch.A. *Yazyk arkhitektury postmodernizma*. Moscow, 1985. 137 p.).
5. Dobritsyna I.A. *Ot postmodernizma – k nelineynoy arkhitekture: Arkhitektura v kontekste sovremennoy filosofii i nauki* [From Postmodernism to Nonlinear Architecture: Architecture in the Context of Modern Philosophy and Science]. Moscow, 2004. 413 p.
6. Ikonnikov A.V. *Funktsiya, forma, obraz v arkhitekture* [Function, Form and Image in Architecture]. Moscow, 1986. 288 p.
7. Lefebvre H. *La production de l'espace*. Paris, 2000. 485 p. (Russ. ed.: Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva*. Moscow, 2015. 405 p.).
8. Foucault M. *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Moscow, 2002. 384 p.
9. Bachelard G. *La poétique de l'espace*. Paris, 1957. 214 p. (Russ. ed.: Bashlyar G. *Poetika prostranstva*. Moscow, 2014. 350 p.).
10. Buchli V. *An Anthropology of Architecture*. Routledge, 2013. 222 p. (Russ. ed.: Byukhli V. *Antropologiya arkhitektury*. Kharkiv, 2017. 288 p.).
11. Kavtaradze S.Yu. *Anatomiya arkhitektury. Sem' knig o logike, forme i smysle* [Anatomy of Architecture. Seven Books About Logic, Form and Meaning]. Moscow, 2021. 472 p.
12. Sitar S. *Arkhitektura vneshnego mira: iskusstvo proektirovaniya i stanovlenie evropeyskikh fizicheskikh predstavleniy* [Architecture of the Outside World: The Art of Design and the Formation of European Physical Representations]. Moscow, 2013. 480 p.
13. Youssef M. *Architecture and Metaphor*. Beirut, 2016. 310 p.
14. Caballero R. Thinking, Drawing and Writing Architecture Through Metaphor. *Ibérica*, 2014, no. 28, pp. 155–180. Available at: http://www.aelfe.org/documents/07_28_Caballero.pdf (accessed: 7 September 2023).
15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago, 2003. 276 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V285

Alla V. Yur'yeva

Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design;
ul. Bol'shaya Morskaya 18, St. Petersburg, 191189, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7656-8557> e-mail: 4alla@bk.ru

THE METAPHOR OF NOVELTY IN MODERN ARCHITECTURAL SPACE

This paper is an attempt to shed some light on the existence of the metaphor of novelty in modern architectural space. A comprehensive study into this phenomenon will allow us to approach its essence and to point out its significance in human thinking and transformation of the world. The **purpose** of the research is to discover the essential characteristics of the metaphor of novelty and describe its properties using the examples of specific architectural objects. In addition, the article aims to indicate the creative nature of the perception of modern architecture, which requires that the viewers think creatively and wish to expand their horizons of the symbolic. This paper is **relevant** due to the metaphor of novelty being insufficiently studied in relation to modern architectural objects. The **novelty** of the research lies in extending knowledge in the field of the symbolic in culture. The philosophical method of analysis and synthesis based on professional literature and architectural objects was applied. Philosophical texts on the phenomenon of space and its perception, as well as theoretical works in the field of architectural creativity were used as sources. The main **result** of this study is the clarified essence of the metaphor of novelty in modern architectural space, namely, the use of certain means of expression in the transformation of space. The metaphor of novelty often excludes the search for a prototype that would have been familiar to the viewer in the past. Moreover, it is important to note the increasing complexity of the interaction between the object of architecture and the subject contemplating it, leading to an obvious creative synthesis. The **theoretical significance** of the results consists in elucidating ways of interaction between the objects of modern architecture and the viewer.

Keywords: *metaphor of novelty, modern architectural space, nonlinear architecture, religious buildings, architectural minimalism.*

Поступила 12.01.2023
Принята 21.08.2023
Опубликована 22.09.2023

Received 12 January 2023
Accepted 21 August 2023
Published 22 September 2023

For citation: Yur'eva A.V. The Metaphor of Novelty in Modern Architectural Space. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 123–132. DOI: 10.37482/2687-1505-V285

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова*, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых**. Автор 1033 научных публикаций, в т. ч. 16 монографий, 18 учебных пособий

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

ПРОБЛЕМЫ ПАРАДИГМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Рецензия на книгу: Куликова И.С., Салмина Д.В. Лингвистическая терминология в профессиональном аспекте: учебное пособие для вузов / СПб.: Лань, 2020. 380 с. ISBN 978-5-8114-6478-4

Рецензируемая книга интересна тем, что в ней изложен авторский подход к пониманию парадигматических отношений в терминологии. Дифференцируются структура терминологического поля и терминосистемы, что дает возможность их использования при описании процессов транстерминологизации и детерминологизации. Раскрываются причины ограничения синонимии, омонимии, а также и полисемии в терминологии. Рассматривая вопросы гиперо-гипонимических отношений в терминосистеме, автор убеждает читателей, что родовидовые и дихотомические классификационные отношения есть оптимальный вид терминологических связей. Вариантность и синонимия определяются как зоны развития терминосистем. Дается оценка омонимии и паронимии как безусловно нежелательным явлениям в терминологии.

Ключевые слова: терминосистемы, лингвистическая терминология, парадигматические отношения, полиядерность, полипарадигмальность.

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: fedulenkova@list.ru

**Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87; e-mail: fedulenkova@list.ru

Для цитирования: Федулénkova Т.Н. Проблемы парадигматических отношений в терминологии // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 133–139. DOI: 10.37482/2687-1505-V283

Появившаяся недавно на полках магазинов научной литературы книга И.С. Кулковой и Д.С. Салминой посвящена обсуждению наиболее острых общетеоретических и коммуникативно-прагматических проблем терминологии. Интересно это издание и тем, что материалами для теоретического анализа послужили метаязык лингвистики, а также метаязык научного и учебного лингвистического дискурса.

Основные темы, выдвинутые на обсуждение в данной книге, – это (а) проблемы термина как специального наименования в ряду соположенных единиц; (б) проблемы дефиниции понятия «термин»; (в) проблемы компонентной структуры значения термина; (г) проблемы системности как имманентного свойства термина; (д) проблемы терминообразования и его специфические черты; (е) содержательная специфика метаязыка лингвистики; (ж) проблемы функций термина и терминологических стратегий. Затрагиваются также и некоторые другие вопросы.

Особое внимание в книге уделяется термину как неотъемлемому компоненту терминосистемы. Терминологическое поле лингвистики автор считает полядерным, аргументируя свою позицию, с одной стороны, многоуровневостью языковой системы, а с другой – полипарадигмальностью современного языкознания.

В отличие от терминосистемы, полагает И.С. Куликова, разнородность элементов терминологического поля создает предпосылки для зависимости структурирования поля при его описании от выбора исходного основания: (а) генезиса (исконно русские термины или ксенотермины, т. е. заимствованные из других языков); (б) полноты терминологических свойств (термины ↔ номены), (в) меры терминологичности (термины, терминоиды и т. п.); (г) степени мотивированности и объяснительной способности¹.

Рассматривая терминологическое поле лингвистики с точки зрения подготовки профессиональной языковой личности, автор не исклю-

чает выделения в качестве ядра этого поля базовых терминов науки (общелингвистических терминов, включая наименования разделов науки и основных методов изучения языка); ближайшей периферии – терминологических субполей отдельных лингвистических дисциплин, что предполагает неизбежную парцелляцию упомянутой части поля; дальней периферии – узкоспециальных терминов, а также зон пересечения с другими терминологическими полями, которые образуются межнаучными терминами и общенаучной лексикой.

Все это – авторские аргументы устроенности терминологического поля, но по иным параметрам, нежели устроенность терминосистемы. И это дает право терминоведам на оперирование данным термином, обозначающим наиболее крупное парадигматически заданное образование, соотносимое с предметной областью науки, но при условии последовательного соблюдения полевой методики описания. В противном случае граница между оппозициями «терминологическое поле ↔ терминосистема» и «терминология ↔ терминосистема» размывается. Автор доказывает также удобство использования этого термина при описании таких процессов, как транстерминологизация (переход термина из одного терминологического поля в другое) и детерминологизация (выход термина из терминологического поля за рамки языка для специальных целей).

Факт, что системность языка на всех ее уровнях реализуется в парадигматических и синтагматических связях, есть аксиома в лингвистической теории. Парадигматичность термина при ослабленности его синтагматических связей впервые отметил А.А. Реформатский. Синтагматика термина-слова рождается в метаречи (например, в только что созданных фразах: парадигматичность термина, синтагматика термина, ослабленность синтагматических связей), но легко трансформируется в синтаксическую деривацию: парадигматические связи/

¹Наиболее полный перечень языковых параметров классификации/типологии терминов предлагают В.М. Лейчик и С.Д. Шелов [1].

отношения, синтагматические связи/отношения – это уже составные термины. Отмечая реальную трудность проведения границы между составным термином и синтагматикой термина, И.С. Куликова утверждает: если расширить синтагматику до понятия контекста, то следует признать, что однозначность подавляющего большинства терминов и их «дефинитивность» делают термин независимым от контекста.

В конденсированном виде специфику терминологической парадигматики представляет высказывание о том, что понятийные отношения между терминами преобладают над всеми другими отношениями в терминологической системе и что специфические языковые связи – синонимические, антонимические, омонимические – в терминологических системах предельно ограничены, а словообразовательные связи относительно узкие [2, с. 45].

Причину ограничения синонимии, омонимии, а также и полисемии в терминологической системе И.С. Куликова видит в тенденции термина к одно-однозначному соответствию, к симметрии знака (с. 155–156), с одной стороны, и в сознательной работе специалистов по упорядочению терминологий в этом направлении – с другой.

Рассматривая вопросы гиперо-гипонимических отношений в терминологии, автор обращается к идее В.М. Лейчика, согласно которой в основе терминосистемы как «языковой модели определенной специальной области» лежит система логически организованных понятий данной области знаний, или ее «логическая модель» [3, с. 119]. Это позволяет автору утверждать, что из всех системных отношений, присущих лексике естественного языка, терминологии с очевидностью свойственны логические по своей сути гиперо-гипонимические отношения, что вполне понятно: подавляющее большинство терминов науки связано с классификацией изучаемых явлений. Например: *морфема* → *корень и аффиксы, аффиксы* → *префиксы, инфиксы, трансфиксы, интерфиксы, суффиксы, флексии, постфиксы*. Этот вид отношений хорошо представлен и в системе специальной лексики (*мебель* → *стол, диван,*

шкаф...; *птицы* → *орел, чайка, стриж...*), но, как доказывает автор, в терминосистемах гиперо-гипонимические отношения отодвигают далеко на задний план собственно лингвистические связи: синонимию и омонимию. В результате И.С. Куликова доказывает, что родовые и дихотомические классификационные отношения есть оптимальный вид терминологических связей.

Исследователь показывает, что для рассмотрения терминологической антонимии в связке с гиперо-гипонимическими отношениями есть все основания: для авторов многочисленных работ по антонимии терминов [4–6] основной теоретической посылкой является положение, сформулированное В.П. Даниленко, которое заключается в том, что антонимия свойственна лексикону языка науки не менее, а скорее более, чем общелитературному [7, с. 79]. К тому же, по данным исследователей, в быстро развивающемся терминопле *автоматизированный электропривод* «в среднем у каждого пятого английского и каждого шестого русского термина есть антоним» (с. 98).

Логическая противопоставленность как сущность антонимических отношений, находящаяся в лексике общего языка в тени собственно семантической противопоставленности, в терминологии «выходит на свет», трансформируясь в дихотомические отношения, а антонимические пары образуют, соответственно, «понятийные терминологические оппозиции». Вполне согласна с автором, подчеркивающим закономерность бинарных оппозиций, организованных по признаку «есть – нет», занявших «особое, ведущее место в оппозиционной методике описания языка, разработанной для фонологии Н.С. Трубецким, а затем распространенной на другие уровни языковой структуры» (с. 98).

В качестве особого вида терминологической антонимии И.С. Куликова указывает на дихотомию составных терминов с первым компонентом – прилагательным, которое и является носителем противопоставленного признака: *твердый ↔ мягкий (согласный), сильная ↔ слабая (позиция), простое ↔ сложное (пред-*

ложение), полная ↔ частичная (ассимиляция) и др. При этом, согласно наблюдению автора, спецификой антонимии терминологических прилагательных «признается их строгая, заданная, условленная соотносительность с характеризующим научным понятием, реализующаяся в тесной связи определения и определяемого» (с. 99). Например, прилагательное *твердый* в составе термина *твердый согласный* не соотносимо ни с одним из его общеязыковых значений, а обозначает только отсутствие палатализации как артикуляционного признака мягких согласных, что отчетливо выражено в префиксальной антонимии их синонимов *непалатализованный* ↔ *палатализованный*. Так автор убедительно аргументирует свою позицию, состоящую в том, что основанные на логике и не подчиняющиеся закону формально-содержательной симметрии идеального термина гиперо-гипонимические и антонимические, или дихотомические, связи в высшей степени конструктивны по отношению к терминосистеме, что вовсе не характерно, по его собственному утверждению, для синонимии и омонимии.

И.С. Куликова не отделяет вопрос о терминологической синонимии от вопроса о терминологической вариантности. Как убедительно показывает автор, классические варианты (см. с. 100) не обладают заместительной, а тем более уточняющей функцией: это обычно переходящее явление в терминосистеме, и они как очевидная избыточность, со временем устраняются (например, в Лингвистическом энциклопедическом словаре *койнэ*, *параномасия*, *анти-тезис*, *адъективирование/адъективизирование* отсутствуют вообще, а *морфа* отодвинута на вторую позицию).

Предпочтение того или иного варианта в синхронном плане носит, по предположению исследователя, чисто «вкусовой» характер (ср. *морф* в учебниках по введению в языкознание А.А. Реформатского, Ю.С. Степанова и Н.Ф. Алефиренко – *морфа* в учебнике В.И. Кодухова). Несомненно, для сохранения вариантности в метаречи должны быть серьезные основания, как, например, для акцентного варианта

дискурс с ориентацией на французский язык-первоисточник и *дискурс* с ориентацией на английский язык-посредник (хотя последний вариант и считается сегодня нормой, причем, как замечает автор, постоянно нарушаемой!).

На фоне разработки теории терминологической вариантности именно сведение синонимии терминов к дублетности и является причиной разного к ней отношения. Приведенный пример (*языкознание* – *языковедение*) убедительно иллюстрирует мысль о неполном тождестве даже классических дублетов. Поэтому терминологическая синонимия вовсе не уходит из повестки дня терминоведов, а, напротив, получает дальнейшую разработку.

Признавая за синонимией и функцию замещения, и функцию уточнения, И.С. Куликова соглашается с наличием у терминов не только равнозначности и абсолютной синонимии, но и синонимов с тонкими содержательными различиями и, соответственно, считает возможным выделение нескольких типов терминологических синонимов:

(а) синонимы с различной внутренней формой и, следовательно, с выделением разных понятийных признаков одного денотата (*фрикативный* – *длительный* – *протяженный* – *дыхательный* – *открытый* – *придувной* – *спирант* – *проточный* – *целевой*);

(б) концептуальные синонимы, для которых характерно тождество денотата и различие в сигнификативном значении (*смыслоразличительная оппозиция* (Пражская школа структурализма) – *контрастная дистрибуция* (дескриптивизм));

(в) прагматические синонимы, имеющие оценочную коннотацию, немногочисленны (негативная характеристика *штамп*, *шаблон*, *трафарет* – нейтр. *клише*, *стереотип*, *стандарт*).

В целом вариантность и синонимия определяются как зоны развития терминосистем.

Омонимия и паронимия терминов расцениваются автором как безусловно нежелательные явления, хотя омонимы – реальность большинства терминосистем, даже таких упорядоченных, как ботаническая или зоологическая.

В терминологии у омонимов И.С. Куликова обнаруживает отличные от общеязыковых ракурсы рассмотрения, связанные с взаимодействием метаязыка данной науки с лексической системой общего языка и подъязыками других наук.

Давно и единодушно признается распространенность *межнаучной омонимии*, которая является результатом параллельного терминологического образования или заимствования. Ученые расходятся лишь в способах ее наименования (ср. *междисциплинарная омонимия* (Татаринов, 2006), *межтерминосистемная омонимия* (Борисова, 2000)). Но здесь нельзя не учесть мнение В.А. Татарина о филологическом, а не терминоведческом характере проблемы междисциплинарной омонимии, «поскольку примеры типа рефлекс у собаки и рефлекс в языке могут встретиться не в специальном отраслевом тексте, а только на страницах учебника по языковедению» [8, с. 139] и, конечно, в терминоведческих работах, как в данном случае.

В поле зрения И.С. Куликовой попали также омонимические отношения между термином и исходным словом литературного языка, например: *предложение, определение, обстоятельство, залог, наклонение, склонение, предлог*. Такие омонимы называют иногда *межсистемными* и более удачно – *макросистемными*. В современном терминоведении этот аспект омонимии разрабатывается в связи явлением консубстанциональности терминов (с. 162). Предложенные типы омонимических связей термина хотя и представляют закономерное следствие формирования терминологии, но являются внешними по отношению к конкретной терминосистеме. *Внутринаучную омонимию*, фиксируемую исключительно терминологическими словарями, убеждает автор, нельзя считать желательным феноменом, поскольку это «является нарушением *закона знака*» (с. 111), отклонением от тенденции термина к одно-однозначному соответствию формы и содержания.

Как частная разновидность внутринаучной омонимии выделяется и максимально

нежелательная, по мнению исследователя, а потому крайне редкая *внутрисистемная омонимия*, которая возникает между терминами «одного из разделов или подразделов одной науки»: акцент 1 (ударение) и акцент 2 (фонетические отклонения в речи на неродном языке), однако внутри фонетики они все же принадлежат разным терминологическим микрополям: просодике и артикуляционной фонетике (с. 111).

Паронимы как особый вид парадигматических связей в лексике были выделены лексикологами и лексикографами, прежде всего, как источники многочисленных речевых ошибок. В научной коммуникации они также являются источником интерпретационных ошибок и коммуникативных сбоев. И.С. Куликова подчеркивает важность различения членов паронимических оппозиций в научном тексте для формулирования в сознании автора текста механизма фокусирования на определенных признаках, характеристиках и свойствах объекта мысли, т. е. систематизации явлений в его когнитивной деятельности.

Подводя итоги нашим размышлениям, подчеркнем, что ученая и обучающаяся аудитория давно ждала подобную книгу, в которой можно найти ответы на целый ряд животрепещущих вопросов, таких, например, как:

- Являются ли синонимами фразеологический оборот и идиома?
- Когда происходит сокращение синонимического ряда?
- Какова разница в оценке наличия синонимов в общем языке и в терминологии?
- Какие разновидности омонимии более всего противоречат терминосистеме?
- В чем суть явления консубстанциональности терминов?

Книга рекомендуется студентам и аспирантам-филологам, специализирующимся в области терминологии, а также преподавателям для подготовки к лекциям и семинарам по проблемам терминологии в профессиональной сфере.

Список литературы

1. Лейчик В.М., Шелов С.Д. Лингвистические проблемы терминологии и научно-технический перевод: обзор. информ. Ч. 2. М.: Всесоюз. центр переводов, 1990. 78 с.
2. Толикина Е.Н. Термин в литературном языке // Нормы современного русского литературного словоупотребления / отв. ред. Г.А. Качевская, К.С. Горбачевич. М.; Л.: Наука, 1966. С. 43–65.
3. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.
4. Шумайлова М.С. Актуальные проблемы развития и функционирования терминологии Интернет в немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2005. 193 с.
5. Леонова С.А. Семантические отношения антонимии в технической терминологии (на примере терминополья «автоматизированный электропривод») // Вестн. МГОУ: электрон. журн. 2013. № 3. С. 15. DOI: [10.18384/2224-0209-2013-3-699](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-3-699)
6. Федотова А.К. Антонимия в терминологии (по материалам «Словаря русского языка XXI века» под ред. Г.Н. Скляревской) // J. Appl. Linguist. Lexicogr. 2020. Т. 2, № 1. С. 76–84. DOI: [10.33910/2687-0215-2020-2-1-76-84](https://doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-1-76-84)
7. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
8. Татаринов В.А. Общее терминоведение: энцикл. слов. М.: Моск. Лицей, 2006. 528 с.

References

1. Leychik V.M., Shelov S.D. *Lingvisticheskie problemy terminologii i nauchno-tekhnicheskij perevod: Obzornaya informatsiya* [Linguistic Problems of Terminology and Scientific and Technical Translation: Review]. Pt. 2. Moscow, 1990. 78 p.
2. Tolikina E.N. Termin v literaturnom yazyke [Term in Literary Language]. Kachevskaya G.A., Gorbachevich K.S. (eds.). *Normy sovremennogo russkogo literaturnogo slovoupotrebleniya* [Norms of Modern Russian Literary Word Usage]. Moscow, 1966, pp. 43–65.
3. Leychik V.M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology: Subject, Methods, Structure]. Moscow, 2009. 256 p.
4. Shumaylova M.S. *Aktual'nye problemy razvitiya i funktsionirovaniya terminologii Internet v nemetskom yazyke* [Current Issues of the Development and Functioning of Internet Terminology in the German Language: Diss.]. Omsk, 2005. 193 p.
5. Leonova S.A. Semanticheskie otnosheniya antonimii v tekhnicheskoy terminologii (na primere terminopolya "avtomatizirovannyj elektroprivod") [Semantic Antonymic Relations in Technical Terminology (Based on the Example of the Term-Field "Automatic Electric Drive")]. *Vestnik MGOU: elektronnyj zhurnal*, 2013, no. 3, p. 15. DOI: [10.18384/2224-0209-2013-3-699](https://doi.org/10.18384/2224-0209-2013-3-699)
6. Fedotova A.K. Antonyms in Terminology (Based on the Dictionary of the Russian Language of the 21st Century Edited by G. N. Sklyarevskaya). *J. Appl. Linguist. Lexicogr.*, 2020, vol. 2, no. 1, pp. 76–84. DOI: [10.33910/2687-0215-2020-2-1-76-84](https://doi.org/10.33910/2687-0215-2020-2-1-76-84)
7. Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya* [Russian Terminology: Experience of Linguistic Description]. Moscow, 1977. 246 p.
8. Tatarinov V.A. *Obshchee terminovedenie* [General Terminology]. Moscow, 2006. 528 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V283

Tat'yana N. Fedulenkova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
Vladimir State University;

ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827> e-mail: fedulenkova@list.ru

PROBLEMS OF PARADIGMATIC RELATIONS IN TERMINOLOGY

Review of the book: Kulikova I.S., Salmina D.V. *Linguistic Terminology in the Professional Aspect: A Textbook for Universities*. St. Petersburg, 2020. 380 p. (in Russ.). ISBN 978-5-8114-6478-4

The book under review is of interest as it outlines the author's approach to understanding the paradigmatic relations in terminology. The structure of the terminological field and terminological system is differentiated, which makes it possible to use them in describing the processes of transterminologization and determinologization. In addition, the reasons for restricting synonymy, homonymy and polysemy in terminology are explained. Considering the issues of hypo-hypernymic relations in the terminological system, the author argues that the genus–species and dichotomous classification relations are the optimal type of terminological relations. Variation and synonymy are defined as zones of development for terminological systems. Homonymy and paronymy are considered by the author as totally undesirable phenomena in terminology.

Keywords: *terminological systems, linguistic terminology, paradigmatic relations, multinuclearity, multiparadigmality.*

Поступила 28.06.2023
Принята 21.08.2023
Опубликована 22.09.2023

Received 28 June 2023
Accepted 21 August 2023
Published 22 September 2023

For citation: Fedulenkova T.N. Problems of Paradigmatic Relations in Terminology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 133–139. DOI: 10.37482/2687-1505-V283

ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор более 650 научных публикаций, в т. ч. 30 монографий (4 – в соавт.) и 6 учебных пособий (3 – в соавт.)*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

ПЕРВЫЙ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКИЙ ФОРУМ ИСТОРИКОВ

В статье дается аналитический обзор материалов Первого российско-белорусского форума историков, состоявшегося в Москве в начале июня 2023 года. Характеризуется работа пленарного и секционных заседаний, отмечаются наиболее значимые темы и проблемы, представленные и обсуждавшиеся на этом научном форуме. Подчеркивается значение взаимодействия историков России и Беларуси для формирования адекватного восприятия общей истории и исторической памяти народов двух стран и их представления в международном научном диалоге. Указывается, что создание общей истории важно для дальнейшего развития добрососедских связей и сотрудничества между странами и народами России и Беларуси.

Ключевые слова: научный форум, историческая память, история Российской Федерации, история Республики Беларусь, российско-белорусское сотрудничество.

2–3 июня 2023 года в Москве состоялся Первый форум историков, объединивший участников из России и Беларуси, что призвано было способствовать развитию сотрудничества в данной сфере отношений, а это, в свою очередь, должно содействовать делу строительства союзного государства.

Первый день форума прошел в главном здании Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ). Открыв заседание, ректор РГГУ, профессор А.Б. Белобородов пре-

доставил слово для приветствия участников форума исполняющему обязанности председателя правления Российского исторического общества (РИО), исполнительному директору фонда «История Отечества», доктору исторических наук Р.Г. Гагкуеву. Он подчеркнул, что проведение форума означает углубление сотрудничества ученых двух стран в обсуждении вопросов общей истории и формировании исторической памяти российского и белорусского народов, что призвано способствовать

---

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. Первый российско-белорусский форум историков // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2023. Т. 23, № 4. С. 140–143. DOI: 10.37482/2687-1505-V286

упрочению дружбы и связей между нашими странами.

На открытии форума были заслушаны также приветственные выступления заместителя академика-секретаря отделения историко-филологических наук Российской академии наук (РАН), председателя правления Российского общества историков-архивистов, члена Совета Российского исторического общества (РИО), академика РАН Е.И. Пивовара, ректора Академии управления при Президенте Республики Беларусь В.В. Даниловича и президента Российской академии образования О.Ю. Васильевой.

После окончания этого заседания участники форума продолжили работу в шести секциях. Первая из них была посвящена обсуждению исторических форм государственности, от Древнерусского государства через Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское до разделов Речи Посполитой. В ходе работы этой секции было заслушано и обсуждено 18 докладов, 9 из которых представили российские, а 9 – белорусские ученые. Вторая площадка посвящалась теме «Белорусские земли в составе Российской империи». Здесь были представлены и стали предметом дискуссии 10 докладов – 6 белорусских и 4 российских участников форума.

Третья секция обсуждала проблемы социально-экономического и культурного развития Белоруссии в советский период. Она была открыта докладом профессора САФУ В.И. Голдина, являвшегося и одним из модераторов этой секции, на тему «Концептуальные подходы к истории Гражданской войны на территории бывшей Российской империи». Доклад вызвал много вопросов, а одной из главных тем обсуждения стали особенности протекания Гражданской войны на белорусской земле. С указанной темой перекликался более частный, но важный вопрос о событиях польско-советской войны 1919–1920 годов в контексте Гражданской войны в России в исторической

памяти белорусов и россиян. С докладом на эту тему выступил заведующий кафедрой всеобщей истории, профессор Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины Н.Н. Мезга. В целом же на данной секции были заслушаны и обсуждены 16 докладов, в т. ч. 11 белорусских и 5 российских участников форума.

Четвертая секция была посвящена проблемам Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления. Здесь были представлены и обсуждены 16 докладов, 7 из которых были сделаны белорусскими, а 9 – российскими учеными. Участниками дискуссии стали еще 5 представителей России и Беларуси. Обратим особое внимание на доклад белорусских коллег, подготовленный 4 учеными во главе с академиком-секретарем отделения гуманитарных наук и искусств Национальной академии наук (НАН) Республики Беларусь А.А. Коваленей, на тему «Вклад Института истории НАН Беларуси в расследование уголовного дела о геноциде белорусского населения в годы Великой Отечественной войны и сохранение исторической памяти», который представил директор этого института, профессор В.Л. Лакиза.

Пятая секция носила длинное название: «30 лет новейшей истории. Российско-белорусское взаимодействие в конце XX – начале XXI в. Поиск точек сближения, опыт сотрудничества, новые тенденции и подходы в историографии, методологии, вопросах исторической терминологии». В этой секции были представлены и обсуждены доклады 9 белорусских и 8 российских участников.

Шестая секция была посвящена теме: «История в школах и вузах России и Беларуси». Здесь было представлено и обсуждено 6 докладов белорусских ученых и 4 доклада их российских коллег.

В отличие от традиционных конференций, которые открываются пленарным заседанием, организованным до начала работы секций, на этом форуме пленарное заседание состоялось

во второй день работы, который проходил актовом зале Института научной информации по общественным наукам РАН. Ведущим был государственный секретарь Союзного государства Д.Ф. Мезенцев. На открытии пленарного заседания выступил председатель РИО С.Е. Нарышкин. Он подчеркнул в своем выступлении союзнический и стратегический характер отношений России и Беларуси, духовную связь двух народов, общность их культурных ценностей, важность защиты исторической правды.

Ректор Академии управления при Президенте Республики Беларусь, профессор В.В. Данилович огласил приветствие главы администрации Президента Республики Беларусь И.П. Сергиенко. Заместитель министра науки и высшего образования К.И. Могилевский подчеркнул в своем выступлении, что руководители двух стран уделяют большое внимание активизации сотрудничества в деле формирования исторической памяти, бережного отношения к общей истории. Он указал, что в Беларуси 2022 год прошел под знаком исторической памяти и в вузах было введено преподавание истории белорусской государственности, а сейчас подобный курс вводится и в высшей школе России.

Директор историко-документального департамента Министерства иностранных дел России Н.М. Баринаова огласила приветствие министра иностранных дел С.В. Лаврова, в котором подчеркивалось, что коллективный Запад занимается искажением истории, сносит памятники, стремится рассорить братские народы. В нем делался акцент на значимости воссоздания общей истории и важности подготовки монографии по истории Союзного государства.

На пленарном заседании было оглашено приветствие от министра иностранных дел

Республики Беларусь С.Ф. Алейника. В нем указывалось на сложность современного этапа развития, когда человечество вступило в период постправды, манипуляции историей со стороны Запада и создания им фейковой картины мира. В связи с этим подчеркивалась потребность воссоздания исторической правды и изучения так называемых серых зон нашей общей истории. В приветствии отмечалась важность эффективного использования исторических знаний в развитии двух государств и деятельности их ветвей власти и делался акцент на такой задаче историков, как «образовывая – воспитывать».

Академик РАН А.О. Чубарьян, выступивший в режиме «онлайн», подчеркнул, что настоящий форум – это первая подобная встреча ученых России и Беларуси. Вместе с тем он указал, что участием в международных конференциях историки двух стран демонстрируют всем принципы сложившихся отношений: равноправие, открытость, поиск новых подходов и инноваций, общую позицию по отношению к прошлому, не исключающую и дискуссий, многообразный опыт сотрудничества на уровне вузов и школ.

Заключительное и обобщающее выступление на пленарном заседании сделал его ведущий Д.Ф. Мезенцев.

После завершения этого заседания продолжили работу секции, в рамках которых было представлено и обсуждено 11 докладов по широкому спектру проблем.

Подводя итоги состоявшегося научного форума, следует отметить, что он заложил основу для дальнейшего плодотворного сотрудничества историков России и Беларуси, что будет полезно для народов двух стран и формирования памяти об общей истории.

DOI: 10.37482/2687-1505-V286

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

THE FIRST FORUM OF RUSSIAN AND BELARUSIAN HISTORIANS

The paper presents an analytical review of the materials of the First Forum of Russian and Belarusian Historians, which took place in Moscow in the beginning of June 2023. The author describes the work of the plenary session and sections as well as identifies the most significant topics and issues that were presented and discussed during the forum. The article highlights the significance of the collaboration between Russian and Belarusian historians for creating an adequate perception of the two countries' common history and historical memory as well as for their presentation in the international scientific dialogue. It is pointed out that creating common history is important for stronger friendly ties and further collaboration between the countries and peoples of Russia and Belarus.

Keywords: *scientific forum, historical memory, history of the Russian Federation, history of the Republic of Belarus, Russia–Belarus cooperation.*

Поступила 02.08.2023
Принята 20.09.2023
Опубликована 22.09.2023

Received 2 August 2023
Accepted 20 September 2023
Published 22 September 2023

For citation: Goldin V.I. The First Forum of Russian and Belarusian Historians. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 140–143. DOI: 10.37482/2687-1505-V286

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Коканова Е.С., кандидат филологических наук, доцент, заведующая базовой кафедрой технологий и автоматизации перевода в бюро переводов «АКМ-Вест» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Кокаревич М.Н., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и истории Томского государственного архитектурно-строительного университета;

Котлярова В.В., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты Ростовской области;

Крайнов А.Л., кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Саратовского государственного университета генетики, биотехнологии и инженерии имени Н.И. Вавилова;

Лаврова Н.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 3 Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Мишланова С.Л., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингводидактики Пермского государственного национального исследовательского университета;

Моисеенко Л.В., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права Московского государственного лингвистического университета;

Петрунина Ж.В., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного университета;

Попова Е.А., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры 2-го иностранного языка Московского государственного лингвистического университета;

Силантьева М.В., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Сичинава Н.Г., кандидат филологических наук, профессор-ассистент департамента славянской филологии Государственного университета Акакия Церетели (г. Кутаиси, Грузия);

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений, высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Тимофеев О.А., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов (Москва);

Трофимова Н.А., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английской филологии и перевода Санкт-Петербургского государственного экономического университета;

Тюгашев Е.А., доктор философских наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета;

Шулежкова С.Г., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и массовой коммуникации Магнитогорского государственного технического университета им. Г.И. Носова;

Юдина Т.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Параметры страницы

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Форматирование основного текста

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм. Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть: <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»). <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.